

13
—
c. 71.

81

61
—
15.0

Мой брат

2/16

2/16

13
с. 71

Н. Сперанскій.

3 3
Вѣдѣны и вѣдовство.

Дчеркъ по исторіи церкви и школы въ Западной Европѣ.

244 а
X

125-120
1р 40к

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва — 1906.

6
177

Въ тотъ вѣкъ, который такъ еще недавно былъ для насъ только прошлымъ, для всякаго образованнаго европейца казалось не подлежащей спору истиной, что у рода людского нѣтъ болѣе опаснаго, болѣе лютаго врага, нежели суевѣріе. Свободу души отъ суевѣрія XVIII столѣтіе провозглашало необходимымъ залогомъ всякой другой свободы, ее ставили современники Вольтера главной примѣтой «просвѣщенія», въ непримиримой борьбѣ съ суевѣріемъ они усматривали первый долгъ всякаго «друга человѣчества» и ко всему, что напоминало объ эпохѣ наиболѣе пышнаго цвѣта суевѣрныхъ представленій, о среднихъ вѣкахъ, они относились или съ презрительной брезгливостью, или со страстной ненавистью.

Но «круговая теорія» историческаго движенія не даромъ соблазняла столько наклонныхъ къ философскому созерцанію головъ... «Суевѣріе — поэзія жизни» со вздохомъ сказало устами Гете поколѣніе, явившееся на смѣну поборникамъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка; и эта легкая грусть, все разрастаясь и разрастаясь, къ началу нашего молодого столѣтія среди самыхъ передовыхъ, самыхъ утонченныхъ круговъ европейскаго общества перешла въ горькій плачь по поводу утраты такого драгоценнаго источника красоты и полноты жизни. «Передовые изъ передовыхъ» идутъ при этомъ и много дальше чисто эстетическихъ воздыханій. Всякій, кто слѣдитъ за модными направленіями въ умственной жизни европейской интеллигенціи, самъ знаетъ, конечно, какіе гимны средневѣковому суевѣрію поютъ иные изъ новоявленныхъ «малыхъ пророковъ», пришедшихъ въ міръ, чтобы освободить его отъ рабскаго служенія «кумиру эпохи просвѣщенія — головному мозгу», и на какія отчаянныя попытки пускаются они, стремясь вернуть въ наше міросозерцаніе то, что такъ беспощадно было изъ него вычеркнуто торжествомъ рационализма.

Очень характернымъ образомъ при этой погонѣ за возвращеніемъ на землю чудесъ, безъ которыхъ многимъ кажется на ней такъ скучно, особенно посчастливилось демонологіи. Безчисленныя средневѣковыя «Acta Sanctorum» и въ наши дни мало въ комъ возбуждаютъ интересъ внѣ круга присяжныхъ ученыхъ, отыскивающихъ тамъ культурно-историческій матеріалъ; но объемистые трактаты, гдѣ демонологи XV и XVI вѣковъ съ мельчайшими подробностями изобразили гнусныя дѣянія дьявола и вѣрныхъ его прислужницъ, вѣдьмъ, въ послѣднія десятилѣтія все чаще и чаще стали переселяться изъ пыльных лавокъ антикваріевъ на рабочіе столы людей, гоняющихся за послѣднимъ словомъ современности, и литераторы съ громкими именами совѣтуютъ своимъ читателямъ на этихъ трудахъ освѣжать свою душу отъ «научной прозы», въ нихъ искать отправныхъ точекъ для замѣны «плоскаго» рационалистическаго міросозерцанія чѣмъ-нибудь болѣе глубокимъ. Имена такихъ классиковъ демонологіи, какъ Шпренгеръ, Боденъ или Дельріо, встрѣчаются теперь не только въ специальныхъ сочиненіяхъ, но и на страницахъ покупаемыхъ нарасхватъ повѣстей и романовъ, и кто открыто скажетъ, что не имѣетъ достодолжнаго понятія о «черной мессѣ», тотъ въ наши дни рискуетъ для многихъ оказаться безнадежно отсталымъ человѣкомъ.

Отъ всего этого, конечно, можно было бы и просто отвернуться, равнодушно пожавъ плечами. Вопреки славному Вико, жизнь человѣчества въ дѣйствительности не идетъ по кругу, и всѣ новѣйшія ея глубокія теченія нисколько не общаются въ обозримомъ будущемъ повторнаго торжества идей, дорогихъ сердцу современныхъ поклонниковъ средневѣковаго духовнаго уклада. Притомъ же, при ближайшемъ знакомствѣ эпохи, не вѣдавшія нашей скучной науки, очень теряютъ въ своемъ поэтическомъ очарованіи: давно уже замѣчено, что «анимистическое» міросозерцаніе кажется намъ поэтичнымъ лишь потому, что мы успѣли изъ него вырасти; для тѣхъ же, кто въ немъ жилъ, оно представляло худшую прозу, чѣмъ для насъ представляетъ наша наука. И наконецъ, разъ наши глаза разсмотрятъ, что фантастическое видѣніе, явившееся намъ при лунномъ свѣтѣ, на дѣлѣ оказывается лишь бѣлой простыней, то мы ихъ можемъ щурить какъ угодно: они упорно свидѣтельствуютъ, что это не болѣе, какъ простыня. Если же инымъ изъ пламенныхъ адептовъ модной демонологіи цѣной геройскихъ усилій и удается иногда добиться, что демоны дѣйствительно къ нимъ снова слетаются, то этихъ «маговъ» постигаетъ общая участь всѣхъ, кто когда-нибудь связывался съ нечистой силой. Извѣстно, что по странной непослѣдовательности демоны искони сами заботились объ

очищеніи земли отъ тѣхъ, кто призывалъ ихъ имя, и въ положенный срокъ уносили своихъ поклонниковъ въ преисподнюю, которая теперь смѣняется или по крайней мѣрѣ предваряется психіатрической больницей.

Но разъ вниманіе широкихъ круговъ читающей публики снова привлечено къ тѣмъ вѣдмамъ, которыми бредило западно-европейское человѣчество не далѣе какъ два съ половиной вѣка тому назадъ, разъ чудовищныя исторіи, рассказанныя на страницахъ «Молота Вѣдмъ», снова ей сообщаются и въ прозаической и въ стихотворной формѣ, то можно вполне законно воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы предложить ей познакомиться и съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по этому вопросу.

Спѣшу однако оговориться. Какъ ни ярко освѣщаетъ подобное знакомство умственную и нравственную физиономію современныхъ любителей демонологической литературы, но вовсе не въ этомъ заключается его серьезная, его истинная цѣнность. Тотъ мрачный эпизодъ культурной исторіи Европы, который такъ неразрывно связанъ съ зловѣщими именами Шпренгера, Бодена и Дельріо, дѣйствительно гораздо менѣе извѣстенъ внѣ тѣсныхъ ученыхъ сферъ, чѣмъ онъ того заслуживаетъ по внутреннему своему значенію. И любопытно замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простой случайностью. Какъ ни парадоксально можетъ это прозвучать, но если въ общихъ изложеніяхъ хода культурнаго развитія Европы почти никогда не огазывается мѣста для разсказа объ ужасныхъ процессахъ вѣдмъ, являющихся самымъ грязнымъ, самымъ смраднымъ пятномъ на всей европейской цивилизаціи, то виновато въ этомъ то самое обстоятельство, которое, съ другой стороны, и придаетъ имъ особенно глубокой научный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какую эпоху своего существованія европейское общество всего острѣе бредило дьяволомъ и вѣдмами и всего больше трепетало передъ этими заклятыми врагами христіанскаго имени? Мнѣ кажется, я не ошибусь, если предположу, что большинство образованныхъ людей, не обладающихъ въ исторіи профессиональными познаніями, почти не колеблясь отвѣтитъ на такой вопросъ: конечно, въ средніе вѣка. И между тѣмъ отвѣтъ этотъ далекъ отъ истины. Съ дьяволомъ средніе вѣка, положимъ, были всегда знакомы очень близко. Но «гнусное сообщество вѣдмъ» съ ихъ шабашами и черной мессой глубинѣ среднихъ вѣковъ совсѣмъ еще не было извѣстно. Оно открыто было только подъ самый ихъ конецъ, на порогѣ новаго времени, и наиболѣе свѣдущіе въ дѣлѣ люди, тѣ самые монахи, которые въ XV столѣтіи впервые изобличили вѣдмъ, сами свидѣтельствовали, что ранѣе хри-

стианскій міръ никогда не видывалъ подобныхъ ужасовъ. Они вполне опредѣленно утверждали, что вѣдьмы явились и размножились уже на ихъ глазахъ, и въ этой новой извѣ на «глубоко состарѣвшемся мірѣ» они усматривали неложный признакъ близившагося пришествія антихриста.

Итакъ, самое дикое, самое нелѣпое изъ всѣхъ извѣстныхъ суевѣрій, на ряду съ которымъ этнографы находятъ возможнымъ ставить развѣ лишь нѣкоторыя повѣрья негровъ центральной Африки, заполонило воображеніе культурныхъ европейскихъ народовъ вовсе не въ самое худшее ихъ время. Умственно темныя ихъ поколѣнія понятія не имѣли о томъ, что представляетъ собою истинное «вѣдовство». «Открытіе» вѣдьмъ относится къ эпохѣ, законно окрещенной— конечно, не за это—громкимъ именемъ «Эпохи Великихъ Открытій». Первые костры, зажженные для кары «чортовыхъ женъ», бросили свой кровавый отблескъ на небо, на которомъ занималась уже заря Возрожденія, и классическимъ періодомъ организованныхъ судебныхъ убійствъ, именованныхъ «процессами вѣдьмъ», являются вѣка, которые, вопреки мрачному пророчеству Шпренгера и другихъ его собратьевъ, принесли «состарѣвшемуся міру» не пришествіе антихриста, а небывалый расцвѣтъ духовнаго творчества—вѣка, которые въ исторіи совершенно законно характеризуются по такимъ ихъ чертамъ, какъ гуманизмъ, какъ реформація, какъ зарожденіе естественныхъ наукъ. И какъ не остановиться въ недоумѣніи передъ такою антитезою. Когда солнце ходило еще кругомъ земли, земля была чиста отъ вѣдьмъ, и старымъ женщинамъ предоставлялось спокойно умирать у себя въ постели. Но среди дошедшихъ до насъ отъ Кеплера бумагъ сохранилась его записка въ судъ, гдѣ онъ отстаиваетъ свою старуху мать отъ обвиненія въ вѣдовствѣ, причемъ славный астрономъ ни единымъ словомъ не возражаетъ противъ возможности подобныхъ обвиненій. Что думалъ онъ объ этомъ въ самомъ дѣлѣ, мы этого не знаемъ. Но, какъ и всѣмъ его современникамъ, ему твердо было извѣстно, что, попробуй онъ поставить защиту на такую почву, и ему самому пришлось бы отпираться вмѣстѣ съ матерью въ застѣнокъ. «Кто говоритъ, что вѣдьмъ не существуетъ, того нельзя не заподозрѣвать самого въ принадлежности къ ихъ сообществу»—этимъ принципомъ руководились нѣмецкіе суды въ ту пору, когда Кеплеръ открывалъ свои знаменитые законы движенія свѣтилъ.

Эта поразительная «несвоевременность» процессовъ вѣдьмъ—если можно такъ выразиться—этотъ рѣзкій диссонансъ между ними и общимъ колоритомъ тѣхъ столѣтій, на которыя падаетъ мрачная ихъ тѣнь, и объясняетъ намъ ближайшимъ образомъ, почему обще-

историческіе труды о нихъ почти не поминаютъ. Когда приходится рисовать широкія культурныя картины, гдѣ главными фигурами являются такія лица, какъ Колумбъ и Васко-де-Гама, какъ Гуттенбергъ, какъ Леонардо да-Винчи, Рафаэль и Микель Анджело, какъ Эразмъ и Гуттенъ, какъ Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ, какъ Коперникъ, Кеплеръ и Галилей, какъ Бэконъ и Шекспиръ, то на ихъ фонѣ, дѣйствительно, не сразу отыскивается мѣсто для передачи тѣхъ сценъ дикаго бреда, какимъ является борьба европейскаго общества съ «прислужницами дьявола». А раньше, въ тѣ эпохи, съ умственной жизнью которыхъ процессы вѣдьмъ могли бы, повидимому, свободно гармонировать, сама исторія не позволяетъ о нихъ распространяться, ибо тогда она еще дѣйствительно ничего подобнаго не знала. Но эта же «несвоевременность» процессовъ вѣдьмъ, какъ я уже замѣтилъ, и придаетъ имъ, съ другой стороны, чрезвычайный интересъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разрѣшается такая аномалія, которая становится еще загадочнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что и въ XV—XVII вѣкахъ процессы вѣдьмъ являлись принадлежностью лишь передовыхъ странъ христіанскаго міра: задержанный въ своемъ развитіи Востокъ Европы, Россія и Балканскія государства, и въ ту пору оставались свободны отъ этихъ ужасовъ. Что-жъ здѣсь такое передъ нами? Какая-нибудь особенно прихотливая игра историческихъ случайностей? Или тутъ есть своя закономерность, раскрытіе которой можетъ показать, что наши обычные представленія о ходѣ «прогресса цивилизациі» носятъ чрезмерно упрощенный, прямолинейный, схематическій характеръ, и въ частности, что дѣло распространенія народнаго образованія въ Европѣ далеко не всегда сопровождалось лишь благотѣльными послѣдствіями для народа, что у него оказывается и своя черная изнанка?

Въ такой общей связи и будетъ проведенъ настоящій очеркъ¹⁾. Но, прежде чѣмъ приступить къ анализу явленія, я долженъ буду, въ силу указанныхъ уже мною условій²⁾, дать хотя сжатое опи-

¹⁾ Среди длиннаго ряда работъ по нашему предмету, вышедшихъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, особаго вниманія заслуживаютъ: Janssen-Pastor, *Geschichte des deutschen Volkes*. Achter Band (1894 г.);—S. Riezler, *Geschichte der Hexenprozesse in Bayern* (1896 г.);—J. Baissac, *Les Grands Jours de la sorcellerie* (1900 г.);—J. Hansen, *Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter* (1900 г.) и того же автора *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter* (1901 г.). На эти труды и опирается главнымъ образомъ съ фактической своей стороны предлагаемый очеркъ.

²⁾ Существующая на русскомъ языкѣ популярная описательная работа г. Канторовича „Средневѣковые (?) процессы о вѣдьмахъ“ давно уже не отвѣчаетъ положенію вопроса въ западно-европейской научной литературѣ.

саніе самыхъ процессовъ вѣдьмъ, я долженъ буду сдѣлать хотя краткій пересказъ «этой безконечной драмы, исполненной сценами такихъ несказанныхъ, невыразимыхъ, безмѣрныхъ мукъ, терзаній и отчаянія со стороны гонимыхъ и такого суевѣрія, тупости и звѣрства со стороны гонителей, что съ этимъ по жестокости ничто не можетъ сравниться въ лѣтописяхъ европейскихъ націй».

Преслѣдованіемъ вѣдьмъ, смотря по времени и по странѣ, занимались различные органы судебной власти. Въ раннюю свою пору, въ XV столѣтіи, такого рода процессы велись почти исключительно предъ космополитическими трибуналами римской инквизиціи. Въ Италіи и въ Испаніи инквизиція сумѣла удержать ихъ за собой и до самаго конца. Что касается прочихъ странъ, то послѣ реформациі не только въ протестантскихъ, но и въ оставшихся католическими государствахъ они почти вездѣ перешли въ руки свѣтскихъ судовъ, вѣдавшихъ уголовными дѣлами. Но разница эта въ данномъ случаѣ—что уже само по себѣ заслуживаетъ вниманія—не играетъ сколько-нибудь видной роли. Картины гоненія на вѣдьмъ сразу насъ поражаютъ и необыкновенно дикою игрою фантазіи, съ которой здѣсь приходится встрѣчаться, и необыкновенной своею монотонностью. Откуда бы ни шли относящіяся къ нимъ памятники, мы не находимъ на нихъ почти никакой мѣстной окраски. Въ церковныхъ и въ свѣтскихъ, въ католическихъ и въ протестантскихъ судахъ процессы вѣдьмъ протекали совершенно одинаковымъ порядкомъ и приводили къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Поэтому, чтобы составить себѣ вполнѣ достаточное понятіе объ этомъ паразитическомъ эпизодѣ изъ области отправленія человѣческаго правосудія, довольно заглянуть въ уголовную хронику любой изъ западно-европейскихъ странъ. Удобнѣе всего намъ будетъ взять Германію, такъ какъ ея архивы даютъ тутъ и особенно богатый и, главное, прекрасно разработанный матеріалъ. Итакъ, посмотримъ, что представляли собой процессы вѣдьмъ въ Германіи въ ту пору, когда они являлись обыденной принадлежностью нѣмецкой жизни, т.-е. въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Общій судебный строй Германіи въ указанный періодъ, какъ это намъ необходимо слѣдуетъ замѣтить, характеризуется слѣдующими двумя существенными чертами. То было время, когда старый устный и гласный судъ шеффеновъ, руководившійся въ своихъ приговорахъ непосредственно народнымъ правовымъ сознаніемъ, былъ окончательно вытѣсненъ новыми коронными судами, которые составлялись изъ ученыхъ юристовъ, обязанныхъ сообразоваться

исключительно съ формальнымъ, писаннымъ законодательствомъ, и не терпѣли никакого участія «необразованнаго» общества въ дѣлѣ отправленія правосудія. И, съ другой стороны, то было время, когда центральная правительственная власть, не полагаясь на компетентность мѣстныхъ судебныхъ учреждений, особенно ревниво слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, что выражалось въ широкомъ развитіи такъ называемой «пересылки актовъ». Въ крупныхъ процессахъ мѣстные суды по первому требованію сторонъ, иногда же и помимо него, обязаны были пересылать всѣ относящіяся къ дѣлу документы на заключеніе въ высшую инстанцію, которой являлись или особыя правительственныя «придворныя» комиссіи, чаще же всего юридическіе факультеты при университетахъ. Дѣла о вѣдмахъ — на ряду съ дѣлами о ересяхъ, объ оскорбленіи Величества, о государственной измѣнѣ, о разбояхъ на морѣ и на большихъ дорогахъ и о фальшивыхъ монетчикахъ, — причислялись къ разряду «особо важныхъ», и потому подобная «пересылка актовъ» при нихъ была почти что общимъ правиломъ. Указанныя высшія инстанціи съ крайней заботливостью слѣдили за процессами такого рода — фактъ, значеніе котораго для нашего вопроса, я думаю, можетъ считаться очевиднымъ.

Чего же требовалось по закону, чтобы дѣло о «вѣдовствѣ» могло начаться? На этотъ счетъ первые юридическіе авторитеты той эпохи давали судьямъ такія наставленія. Въ подобныхъ случаяхъ, говорили они, судъ при оцѣнкѣ приносимой ему жалобы и собранныхъ по ея поводу свидѣтельскихъ показаній отнюдь не долженъ искать вполне убѣдительныхъ доказательствъ вины оговореннаго лица: съ него должно быть довольно, если представленныя ему факты не лишены правдоподобія. *Conjecturae, verisimilitudines in tali casu vim plenae probationis obtinent.* А гдѣ шла для той эпохи граница правдоподобія въ этой области, о томъ даютъ намъ точныя свѣдѣнія сохранившіеся во множествѣ протоколы судебныхъ слѣдствій по вѣдовскимъ дѣламъ. «Дурно ославленная старуха, поссорившись съ сосѣдомъ, посулила ему, что такъ ему это не пройдетъ, и у сосѣда вскорѣ пала скотина» — достаточный поводъ для возбужденія противъ старухи судебного преслѣдованія. «Двѣ дурно ославленные старухи послѣ сильнаго градобитія между собою толковали: Да это, можетъ, еще не послѣдній градъ; можетъ, будетъ и еще хуже» — слѣдователь считаетъ необходимымъ заключить старухъ въ тюрьму. «Оговоренная женщина дала одному мужику поѣсть пирога, и у того съ ея пирога заболѣлъ животъ. Другой мужикъ ея мѣшкомъ вздумалъ было подбить себѣ штаны — и вскорѣ повредилъ себѣ колѣнку. У третьяго послѣ ссоры съ ней

заболѣлъ воль» — степеніе такого рода обстоятельствъ дѣлаеть для суда вину болѣе чѣмъ правдоподобною. Примѣры эти взяты изъ сотенъ и представляютъ собой самыя заурядныя поводы къ началу вѣдовскихъ процессовъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы и въ тѣ времена всякій подобный оговоръ немедленно признавался достаточнымъ поводомъ для поднятія судебного дѣла. Въ спокойныя годы, когда бредъ вѣдьмами лишь тлѣлъ подъ пепломъ, суды нерѣдко оставляли такія жалобы безъ всякаго вниманія, и въ хроникахъ намъ сохранились даже примѣры того, какъ власти вырывали изъ рукъ толпы несчастныхъ, надъ которыми она изъ-за подобныхъ подозрѣній готова уже была учинить варварскую расправу. Но стоило только страху предъ вѣдьмами разъ вспыхнуть въ данной мѣстности сильнѣе, и тѣ же самыя суды оказывались способны придавать полный вѣсъ такимъ же и даже еще менѣе осязательнымъ уликамъ. Въ качествѣ характернаго образчика я приведу исторію возникновенія одного очень крупнаго процесса, который на исходѣ XVI вѣка настолько прославилъ «юстицію» баварскаго округа Шонгау, что ея служители предлагали даже правительству увѣковѣчить память объ этомъ постановкой въ самомъ Шонгау или въ его окрестностяхъ высѣченной изъ камня колонны.

У крѣпостнаго мужика штейнгаденскаго монастыря, лежавшаго въ сосѣдствѣ съ Шонгау, въ домѣ случилось сразу два несчастія — умеръ ребенокъ и тутъ же подохла свинья. Подозрѣвая, что вышло это не спроста, мужикъ пошелъ въ сосѣднее мѣстечко Кауфбейренъ, чтобы посоветоваться съ тамошнимъ палачомъ. Надо замѣтить, что по всеобщему убѣжденію того времени никто не могъ такъ хорошо распознавать вѣдьмъ, какъ палачи, которымъ случалось неоднократно ихъ пытаться. Вернувшись послѣ разговора съ палачомъ домой, мужикъ подалъ въ судъ жалобу на одну изъ крестьянокъ, нѣкую Гейгеръ, обвиняя ее въ томъ, что это она своими чарами извела у него младенца и скотину. Судья арестовалъ было оговоренную женщину, но, нашедши обвиненіе недостаточно доказаннымъ, вскорѣ опять отпустилъ ее на свободу, и послѣ этого двѣнадцать лѣтъ въ округѣ не было никакихъ толковъ о вѣдьмахъ. Но въ 1587-мъ году на ту же Гейгеръ была подана новая жалоба — на этотъ разъ со стороны мѣстнаго живодера, который обвинялъ ее, что она извела у него двухъ коней — и Гейгеръ снова была взята въ тюрьму. При этомъ судья впалъ въ колебаніе. Самъ онъ былъ склоненъ теперь начать процессъ, но очень вліятельное въ округѣ лицо, штейнгаденскій прелатъ, усиленно совѣтовалъ ему опять направить дѣло къ прекращенію. Тогда судья

«переслалъ акты» въ Мюнхенъ Придворному Совѣту и получилъ оттуда такое указаніе: «оговоренную женщину слѣдуетъ попытать, но не накрѣпко». Вопреки общему правилу подсудимая устояла противъ пытки и была снова выпущена на свободу. Но дѣло это взволновало всю округу, и отовсюду стали слышаться голоса, что если скотскіе падежи такъ донимаютъ народъ, то виновата въ этомъ «все болѣе и болѣе распространяющаяся ужасная и гнусная язва вѣдовства». Такъ какъ подобныя толки шли не прекращаясь, то въ дѣло вмѣшался, наконецъ, самъ герцогъ Фердинандъ, къ владѣніямъ котораго принадлежало Шонгау. По его приказанію въ 1589 году наряженъ былъ строжайшій сыскъ о вѣдмахъ—и вѣдмы отыскились въ великомъ множествѣ. Три года у суда въ Шонгау не было досуга для разбора всѣхъ прочихъ дѣлъ, и, наконецъ, больше шести десятковъ подсудимыхъ отправлены были на костеръ. При этомъ свидѣтельскія показанія отнюдь не отличались какой-нибудь особой убѣдительностью. «Старуха такая-то замѣчена въ томъ, что подбирала конскій пометъ—навѣрное, чтобы околдовать хозяина этого коня». «Старуху такую-то сосѣди видѣли во время сильной грозы стоявшей у себя на дворѣ» и т. д., и т. д. Однако если раньше судъ въ подобныхъ случаяхъ былъ еще способенъ колебаться, то теперь за всѣми этими показаніями признавалась полная убѣдительность. Надо замѣтить, что ради осторожности герцогъ пересылалъ всѣ акты на разсмотрѣніе ингольштадтскаго юридическаго факультета, и тотъ нашель, что дѣло по всѣмъ пунктамъ было проведено совершенно правильно.

Чтобы дать почувствовать, какая атмосфера водворялась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ шель подобный сыскъ о вѣдмахъ, я приведу еще одинъ отрывокъ изъ подлинныхъ слѣдственныхъ актовъ. Баварское мѣстечко Вемдингъ въ началѣ XVII столѣтія оказалось очень неблагополучно въ отношеніи вѣдовства. Въ 1609 году стараніями юстиціи оно разъ было уже очищено отъ вѣдмъ и вѣдунъ; но къ 1630 году обыватели снова не знали, куда отъ нихъ дѣваться. Тогда высшія власти отправили въ Вемдингъ особаго комиссара, чтобы произвести на этотъ счетъ подробное дознаніе. Комиссаръ Шмидъ привелъ къ присягѣ и допросилъ по этому поводу цѣлыхъ семьдесятъ пять свидѣтелей, и у всѣхъ почти нашлось, что ему поразказать. Такого-то сосѣда обыватели заподозрѣвали въ сношеніяхъ съ нечистымъ потому, что у него «ужь очень подходящій для этого цвѣтъ лица»; другого потому, что онъ все ходитъ скучный; третьяго потому, что у него въ домѣ постоянно случаются несчастія и дѣти хвораютъ какими-то странными болѣзнями; четвертаго, напротивъ, потому, что все ему уже

черезчуръ удастся, и онъ богатѣеть, тогда какъ другіе люди такъ же работаютъ, а ничего нажить не могутъ. Въ одной женщинѣ отмѣчали, какъ очень подозрительную вещь, что прежде она была веселаго нрава, а послѣ казни одной ея пріятельницы, сожженной за вѣдовство, она сразу совсѣмъ притихла; въ другой — что она приходитъ въ ужасъ, когда ребята на улицѣ показываютъ на нее пальцами. Одинъ вводилъ своихъ сосѣдей въ соблазнъ тѣмъ, что никогда въ жизни не носилъ четоку; другой, напротивъ, казался подозрительнымъ, несмотря на то, что онъ очень прилежно посѣщала церковъ: «кабы въ церкви было дѣло! въ церковь-то ходятъ всѣ вѣдьмы». Про одного сосѣда слѣдователю передавали, какъ онъ разъ отрепалъ мальчишку, и тотъ сейчасъ же началъ тяжело хворать. Про одну сосѣдку рассказывали, что она отъ четырехъ дрянныхъ коровенокъ ухитряется дѣлать необыкновенные скопы масла, какихъ спроста не сдѣлаешь ни подъ какимъ видомъ. И всѣ подобныя деревенскія розказни слѣдователи заносили въ свои протоколы съ примѣрной тщательностью и съ полнымъ убѣжденіемъ въ важности собираемаго такимъ путемъ судебного матеріала. И населеніе, откуда шли такіе оговоры, тоже не сомнѣвалось, что съ слѣдственными разспросами по этимъ дѣламъ отнюдь нельзя шутить. Усердно занимаясь доносами на сосѣдей, оно все поголовно жило въ такое время подъ гнетомъ страха, который живо изображается намъ въ одномъ современномъ гоненіямъ на вѣдьмъ «листкѣ». «Во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до того, что богобоязненные христіане перестаютъ ходить на богослуженіе, прячутъ свои четки и всячески остерегаются проявлять свое благочестіе, чтобы не показаться набожнѣе другихъ, ибо кто этого не остерегается, на того взводится обвиненіе въ вѣдовствѣ. Дьяволъ, такъ говоритъ невѣжественная, грубая толпа, учитъ своихъ подручныхъ и пріятельницъ, чтобы они казались благочестивыми, принимали причастіе, а потомъ прятали гостію за пазуху и всячески ее оскверняли. Онъ будто бы ихъ учитъ, чтобы они ходили въ церковь, но за обѣдней и за проповѣдью говорили про себя: попь, ты лжешь; все, что ты дѣлаешь и говоришь, все ложь, ибо нѣтъ бога, кромѣ моего бога сатаны. И въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами священники не смѣютъ совершать таинство Пресуществленія каждый день. Если же они это и дѣлаютъ, то потихоньку, такъ какъ иначе ихъ тоже легко заподозрѣваютъ въ вѣдовствѣ. Нѣтъ бреда злѣе и нѣтъ бреда распространеннѣе и позорнѣе, чѣмъ этотъ бредъ вѣдьмами, чѣмъ этотъ страхъ и трепеть передъ ними».

Итакъ, коротко говоря, если въ періоды затишья такого бреда судъ не оказывался совсѣмъ глухъ къ голосу здраваго смысла, то

разъ страхъ передъ вѣдьмами почему бы то ни было разгорался, въ тюрьму по обвиненію въ вѣдовствѣ могло привести человѣка рѣшительно все. Въ такую пору надобно было стараться объ одномъ—чтобы ничѣмъ не привлекать на себя вниманія сосѣдей: иначе ничего не стоило быть взятымъ на допросъ. Причины же паническаго страха при мысли о такой возможности станутъ намъ ясны, когда мы познакомимся съ тѣмъ, въ чемъ заключалась сущность обвиненія въ вѣдовствѣ; и въ какихъ формахъ шелъ «вѣдовской процессъ».

Чтобы получить отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ, довольно взять въ руки любое изъ тѣхъ официальныхъ «Наставленій къ допросу вѣдьмъ», которыми заботливо были снабжены въ XVI и XVII вѣкахъ суды различныхъ германскихъ государствъ. Одно изъ нихъ, входящее въ составъ Баденскаго «Земскаго Уложенія» 1588 года, я здѣсь и приведу въ довольно подробныхъ выдержкахъ.

Приступая къ допросу подсудимой, судья, согласно Наставленію, долженъ былъ прежде всего освѣдомиться, не доводилось ли ей слышать про вѣдьмъ и ихъ «искусство», и если доводилось, то не разузнавала ли она изъ женскаго любопытства о томъ, какъ собственно вѣдьмы умудряются производить свои чарованья.

«Когда подсудимая въ этомъ сознается,—продолжаетъ Наставленіе,—то надобно далѣе предлагать ей слѣдующіе вопросы»:

„Не дѣлала ли и она сама какихъ-нибудь такихъ штукъ, хотя бы самыхъ пустячныхъ—не вынимала ли, напримѣръ, молока у коровъ, не напускала ли гусеницы или тумана и т. п.? Также, у кого и при какихъ обстоятельствахъ удалось ей этому выучиться? Съ какого времени и какъ долго она этимъ занимается и къ какимъ прибѣгаетъ средствамъ? Какъ обстоитъ дѣло насчетъ союза съ нечистымъ? Было ли тутъ простое обѣщаніе, или оно скрѣплено было клятвой? И какъ эта клятва звучала?»

„Отреклась ли она отъ Бога и въ какихъ словахъ? Въ чьемъ присутствіи, съ какими церемоніями, на какомъ мѣстѣ, въ какое время и съ подписью или безъ оной? Получилъ ли отъ нея нечистый письменное обязательство? Писано оно было кровью—и какой кровью—или чернилами? Когда онъ къ ней явился? Пожелалъ ли онъ брака съ ней или простого распутства? Какъ онъ звался? Какъ онъ былъ одѣтъ, и особенно какія у него были ноги? Не замѣтила ли она и не знаетъ ли въ немъ какихъ-нибудь особыхъ чертовскихъ примѣтъ?»

Далѣе слѣдуетъ рядъ детальнаго циническихъ разспросовъ о томъ, какъ бѣсъ и подсудимая вели себя на брачномъ ложѣ, послѣ чего Наставленіе продолжаетъ:

„Вредила ли она въ силу своей клятвы людямъ и кому именно? Ядомъ? Прикосновеніемъ, заклятіями, мазіями? Сколько она до смерти извела мужчинъ? Женщинъ? дѣтей? Сколько она лишь испортила? Сколько беременныхъ женщинъ? Сколько скотины? Сколько она напустила тумановъ и подобныхъ вещей? Какъ собственно она это производила и что для этого пускала въ ходъ?»

„Умѣетъ ли она также летать по воздуху и на чемъ она летала? Какъ она это устраиваетъ? Какъ часто она летаетъ? Куда случалось ей летать въ разное

время? Кто из других людей, которые находятся еще в живых, бывал на ихних сборищах?

„Умѣетъ ли она также скидываться какимъ-нибудь животнымъ и съ помощью какихъ средствъ?“

„Давно ли праздновала она свадьбу съ своимъ любовникомъ? Какъ свадьба эта была устроена, кто на ней былъ и что тамъ подавались за кушанья? Особенно, какія были мясныя блюда, откуда было взято мясо, кто его принесъ, какой у него былъ видъ и вкусъ, было оно кисло или сладко? Также, было ли у нея на свадьбѣ и вино, и откуда она его добыла? Былъ ли и музыкантъ? И кто онъ былъ—человѣкъ или бѣсъ? Каковъ былъ онъ изъ себя? Сидѣлъ онъ на землѣ, или на деревѣ, или стоялъ? Также, какіе на помянутомъ собраніи были ихъ замыслы и когда у нихъ рѣшено было собраться снова? Гдѣ онъ ночью порой учиняли свои пирушки—въ полѣ, въ лѣсу или въ погребѣхъ, и кто когда на нихъ бывалъ?“

„Сколько малыхъ дѣтей съѣдено при ея участіи? Гдѣ они были добыты? Также, у кого были они взяты? или они были вырыты на кладбищѣ? Какъ онъ ихъ готовилъ—жарили или варили? Также, на что пошла головка, ножки и ручки? Добывали ли онъ изъ такихъ дѣтей тоже и сало, и на что оно имъ? Не требуется ли дѣтское сало, чтобы поднимать бури? Сколько родильницъ помогла она извести? Какъ это дѣлалось, и кто еще былъ при этомъ? Или не помогала ли она выкапывать родильницъ на кладбищѣ, и на что имъ это надобно? Также, кто въ этомъ участвовалъ и долго ли онъ это варили? Не выкапывали ли онъ также выкидышей и что онъ съ ними дѣлалъ?“

„Насчетъ мази. Разъ она летала, то съ помощью чего? Какъ мазь эта готовится и какого она цвѣта? Также, умѣетъ ли она сама ее готовить? Далѣе, всякій разъ, какъ имъ понадобится человѣческое сало, онъ необходимо совершаютъ столько же убійствъ; и такъ какъ онъ выталиваютъ или вывариваютъ сало, то ихъ надобно спрашивать: что онъ сдѣлалъ съ варенымъ или жаренымъ человѣческимъ мясомъ? Для мазей имъ всегда необходимо человѣческое сало изъ мертвыхъ или изъ живыхъ людей. Туда идетъ еще человѣческая кровь, папортниковое сѣмя и т. п., но сало непременно туда входитъ, тогда какъ другія вещи иногда и опускаются. При этомъ отъ мертвыхъ людей оно идетъ для причиненія смерти людямъ и скотинѣ, а отъ живыхъ для полетовъ, для бурь, для того, чтобы дѣлаться невидимкой и т. п.“

„Сколько съ ея участіемъ напущено было бурь, морозовъ, тумановъ? Сколько времени это продолжалось, и какой былъ въ каждомъ случаѣ вредъ? И какъ это дѣлается, и кто въ этомъ участвовалъ? Былъ ли ея любовникъ при ней на допросѣ или не приходилъ ли къ ней въ тюрьму?“

„Доставала ли она также освященные гости и у кого? Что она съ ними дѣлала? Являлась ли она также къ Причастію и потребляла ли его какъ слѣдуетъ?“

„Какъ онъ добываютъ уроковь, которыхъ подкидываютъ въ колыбели вмѣсто настоящихъ младенцевъ, и кто имъ даетъ ихъ? Также, какъ она вынимала у коровъ молоко и превращала въ кровь? И какъ имъ можно отъ этого опять помочь? Можетъ ли она также пустить вино или молоко изъ ивы?“

„Также какъ она дѣлала мужчинъ неспособными къ брачному сожитію? Какими средствами? И чѣмъ имъ можно опять помочь? Точно такъ же, какъ она молодыхъ и старыхъ людей лишала потомства, и какъ имъ можно опять помочь?...“

Итакъ, западно-европейская вѣдьма XV—XVII вѣковъ, образъ которой встаетъ здѣсь передъ нами во всѣхъ своихъ омерзительныхъ подробностяхъ, это не простая колдунья, какихъ знавали всѣ времена и всѣ народы. Родъ чародѣевъ и чародѣекъ, говорить по этому поводу одинъ изъ ученѣйшихъ современниковъ процессовъ вѣдьмъ, аббатъ Тритемій, дѣлится на четыре главныхъ вида. Одни въ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ пользуются таинственными естественными средствами, какъ яды и т. п.; другіе знаютъ магическія слова, заклятія и знаки; третьи, какъ люди, занимающіеся некро-

мантій, зовуть себѣ на помощь нечистую силу, но не предаются ей вполне; и наконецъ четвертый видъ образуютъ настоящіе «вѣдуны и вѣдьмы», которые формально отрекаются отъ Бога и признають своимъ повелителемъ сатану, предаваясь ему при этомъ не только душою, но и тѣломъ, и получая отъ него умѣнье творить дѣянія, которыя не подѣ силу другого порядка колдунамъ. При этомъ, какъ мы видѣли, вѣдуны и вѣдьмы въ отличіе отъ обыкновенныхъ колдуновъ и колдуній дѣйствуютъ не порознь, а скопомъ: они образуютъ преступное сообщество, періодически собирающееся на ужасные шабашы съ ихъ людоедскими оргіями, возможность къ чему даетъ имъ такъ рѣзко отличающая ихъ отъ прочихъ смертныхъ способность переноситься съ невѣроятной быстротой черезъ громадныя воздушныя пространства. И самое колдовство этой «чортовой шайки» носить особый характеръ. Тогда какъ другіе чародѣи по волѣ могутъ направлять свою таинственную силу во вредъ или на благо людямъ—могутъ, на примѣръ, напускать и могутъ излѣчивать болѣзни—вѣдьмы и вѣдуны творять лишь исключительно зло-вредныя дѣянія. Они обязаны къ тому своимъ договоромъ съ нечистымъ, и въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ нами «Наставленій» прямо предписывается спрашивать у подсудимыхъ, «не бьетъ ли ихъ дьяволъ, когда онѣ лѣниво относятся къ возложенной на нихъ работѣ и мало причиняютъ вреда людямъ». Отмѣтимъ, наконецъ, какъ характерную особенность «вѣдовства», что среди преданныхъ ему лицъ, по убѣжденію современниковъ, число мужчинъ было совершенно ничтожно сравнительно съ числомъ женщинъ. Поэтому всѣ соотвѣтственныя «Наставленія» и трактуютъ исключительно о томъ, какимъ порядкомъ надобно допрашивать вѣдьмъ, совсѣмъ пренебрегая вѣдунами.

Виновность подсудимаго по дѣйствовавшему въ Германіи XVI—XVII столѣтій Имперскому Уголовному Кодексу могла быть установлена двумя путями: или на основаніи собственнаго сознанія подсудимаго, или на основаніи свидѣтельствъ по крайней мѣрѣ двухъ достовѣрныхъ очевидцевъ. На основаніи же косвенныхъ уликъ, какъ бы онѣ въ совокупности ни были убѣдительны, судъ не имѣлъ права постановлять обвинительный приговоръ. Но при отсутствіи достаточныхъ для обвиненія свидѣтельскихъ показаній и при упорномъ заpiresствѣ обвиняемаго имѣвшіяся противъ него косвенныя улики могли вести къ тому, что судъ постановлялъ вырвать у подсудимаго сознаніе силою пытки. Зная однако, какое ужасное орудіе давалось этимъ въ руки судебной власти, Имперскій Кодексъ обставлялъ примѣненіе пытки цѣлымъ рядомъ предосторожностей. Онъ предъявлялъ очень высокія требованія къ тѣмъ

показаніямъ, которыя судъ могъ принимать въ качествѣ «уликъ»; онъ разрѣшалъ приступать къ пыткѣ только тогда, когда на основаніи подобныхъ «убѣдительныхъ уликъ» виновность подсудимаго являлась уже «доказанной болѣе, чѣмъ на половину»; онъ, наконецъ, воспрещалъ чрезмѣрно затягивать пытку—по практикѣ большинства тогдашнихъ судовъ пытка въ обычныхъ уголовныхъ дѣлахъ не должна была длиться болѣе часа—и всякаго, выдержавшаго пытку безъ признанія приказывалъ немедленно считать оправданнымъ. Пытка могла повторяться только въ томъ случаѣ, если признавшійся было подсудимый бралъ свое показаніе назадъ, или же если въ дѣлѣ открывались совершенно новые факты, достаточные для коренного пересмотра всего процесса. Но вырванному пыткой показанію судъ тоже не долженъ былъ еще сразу давать полной вѣры. Онъ былъ обязанъ установить согласіе всѣхъ показанныхъ обстоятельствъ съ истиной, и только если подобное дополнительное слѣдствіе подтверждало рассказанные подсудимымъ на пыткѣ факты, судъ могъ приступать къ постановленію приговора.

Юристамъ XVI и XVII вѣка было однако совершенно ясно, что при строгомъ примѣненіи къ «вѣдовскимъ дѣламъ» всѣхъ этихъ закономъ установленныхъ предосторожностей успѣшное преслѣдованіе вѣдмъ стало бы почти полной невозможностью. Дѣйствительно, по самому характеру тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвинялись вѣдмы, разборчиво относившіяся къ свидѣтельскимъ показаніямъ судъ почти ни одной вѣдмы не могъ бы не только прямо осудить, но и подвергнуть пыткѣ, такъ какъ сосѣдскія розсказни въ родѣ тѣхъ, какія мы приводили раньше, совѣмъ не подходили подъ опредѣленіе, дававшееся Имперскимъ Кодексомъ понятію *indicium* (косвенная улика), а ничего болѣе осязательнаго въ рукахъ суда при этомъ обычно не оказывалось. Изъ этого затрудненія юристы выходили, относя вѣдовскія дѣла въ категорію такъ называемыхъ *delicta excerpta*, существованіе которой обуславливалось тѣмъ возмутительнымъ съ нашей современной точки зрѣнія принципомъ, что исключительная тяжесть *предполагаемаго, возможнаго* преступленія вполне позволяетъ суду и при отысканіи доказательствъ вины прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. «Въ дѣлахъ о вѣдмахъ,—такъ рассуждалъ по этому предмету вліятельнѣйшій изъ нѣмецкихъ криминалистовъ XVII вѣка, знаменитый Бенедиктъ Карпцовъ,—въ виду того, что преступленія эти крайне тяжки и опасны, должно считать достаточнымъ основаніемъ для примѣненія пытки всякое подозрѣніе и всякую косвенную улику, ибо преступленія эти совершаются потаенно и мало оставляютъ по себѣ слѣдовъ. По этимъ вреднымъ и отвратительнымъ преступленіямъ, при

коихъ отыскиваніе доказательствъ очень трудно и кои совершаются таинственными путями, такъ что на тысячу преступниковъ развѣ одинъ можетъ быть судимъ и подвергнуть заслуженной карѣ, совершенно не слѣдуетъ боязливо и добросовѣстно сообразоваться съ установленными правилами судопроизводства. Пытка можетъ быть повторяема неоднократно, такъ какъ при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ надо прибѣгать и къ сильнымъ средствамъ. Судья тѣмъ болѣе въ правѣ пускаться противъ вѣдьмъ въ ходъ особенно жестокою пытку, что при нихъ всегда состоитъ дьяволъ, помогающій имъ выдерживать мученія».

Согласно этому и «Наставленія къ допросу вѣдьмъ» указывали судьямъ, что при такихъ дѣлахъ имъ надо больше всего рассчитывать на палача. «Служители Божественной Юстиціи,—такъ выражается по этому поводу одно изъ подобныхъ Наставленій,—могутъ рассчитывать на желаннѣйшіе отвѣты, когда явится мастеръ Ой-ой, Ванечка-щекотунъ, и пощекочетъ стакнувшихся чортовыхъ женокъ чистенько и аккуратненько по всѣмъ правиламъ искусства тисочками на ручки и на ножки, лѣстницей и козломъ».

Итакъ, къ «пристрастному допросу» предполагаемой вѣдьмы судъ, въ сущности, могъ приступать, когда ему заблагоразсудится, и если нѣкоторые изъ судей предпочитали сначала пробовать болѣе мягкія средства, какъ продолжительное тюремное заключеніе или лишеніе подсудимой сна и пищи, то болѣе стремительные нерѣдко обращались за содѣйствіемъ палача по первому же доносу, разъ обвиняемая производила на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. А подозрительнымъ для опытнаго судьи при этомъ могло казаться все. «Если обвиняемая вела дурной образъ жизни,—такъ описываетъ современные ему судебные порядки извѣстный авторъ *Cautio criminalis* иезуитъ Шпе, безвременно посѣдѣвшій отъ ужасовъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ качествѣ духовника готовившихся къ смерти вѣдьмъ,—то, разумѣется, это доказательство ея связи съ дьяволомъ; если же она была благочестива и вела себя примѣрно, то ясно, что она притворялась, дабы своимъ благочестіемъ отвлечь отъ себя подозрѣніе въ связи съ дьяволомъ и въ ночныхъ путешествіяхъ на шабашъ. Затѣмъ, какъ она держитъ на допросѣ. Если она обнаруживаетъ страхъ, то ясно, что она виновна: совѣсть ее выдаетъ. Если же она, увѣренная въ своей невиновности, держитъ себя спокойно, то нѣтъ сомнѣній, что она виновна, ибо по мнѣнію судей вѣдьмамъ свойственно лгать съ наглымъ спокойствіемъ. Если она защищается и оправдывается противъ взводимыхъ на нее обвиненій, это свидѣлствуетъ о ея виновности; если же въ страхѣ и отчаяніи отъ чудовищности

нныхъ пре-
свою науку
ь» «желан-
мъ. «Легче
нщинахъ»,
ствительно,
и инья изъ
нія. Пытку
ья имено-
ь не могъ
знавались,
и свои по-
ь—высшее
по продол-
застѣнкѣ,
бѣствоваль
дѣлствіемъ
на пыткѣ,
му всякій
, если бы
и къ тому,
ь въ «На-
этой от-
олгать пе-
назвавъ
собствен-
вала этимъ
я. «Я не-
моихъ му-
меня не-
ала, я бы
у...» Та-
Іаконецъ,
имья вы-
са, «хотя
насчетъ
дположе-
ь въ виду
нервно-

все это
осторже-

взводимых на нее поклеповъ она падаетъ духомъ и молчитъ, это уже прямое доказательство ея преступности». Особенно пагубной оказывалась для подсудимыхъ попытка къ бѣгству при слухѣ объ угрожающемъ арестѣ: въ этомъ судъ видѣлъ всегда крайне тяжелую косвенную улику, вполне достаточную для того, чтобы немедленно отправить захваченную бѣглянку въ застѣнокъ.

Самая пытка разсматривалась при этомъ, какъ родъ единоборства между «Божественной Юстиціей» и «отцомъ всякой лжи» дьяволомъ. Въ тѣ времена, когда процессы вѣдѣмъ въ Германіи находились еще въ рукахъ инквизиціи, судьи-монахи охотно прибѣгали при этомъ поединкѣ къ чисто духовнымъ средствамъ. Они служили передъ началомъ пытки мессу за ея успѣхъ, они поили подсудимыхъ на тощій желудокъ святой водой, чтобы дьяволъ на пыткѣ не могъ связать имъ языкъ, они обвертывали подсудимыхъ по голому тѣлу лентой «длиною въ ростъ Спасителя», гдѣ были начертаны семь словъ Спасителя, произнесенные на крестѣ; лента эта, по ихъ увѣренію, отягощала виновныхъ хуже всякихъ цѣпей; въ случаѣ, если подсудимая выдерживала всѣ мученія безъ стога и безъ капли слезъ, они читали особо составленные на этотъ случай заклинанія и т. п.¹⁾ Свѣтскимъ, въ особенности протестантскимъ судамъ къ подобнымъ мѣрамъ, конечно, уже не полагалось прибѣгать. Зато они съ особой тщательностью принимали другую мѣру предосторожности и неукоснительно приказывали палачу передъ началомъ допроса сбивать у подсудимой всѣ волосы на тѣлѣ, чтобы она нигдѣ не могла запрятать какого-нибудь микроскопическаго амулета, способнаго сдѣлать ее нечувствительной къ страданіямъ. Другой столь же обыкновенной предварительной операціей было отыскиваніе на тѣлѣ подсудимой «вѣдовской печати», т. е. знака, которымъ помѣтилъ вѣдѣму дьяволъ немедленно по заключеніи съ ней договора. Печатью этой признавалось любое пятнышко на кожѣ, которое оказывалось нечувствительнымъ къ уколу. Разъ такая печать была отыскана, у судей не оставалось уже сомнѣній въ виновности подсудимой, и пытка должна была только вырвать у ней подробное описаніе ея злодѣйствъ. Но, если, несмотря на всѣ старанія палача, подобной мѣтины не находилось, то это все же не останавливало пытки; она лишь измѣняла свою ближайшую задачу.

¹⁾ „Заклинаю тебя горькими слезами, кои пролиты были Спасителемъ на крестѣ, пролиты были Матерью Его надъ Его ранами и пролиты были всѣми Святыми и Избранниками Божіими на этомъ свѣтѣ—если ты невинна, пусть у тебя льются слезы, если же ты виновна, то пусть совсѣмъ не льются. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“.

Однако даже при соблюденіи всѣхъ опытомъ указанныхъ предосторожностей и при содѣйствіи вполнѣ прошедшаго свою науку палача, «выпытать» у запирающихся «чортовыхъ женокъ» «желанные отвѣты» часто оказывалось дѣломъ очень нелегкимъ. «Легче дрова колоть, чѣмъ вести дѣла объ этихъ ужасныхъ женщинахъ», такъ восклицалъ одинъ баварскій судья XVII вѣка. Дѣйствительно, дошедшіе до насъ судебные протоколы показываютъ, что инья изъ обвиняемыхъ проявляли поразительную силу сопротивленія. Пытку мало-по-малу поднимали съ низшихъ ея степеней, которыя именовались «человѣчными», до высшихъ, которыя самъ судъ не могъ не признавать безчеловѣчными, а подсудимыя все не сознавались, или, сознавшись, немедленно по прекращеніи пытки брали свои показанія назадъ. Пытку повторяли одинъ разъ за другимъ—высшее записанное число доходить до 53,—а подсудимыя упорно продолжали твердить о своей невинности, и многія умирали въ застѣнкѣ, не сказавъ того, чего отъ нихъ требовали судьи. Тутъ дѣйствовалъ не одинъ страхъ казни, являвшейся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ признанія. Напротивъ, для многихъ, кто разъ побывалъ на пыткѣ, какъ это свидѣтельствуется тотъ же Шпе, и какъ этому всякій охотно повѣритъ, она казалась «ужаснѣе десяти смертей, если бы это было возможно». Но, кромѣ естественнаго отвращенія къ тому, чтобы взвести на себя всѣ ужасы, которые перечислялись въ «Наставленіяхъ», иныхъ изъ подсудимыхъ поддерживала въ этой отчаянной борьбѣ боязнь навѣки погубить свою душу. Солгать передъ судомъ, въ особенности же оболгать невинныхъ, назвавъ упорно требуемыя имена сообщницъ, это являлось въ ихъ собственныхъ глазахъ смертельнымъ грѣхомъ, и мысль объ адѣ давала этимъ несчастнымъ силу упорно переносить самыя адскія мученія. «Я невинна, Господи Иисусе, не оставь меня, помоги мнѣ въ моихъ мукахъ... Господинъ судья, объ одномъ молю Васъ, осудите меня невинною. О Боже, я этого не дѣлала; если бы я это дѣлала, я бы охотно созналась. Осудите меня невинной. Я охотно умру...» Такими раздирающими воплями оглашались тогда застѣнки. Наконецъ, нерѣдко упоминаемые въ протоколахъ случаи, что подсудимыя выносили пытку, не мѣняясь въ лицѣ и не издавая ни звука, «хотя въ нихъ били, какъ въ шубу», должны быть относимы насчетъ состоянія такъ называемой «истерической анестезіи»—предположеніе, которое приходится признавать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ въ виду несомнѣннаго присутствія среди мнимыхъ вѣдьмъ множества нервнобольныхъ женщинъ.

Но для суда все это имѣло лишь одно объясненіе; все это были козни дьявола, надъ которыми необходимо было восторже-

ствовать искуснымъ веденіемъ допроса изъ-подъ пытки. Присутствіе дьявола въ застѣнкѣ дѣйствительно чудилось судьямъ постоянно. Послушаемъ опять того же Шпе. «Если несчастная женщина на пыткѣ отъ нестерпимыхъ мукъ дико вращаетъ глазами, для судей это значить, что она ищетъ глазами своего дьявола; если же она съ неподвижными глазами остается напряженной, это значить, что она видитъ своего дьявола и смотритъ на него. Если она находитъ въ себѣ силу переносить ужасы пытки, это значить, что дьяволъ ее поддерживаетъ и что ее необходимо терзать еще сильнѣе. Если она не выдерживаетъ и подъ пыткой испускаетъ духъ, это значить, что дьяволъ ее умертвилъ, дабы она не сдѣлала признаній и не открыла тайны». И такъ разсуждали не какіе-нибудь дикари, а во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно образованные юристы XVII вѣка. Имя помянутаго уже нами Бенедикта Карпцова не даромъ до сихъ поръ славится въ лѣтописяхъ германской юриспруденціи, что не мѣшаетъ ему оставаться авторомъ такого рода резолюцій на пересылавшіеся ему акты: «Такъ какъ изъ актовъ явствуетъ, что дьяволъ такъ прихватилъ Маргариту Шпарвицъ, что она, не пробывъ и получаса растянutoй на лѣстницѣ, съ отчаяннымъ крикомъ испустила духъ и свѣсила голову, откуда видно было, что дьяволъ умертвилъ ее изнутри ея тѣла, и такъ какъ нельзя не заключить, что съ ней дѣло обстоило неладно также изъ того обстоятельства, что она ничего не отвѣчала во время пытки, то мертвое ея тѣло согласно справедливости должно быть законопано живодерами между висѣлицъ».

Страшно подумать о томъ, что при такихъ условіяхъ творилось въ застѣнкахъ, гдѣ обвиняемые по пунктамъ должны были отвѣчать на всѣ включенныя въ «Наставленія» вопросы. «Въ юности моей,—такъ писалъ объ этомъ въ началѣ XVII вѣка одинъ изъ очевидцевъ, протестантскій пасторъ Мейфартъ,—мнѣ приходилось присутствовать при этихъ допросахъ. Что же это за ужасъ! О, дорогіе братья во Христѣ, я видѣлъ, какъ палачи и мучители приводили чудно созданное человѣческое тѣло, на красоту котораго радуются сами ангелы, въ такой позорный видъ, что, вѣроятно, самимъ чертямъ становилось завидно, какъ это могутъ находиться люди, которые въ такомъ благородномъ искусствѣ затмеваютъ адскихъ духовъ. Я видѣлъ, какъ палачи мозжатъ стройное человѣческое тѣло, какъ они распатываютъ его во всѣхъ суставахъ, какъ они заставляють глаза вылѣзать изъ орбитъ, вывертываютъ стопы изъ голеней, плечи изъ лопатокъ, какъ они то вздувають жилы, то заставляють ихъ спадаться, какъ они то вздергиваютъ человѣка на воздухъ, то съ размаху швыряють его объ полъ, какъ они

свертываютъ его кольцомъ и скрючиваютъ въ три погибели. Я видѣлъ, какъ палачи работали плетьюми, какъ они сѣкли розгами, дробили кости тисками, навѣшивали гири, кололи иглами, перекручивали веревками, жгли сѣрой, поливали масломъ, палили факелами. Да, я свидѣтель всему этому позору и долженъ громко объ этомъ вопіять. Дива достойно, какъ это столько факультетовъ, столько коллегій при университетахъ, при высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и при судахъ съ такою легкостью даютъ свои заключенія, что подсудимаго надо подвергнуть пыткамъ. Слѣдовало бы постановить, чтобы никто—будь онъ тамъ докторъ, лиценціатъ или магистръ—не допускался къ дачѣ подобныхъ заключеній, разъ самъ онъ не посмотрѣлъ на все это собственными глазами... Тутъ идутъ въ дѣло стулья и люльки изъ гвоздей; да не могу я всего этого припоминать, такъ все это ужасно, гнусно и достойно проклятія... Велико здѣсь твое долготерпѣніе, Господи Иисусе!»

«Господь по неизмѣримой своей благости,—такъ возражали на подобные протесты авторитеты въ родѣ Дельріо и Бинсфельда,—самъ никогда не попуститъ, чтобы при искорененіи вѣдьмъ легко могли страдать невинные». И долговременный судебный опытъ показывалъ, что они правы. Въ концѣ-концовъ изъ тѣхъ, кто разъ переступалъ порогъ застѣнка, никто почти не оказывался невиннымъ, и благодаря усердному содѣйствію заплечныхъ мастеровъ «служители Божественной Юстиціи» развязывали, наконецъ, связанный дьяволомъ языкъ, который и выговаривалъ всѣ «желанные для правосудія отвѣты».

Съ тѣмъ, какъ звучали подобные отвѣты, насъ лучше всего знакомятъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ подлинныхъ отчетовъ о вѣдовскихъ дѣлахъ.

Въ 1597-омъ году въ имперскомъ городѣ Гельнгауэнѣ попала на допросъ 69-лѣтняя вдова поденщика Клара Гейслеръ. Ее оговорила одна изъ ранѣе казненныхъ вѣдьмъ: «Клара де распутица, она сразу живетъ съ тремя чертями, вырыла изъ могилъ сотни невинныхъ младенцевъ и извела много народа». На судѣ Клара добромъ ни въ чемъ не пожелала сознаться. Тогда ей ущемили пальцы въ тиски и начали ставить различные вопросы; но «дьяволъ навелъ на нее упорство, и она крѣпко стояла на своемъ». Однако когда ей стали «можжить ноги и надавили посильнѣе», то она «жалостно завопила, что все, о чемъ ее допрашиваютъ, суцая правда: она пьетъ кровь дѣтей, которыхъ воруетъ, когда летаетъ по ночамъ; она ихъ извела душъ шестьдесятъ; она назвала и еще вѣдьмъ около двадцати, которыя бывали у нихъ на танцахъ; покойнаго старшины жена, показала она, распорядится и вылетами,

и пирушками; она призналась также, что при ней всегда находится чортъ въ видѣ кошки; съ нимъ вмѣстѣ она, тоже скинувшись кошкой, ночью бѣгаетъ по крышамъ и получаетъ отъ него утѣхи». Но какъ только пытку прекратили, она сейчасъ же все взяла назадъ: «Все это де сказала она отъ муки, все это выдумка, гдѣ нѣтъ ни слова правды». «Ради Бога и ради Господа нашего Іисуса Христа, молила она, должны они пожалѣть ее; женщина она хвораая, и отъ болѣзней у ней и въ головѣ часто бываетъ не ладно». «И про другихъ, кого она оговорила, она тоже ничего такого не знаетъ: сказала она лишь то, что про нихъ толкуютъ въ народѣ; и ихъ она просила пощадить». Тогда «высокопочтенные слѣдователи» рѣшили, что «преступницу надо покамѣсть заключить въ тюрьму и не давать ей ѣсть, чтобы посмотрѣть, какъ ее будетъ кормить ея любовникъ-дьяволъ», а что тѣмъ временемъ «надо будетъ взять на допросъ кое-кого изъ оговоренныхъ ею злодѣекъ и спрашивать ихъ добромъ или съ пристрастіемъ». Когда же одна изъ новыхъ подсудимыхъ поразсказала о Кларѣ Гейслерѣ такія дѣла, «которыя оказывались гораздо страшнѣе и безчеловѣчнѣе того, что та сама о себѣ показала изъ-подъ пытки», то и Клару снова взяли въ застѣнокъ. Прихваченная тискаами сразу за руки и за ноги, она было сказала «да» на всѣ предложенные ей новые вопросы, но безъ тисковъ она опять отъ всего отреклась и «впала въ такое безумство, что стала звать судей и палачей къ отвѣту передъ Судомъ Господнимъ». Понадобилась третья пытка, которая длилась нѣсколько часовъ и производилась «накрѣпко», чтобы преступница, наконецъ, созналась вполнѣ. «Я болѣе 40 лѣтъ распутничала со множествомъ чертей, которые являлись ко мнѣ въ видѣ кошекъ и собакъ, а то и въ видѣ червяковъ и блохъ. Я погубила жалкой смертью болѣе 240 человекъ, старыхъ и молодыхъ; я родила отъ своихъ чертей 17 душъ дѣтей, всѣхъ ихъ убила, съѣла ихъ мясо и выпила ихъ кровь. За 30 или 40 лѣтъ я много разъ въ широкой округѣ поднимала бури и девять разъ сводила огонь на дома. Я хотѣла было спалить догла и весь нашъ городъ, но демонъ, который зовется Бурсіанъ, мнѣ не велѣлъ, говоря, что онъ еще много женщинъ сумѣетъ тутъ обратитъ въ вѣдьмы и заставить служить себѣ, какъ Богу». Къ концу пытки она стала блѣднѣть и слабѣть, когда же ее освободили, она упала бездыханнымъ трупомъ. «Дьяволъ,—такъ говоритъ судебный отчетъ,—не захотѣлъ, чтобы она еще что-нибудь выдала, и ради того свернулъ ей шею». Трупъ ея былъ сожженъ. Процессъ этотъ былъ преданъ широкой гласности, такъ какъ на немъ впервые «изъ достовѣрнаго показанія самой вѣдьмы выяснилось, что дьяволъ мо-

жетъ являться и дѣйствовать также въ образѣ блохи или червя». Помимо же этого, въ показаніяхъ Клары Гейслеръ для современниковъ не было ничего удивительнаго. Дѣйствительно, точь въ точь такіе же рассказы съ страшнымъ однообразіемъ наполняютъ безчисленное множество дошедшихъ до насъ отчетовъ о процессахъ.

Въ 1616 году, по приказанію вюртембергскаго герцогскаго правительства, судъ принялся усиленно заботиться объ очищеніи страны отъ вѣдьмъ. Схвативъ одну женщину изъ Сересгейма, которая прозывалась «матерью всѣхъ вѣдьмъ», онъ выпыталъ изъ нея такія показанія: «Я съ незапамятнаго времени сдѣлалась вѣдьмой. Я извела сотни четыре дѣтей, въ томъ числѣ и троихъ изъ собственныхъ. Всѣ они были потомъ вырыты изъ могилъ, сварены и частью съѣдены, частью же пущены на мази и на другія волшебныя снадобья. Косточки ногъ пошли на дудки. У собственнаго родного сына я извела жену и двоихъ дѣтей; обоихъ своихъ мужей я много лѣтъ изводила и подъ конецъ погубила на смерть. Съ чортомъ распутничала я безконечно. За 40 лѣтъ я навела безчисленное множество пагубныхъ буръ на протяженіи многихъ миль вдоль Гейхельбергскихъ горъ. На этихъ горахъ пять разъ въ году бываетъ шабашъ. Туда собирается до двухъ съ половиною тысячъ всякаго люда: бѣдныхъ, богатыхъ, молодыхъ и старыхъ, кое-кто и очень знатнаго рода». «Она говорила также: Не будь насъ, вѣдьмъ, подданнымъ вюртембергскимъ всегда бы можно было пить вино вмѣсто воды, да и посуда у нихъ была бы ужъ не глиняная, а серебряная». Она объяснила, что если столько женщинъ поддаются такому соблазну, то виноваты пьяницы-мужья, которые ихъ колодятъ. Она указала судьямъ и примѣты, по которымъ вѣдьмъ можно узнавать. Судъ сумѣлъ воспользоваться ея указаніями, и слѣдомъ за «матерью вѣдьмъ» было сожжено множество другихъ женщинъ.

Одну очень обычную подробность—оскверненіе гостіи—даетъ намъ такое показаніе, извлеченное Янсенемъ изъ франконскихъ архивовъ. «Я,—такъ призналась подсудимая послѣ цѣлаго ряда жестокихъ пытокъ,—я вырыла и сварила 16 дѣтей. Изъ сала ихъ я приготовила волшебную мазь и намазала ею между прочимъ троихъ собственныхъ дѣтей, чтобы ихъ искалѣчить. Я постоянно вылетала въ трубу на танцы, гдѣ музыкантъ, сидя на липѣ между вѣтвей, высвистываетъ на дудочкѣ танецъ: *Pfeifen wir den Firlefanz, den Burlebanz*. Такихъ собраній бываетъ четыре въ году. На прошлой недѣлѣ въ четвергъ, явившись къ Св. Причастію, я вынула гостію изо рта и сунула ее къ себѣ за пазуху. Попавъ потомъ въ тюрьму, я дала ее пришедшему ко мнѣ демону Бурсерану, и тотъ

принялся ее такъ колоть, что полилась кровь. Потомъ онъ надругался надъ ней такъ скверно, какъ только можно».

«Я самолично былъ свидѣтелемъ,—говорить про подобныя показанія тотъ же Мейфартъ,—какъ мучили на пыткѣ старухъ, у которыхъ меньше оставалось разума, чѣмъ у малыхъ дѣтей, и какъ онѣ показывали такія сумасшедшія вещи, которыя даже въ горячемъ бреду другому не могли придти бы въ голову... И онѣ должны были за это идти на смерть». «Чего только не дѣлаютъ обезумѣвшіе люди! Можно найти старухъ, которыя обвиняютъ молодыхъ женщинъ, что тѣ изъ шеи рожали ребятъ ростомъ съ мизинецъ. Я правду говорю: я самъ разъ слышалъ, какъ одна старуха твердо стояла на подобномъ нелѣпѣйшемъ, идиотскомъ показаніи. Я могъ бы изъ собственнаго опыта поразсказать немало вещей и еще невѣроятнѣе и ужаснѣе, если бы перо не отказывалось ихъ передавать». Тюрьма и пытка, продолжаетъ Мейфартъ, какъ будто обливаютъ подсудимыхъ какою-то водой безумія, такъ что они показываютъ, не запнувшись, рѣшительно ни съ чѣмъ несообразныя вещи. «Одинъ мужикъ показывалъ, что онъ танцевалъ въ воздухѣ съ Иродіадой и леталъ по воздуху съ Пилатомъ». «Другіе признавались, что они въ одно мгновеніе ока перелетали въ Испанію, во Францію, въ Грецію, въ Персію и тамъ пировали въ императорскихъ, королевскихъ и княжескихъ палатахъ. Другія еще рассказывали, что онѣ черезъ такія маленькія щелочки, куда и мыши не пролѣзтъ, забирались въ погреба и тамъ угощались виномъ или что онѣ скидывались кошками, совами и воронами». «И съ этимъ-то нелѣпыми, язычески-сказочными вещами,—заключаетъ Мейфартъ,—такъ носятся разбирающіе дѣла о вѣдьмахъ судьи».

Приведенные выше документы даютъ отвѣтъ и на вопросъ, почему казни вѣдьмъ по общему правилу носили массовый характеръ. Вѣдьма считалась членомъ преступной шайки. Она являлась непремѣнной посѣтительницей ужасныхъ шабашей. Понятно, что судъ не могъ не интересоваться, кого же подсудимыя еще встрѣчали на такихъ собраніяхъ, и съ крайнею настойчивостью допытывался у нихъ объ этомъ. Правда, по общимъ уголовнымъ законоположеніямъ той эпохи оговоръ обвиненнымъ другихъ лицъ въ сообщничествѣ не принимался не только за настоящее свидѣтельство, но даже за «улику», достаточную для привлеченія оговореннаго къ пристрастному допросу. Судъ долженъ былъ искать противъ оговореннаго другихъ уликъ; если же ихъ не находилось, то онъ обязанъ былъ оставить оговореннаго въ покоѣ. Но, какъ мы видѣли, «въ виду исключительной тягости преступленія» судебная практика выработала для процессовъ вѣдьмъ совсѣмъ особыя нормы,

и привлеченіе къ суду на основаніи оговора изъ-подъ пытки, съ которымъ мы встрѣтились на помянутыхъ нами процессахъ въ Гельнгауэнѣ и Виртембергѣ, представляло собой общій порядокъ при всѣхъ такихъ дѣлахъ. Оговоръ однимъ лицомъ и тутъ, впрочемъ, не признавался еще самъ по себѣ достаточнымъ основаніемъ, чтобы сразу взять оговореннаго въ застѣнокъ. Но если противъ челоуѣка оказывались еще другія подозрѣнія, или если двѣ подсудимыхъ согласно показывали на одно и то же лицо, то судъ имѣлъ полное право считать вину полудоказанной и требовать у оговоренныхъ полного сознанія при помощи извѣстныхъ намъ средствъ. Не много пользы приносило обвиняемымъ и безусловное требованіе Имперскаго Кодекса, чтобы сдѣланныя подсудимымъ признанія, особенно если они были у него вырваны пыткой, строжайше свѣрялись съ наличностью объективно установленныхъ обстоятельствъ и въ случаѣ противорѣчія больше не принимались судомъ въ расчетъ. Во множествѣ процессовъ свидѣтели показывали суду, что въ то число, когда подсудимая по собственному своему признанію яко бы распутничала на шабашѣ, она въ дѣйствительности всю ночь спала спокойно рядомъ съ мужемъ на супружеской постели. Но для суда это еще не являлось доказаннымъ *alibi*. Всякому свѣдущему въ дѣлѣ челоуѣку твердо было извѣстно, что такое противорѣчіе можетъ имѣть два объясненія. Во-первыхъ, при страшной быстротѣ своего передвиженія вѣдьма могла съ вечера слетать на шабашъ такъ скоро, что никто и не успѣлъ замѣтить ея отсутствія. Но если даже случайно кто-нибудь въ домѣ не спалъ всю ночь и утверждалъ, что подсудимая даже на четверть часа никуда изъ дому не отлучалась, то и на это у суда былъ готовый отвѣтъ. Ясно, что дьяволъ, покрывая свою сообщницу, скинулъ ея и въ ея образѣ спалъ рядомъ съ ея мужемъ все время, пока она летала. Такой способностью дьявола принимать свободно любой образъ легко объяснялись для суда и разныя другія мудренныя съ виду вещи. Не разъ случалось, что подсудимая точно указывала, какого изъ сосѣдскихъ младенцевъ вѣдьмы вырыли изъ могилы на лакомство, на дудки и на мази, и что по вскрытіи могилы тамъ находился никѣмъ нетронутый трупъ указаннаго ребенка. Но судъ и въ этомъ случаѣ находилъ возможнымъ признавать, что дѣло тутъ въ *ludificatio daemonum*, что дьяволъ и суду и всѣмъ присутствующимъ просто отводитъ глаза, скинувшись полуразложившимся трупомъ.

Въ такихъ условіяхъ стоило разъ начаться сыску о вѣдьмахъ, и процессы шли одинъ за другимъ нескончаемой чередою. Правда, не отъ всякой подсудимой, какъ мы уже замѣтили, было легко

добиться «именъ сообщницъ». По прирожденной совѣстливости или изъ страха взять передъ вѣрной смертью на душу тяжкій грѣхъ, многія отговаривались или тѣмъ, что на шабашѣ всѣ вѣдьмы бывають въ маскахъ, или что тамъ у нихъ никогда не бывало никого знакомыхъ, или же онѣ называли имена умершихъ лицъ. Но для суда всѣ эти отговорки были слишкомъ хорошо извѣстной дьявольской уловкой, и пытка, наконецъ, сламывала такое сатанинское упорство. Другія же подсудимыя и сами охотно шли суду навстрѣчу. Съ цѣлью возможно запутать и растянуть процессъ или просто въ бѣшенствѣ отъ мукъ, которыя имъ приходилось принимать отъ руки правосудія, многія оговаривали всѣхъ, кого только могли припомнить, и называли имена десятками. При этомъ, разъ подсудимыхъ было хоть только двѣ, совпаденіе оговоровъ на нѣкоторыхъ лицахъ оказывалось вещью почти неизбѣжной, даже если судъ и не помогаль тутъ, напоминая обвиняемымъ имена казавшихся ему особенно подозрительными женщинъ. На новой пыткѣ назывались новыя имена, и при такомъ порядкѣ, по справедливому замѣчанію Рицлера, надобно удивляться не тому, съ какою быстротой могли плодиться подобные процессы, а тому, какъ они могли наконецъ останавливаться.

О числѣ жертвъ, которыя способна оказывалась уносить раздуваемая такими оговорами травля вѣдьмъ, и о характерѣ, который она принимала въ различныхъ случаяхъ, намъ могутъ дать понятіе отрывки изъ нѣкоторыхъ современныхъ описываемымъ событіямъ хроникъ и Hexenzeitungen.

«Въ 1589 году,—повѣствуетъ намъ хроника Іоахима Штрунка,—въ Вестфалии въ Оснабрюкѣ спалили 133 души изъ колдовскаго отродья. А вышло это такъ. На Блоксбергъ собралось изъ разныхъ странъ до 8.000 чародѣевъ: тутъ были и старыя, и молодыя, богатые и бѣдныя. Послѣ собранія все это скопище разбрелось по 14 погребамъ въ Нордгеймѣ, Остероде, Ганноверѣ и Оснабрюкѣ и начисто вытянуло около пяти возовъ вина. Двѣ вѣдьмы въ Оснабрюкѣ совсѣмъ перепились и заснули въ погребѣ, гдѣ работникъ ихъ утромъ и засталъ. Работникъ сейчасъ же сказалъ объ этомъ хозяину, хозяинъ побѣжалъ къ бургомистру (надо замѣтить, что тогдашній бургомистръ Гаммахеръ, воспитанникъ Эрфуртскаго и Виттенбергскаго университетовъ, и раньше проявлялъ большую ревность по очищенію города отъ вѣдьмъ), и бургомистръ самъ скрутилъ спящихъ и отправилъ ихъ на строгій допросъ. Онѣ тотчасъ же выдали еще 92 женщины въ городѣ и 73 въ сельской округѣ, и было дознано, что онѣ всѣ своимъ колдовствомъ и снадобьями погубили далеко за триста человекъ, что

онѣ покарѣчили 64 человекѣ и очень многихъ заставили отъ любви сойти съ ума. Въ городѣ потомъ сразу спалили 133 колдуньи, но четырехъ изъ нихъ, самыхъ красавиць, дьяволь живыми унесъ въ воздухъ, прежде еще чѣмъ онѣ попали на костеръ». Въ общемъ стараніями ревностнаго бургомистра въ Оснабрюкѣ за шесть лѣтъ было сожжено свыше 400 вѣдьмъ, при сравнительно очень небольшомъ населеніи.

Въ 1616 году,—читаемъ мы въ одномъ франконскомъ «листкѣ о вѣдьмахъ»,—въ вюрцбургскомъ городкѣ Герольцгофенѣ одинъ по-денщикъ у себя въ погребѣ ночью накрылъ четырехъ старухъ и отправилъ ихъ въ судъ. На судѣ онѣ признались, что онѣ вѣдьмы и дали такое показаніе: «Во всемъ Герольцгофенскомъ судебномъ округѣ,—говорили онѣ,—врядъ ли найдется человекъ 60 старше семилѣтняго возраста, которые не были бы совсѣмъ причастны колдовству». По ихъ указанію было арестовано сначала еще три женщины. За этими тремя послѣдовало новыхъ пять, потомъ еще десять, потомъ было арестовано еще 14 человекъ, въ томъ числѣ трое мужчинъ. Всѣ заподозрѣнные кончили на кострѣ. Затѣмъ сразу забрано было 26 человекъ, которыхъ всѣхъ постигла та же участь. Такъ какъ людей, вина которыхъ стала почти несомнѣнной вслѣдствіе совпаденія нѣсколькихъ оговоровъ, оказалось послѣ этого несчетное количество, то въ дѣло вмѣшался самъ князь-епископъ и издалъ указъ такого рода: «Отнынѣ должны мѣстные власти еженедѣльно по вторникамъ, кромѣ дней великихъ праздниковъ, учинять сожженіе вѣдьмъ. Каждый разъ ихъ надо ставить на костеръ и сжигать душъ 25 или 20 и никакъ уже не меньше, чѣмъ 15». Но дѣло не ограничилось Герольцгофеномъ. Епископъ потребовалъ, чтобы очищены были отъ вѣдьмъ всѣ его владѣнія. Для этого въ Герольцгофенѣ были приглашены блюстители правосудія изъ другихъ мѣстъ. «Тамъ имъ было строжайше наказано приступить къ сожженію вѣдьмъ и вручены списки всѣхъ, которыхъ удалось обнаружить». Въ самомъ Герольцгофенѣ при этомъ за два года сожжено было 187 человекъ. Но и другіе суды не остались глухи къ внушенію епископа, какъ можно судить по записямъ въ домашней хроникѣ одного семейства изъ небольшого вюрцбургскаго городка Цейль. «Въ семъ 1616 году на Ивановъ день начали забирать колдуній или вѣдьмъ, и первую попалась Елисавета Букелева, Ивана Букеля жена. 26 ноября у насъ въ Цейлѣ сожгли девять цейльскихъ женщинъ, какъ вѣдьмъ: то было первое паленье.—Въ семъ 1617 году 6-го марта, устроили второе паленье колдуній: ихъ на костеръ поставили четыре души. 13-го апрѣля сожгли Анну Рютзову, Ивана Вейера хозяйку, которая

удавилась въ тюрьмѣ изъ-за своего колдовства. 26-го іюня опять сожгли одного колдуна и трехъ колдуній. 7-го августа одна вѣдьма или колдунья умерла въ тюрьмѣ: ее тоже сожгли. 22-го августа у насъ въ Цейлѣ еще сожгли 11 чертовокъ, которыхъ отпавилъ на тотъ свѣтъ новый палачъ Эндрессенъ изъ Эльмана. 27-го сентября опять сожгли одну старую вѣдьму, которая отъ крѣпкой пытки умерла въ тюрьмѣ. 4-го октября опять сожгли девять колдуновъ. 16-го декабря опять сожгли у насъ 6 колдуновъ».

Нерѣдко такіе процессы растягивались на многіе и многіе годы. «Зимой 1572 года,—повѣствуетъ хроника маленькаго эльзасскаго городка Танна,—здѣсь для начала сожгли четырехъ такъ называемыхъ вѣдьмъ, и эти экзекуціи длились до 1620 года, такъ что за 40 лѣтъ только у насъ частью изъ самаго города, частью изъ прилегающихъ деревень забрали, пытали, казнили и сожгли около 152 человекъ. Мужчинъ изъ нихъ было всего душъ восемь. Померли осужденные частью съ покаяніемъ, а частью безъ покаянія. Въ это же самое время такія же экзекуціи шли повсюду. Въ Эльзасѣ, Швабіи и въ Брейсгау такихъ преступницъ сожжено было до 800. Дѣло шло такъ, что чѣмъ больше палили подобныхъ вѣдьмъ или колдуній, тѣмъ больше ихъ являлось, словно бы онѣ зарождались въ этомъ пеплѣ».

При особо неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ—когда народная фантазія подъ вліяніемъ различныхъ бѣдствій была особенно раздражительна, а слабость правителей допускала крупныя злоупотребленія въ судебномъ вѣдомствѣ—такого рода процессы пріобрѣтали иногда прямо характеръ общественной катастрофы и оказывались способными опустошать цѣлыя территоріи. Такъ было, напримѣръ, въ Трирѣ въ концѣ XVI вѣка. «Такъ какъ въ городѣ — пишетъ очевидецъ этихъ событій Іоаннъ Линденъ, каноникъ отъ св. Симеона въ Трирѣ,—упорно ходили слухи, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ посѣщавшіе страну неурожаи вызваны дьявольской злобою вѣдьмъ и колдуновъ, то все архіепископство поднялось на искорененіе вѣдьмъ. Это гоненіе на вѣдьмъ раздувалось кое-къмъ изъ служащихъ лицъ, которые надѣялись при этомъ добыть себѣ денегъ и всякаго добра. По всему архіепископству суды, слѣдователи, пристава, засѣдатели, судьи и палачи осаждались толпами доносчиковъ изъ городовъ и деревень, и по ихъ указаніямъ множество народа обоюга пола притягивалось къ допросу и часто предавалось смерти на кострѣ. Ибо рѣдкій изъ обвиненныхъ отъ нея ускользалъ. Даже само городское трирское управленіе не осталось пощаженымъ; самъ городской шультгейсъ съ двумя бургомистрами и нѣсколькими совѣтниками и засѣдателями

были обращены въ пепель; эта же участь постигла нѣсколькихъ канониковъ, приходскихъ священниковъ и сельскихъ благочинныхъ. Наконецъ ярость народа и ослѣпленіе судей, алкавшихъ крови и добычи, поднялись такъ высоко, что не осталось въ странѣ почти никого, на кого бы не падало подозрѣніе въ вѣдовствѣ. А тѣмъ временемъ нотаріусы, протоколисты и трактирщики наживали большія деньги. Палачъ, какъ важный баринъ, разъѣзжалъ повсюду на статномъ конѣ, одѣтый въ золото и серебро. Жена его своею пышностью соперничала съ знатными дамами. Дѣти казенныхъ покидали родину. Имѣнія ихъ шли съ молотка. Поля и виноградники оказывалось некому обрабатывать, и они ничего не родили. Чума никогда не свирѣпствовала такъ въ нашемъ архіепископствѣ и непріатели въ немъ не хозяйничали никогда такъ жестоко, какъ это безмѣрное выслѣживаніе и гоненіе. И между тѣмъ по многому можно было видѣть, что виноваты вовсе не всѣ изъ осужденныхъ. Преслѣдованіе это длилось нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и суды хвастались другъ передъ другомъ количествомъ костровъ, которые они сложили, и числомъ спаленныхъ ими жертвъ. Наконецъ, когда не смотря на безпощадныя казни зло все-таки оказывалось неискоренимымъ, а подданные разорялись, то были изданы особые законы насчетъ слѣдствія, слѣдователей и ихъ вознагражденія изъ имущества обвиненныхъ. И послѣ этого, какъ на войнѣ, когда выходить деньги, пыль гонителей вѣдмъ вдругъ окончательно потухъ».

Приведенныхъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для общей характеристики хода такихъ процессовъ. Статистики же жертвъ здѣсь нѣтъ и по состоянію источниковъ совсѣмъ не можетъ быть. Но впечатлѣніе, которое очень осторожные изслѣдователи выносятъ отъ знакомства съ сохранившимися въ памятникахъ цифрами, сводится къ тому, что для Германіи тутъ дѣло идетъ во всякомъ случаѣ о многихъ десяткахъ, для всей же Европы о многихъ и многихъ сотняхъ тысячъ.

Намъ остается помянуть про самыя казни вѣдмъ. Карой за вѣдовство, какъ мы уже видѣли, всегда являлся костеръ. Но въ этой карѣ тоже были свои степени. Признавшаяся сразу, не взявшая назадъ своихъ показаній и выразившая раскаяніе преступница получала въ видѣ милости напутствіе Св. Дарами и смягченіе казни: вмѣсто того чтобы жарить ее на медленномъ огнѣ, палачъ сначала отрубалъ ей голову или душилъ, и только трупъ ея предавался сожженію. Упорное же заперательство и нераскаянность карались сожженіемъ живо. Въ XVII столѣтіи, впрочемъ, въ большинствѣ нѣмецкихъ судовъ взялъ верхъ обычай только особенно ужасныхъ и совершенно нераскаянныхъ преступницъ отправлять на костеръ

живыми. Мотивы къ подобному измѣненію судебной практики при этомъ излагались такъ: «Ибо христіанскія кроткія и боголюбивыя власти предержавшія приняли во вниманіе, что если всѣхъ чародѣекъ жечь живыми, то многія изъ нихъ отъ ожесточенія или малодушія могутъ впадать въ великій грѣхъ отчаянія и вмѣстѣ съ тѣмъ (чего избави Боже) переселятся изъ одного огня въ другой». Очень сочувственно относятся къ «покаявшимся» вѣдьмамъ и нѣкоторые протоколы относительно исполненія надъ ними судебного приговора: *Deus ter maximus faxit, ut haec mors, quam patienter et fortiter sustinuit, sit ipsi vita, et quidem beata et aeterna.*

Но собиравшійся на эти казни тысячами народъ не проявлялъ столь христіанскихъ чувствъ. То зрѣлище, которое представляла собой городская площадь во время казни вѣдьмъ, ярко рисуется намъ одинъ изъ протестантскихъ проповѣдниковъ XVI вѣка. «Толпа стоитъ и смотритъ, какъ на телѣгѣ живодера везутъ вѣдьмъ и колдуновъ на мѣсто казни; всѣ члены у нихъ часто истерзаны отъ пытокъ, груди висятъ въ клочьяхъ; у одной переломаны руки, у другой голени перебиты, какъ у разбойниковъ на крестѣ; онѣ не могутъ ни стоять, ни идти, такъ какъ ноги ихъ разможены тисками. Вотъ палачи привязываютъ ихъ къ столбамъ, обложеннымъ дровами. Онѣ жалостно стонутъ и воютъ изъ-за своихъ мученій. Одна громкимъ голосомъ вопіетъ къ Богу и Божьей справедливости, другая, напротивъ, призываетъ дьявола и передъ лицомъ смерти клянется и богохульствуетъ. А толпа, гдѣ собрались и важныя особы, и бѣднота, и молодежь, и старики, глядитъ на это все, нерѣдко насмѣхаясь и осыпая руганью несчастныхъ осужденныхъ. Ну, какъ же полагаешь ты, христіанскій читатель? Кто же всѣмъ этимъ заправляетъ? Кто радуется, глядя на всѣ эти мученія и стоны, и на глазбьющій народъ, изъ котораго инымъ, конечно, скоро придется самимъ отправляться на такое же жаркое? не кажется тебѣ, что это дьяволь?»

Такъ объяснялъ гоненіе на вѣдьмъ и одинъ изъ самыхъ раннихъ противниковъ его въ ученomъ мѣрѣ — знаменитый докторъ Вейеръ. Козни нечистаго, писалъ онъ, вовсе не въ томъ заключаются, какъ изъ-подъ пытки рассказываютъ объ этомъ мнимыя вѣдьмы. Истинно адское коварство этого исконнаго челоуѣкоубійцы состоитъ въ томъ, что онъ убѣдилъ людей, будто всѣ эти судебныя признанія не бредъ, а правда, и этимъ подвинулъ людей на мучительства, мѣра которыхъ не можетъ быть превзойдена.

На этомъ мы и разстанемся съ необходимымъ описаніемъ того, чѣмъ были въ жизни Западной Европы такъ называемые «процессы вѣдьмъ».

Переходя къ анализу условій, вызвавшихъ къ жизни описанные «процессы вѣдьмъ», я не стану вдаваться въ утомительный разборъ тѣхъ пестрыхъ мнѣній, которыя въ различное время высказывались по этому поводу въ специальной литературѣ. Поскольку это необходимо, критическая ихъ оцѣнка будетъ произведена попутно, по мѣрѣ развитія положительныхъ выводовъ предлагаемаго очерка. Но предварительно я все же считаю нужнымъ отвѣтить на одинъ принципиальный характера вопросъ, который, какъ мнѣ кажется, неизбежно долженъ возникнуть въ головѣ у многихъ и многихъ изъ тѣхъ, кто остановитъ свое вниманіе на развернувшейся предъ нашими глазами картинѣ и задумается надъ внутреннимъ ея смысломъ.

Правдоподобно ли, чтобы процессы вѣдьмъ на самомъ дѣлѣ проистекали только изъ тѣхъ причинъ, на которыя, повидимому, указываютъ приведенные отрывки изъ современныхъ имъ памятниковъ? Можно ли допустить, чтобы люди на протяженіи двухъ вѣковъ такъ безчеловѣчно терзали и губили тысячи себѣ подобныхъ только въ силу господства извѣстнаго комплекса ложныхъ представлений? И не найдется ли основаній полагать, что въ данномъ случаѣ — какъ во множествѣ другихъ — вѣра въ несуществующее служила только прикрытіемъ очень реальныхъ, осязательныхъ интересовъ какого-нибудь общественнаго класса или отдѣльной вліятельной группы лицъ?

Въ отвѣтъ на эти вполне законныя сомнѣнія отмѣтимъ прежде всего, что въ большинствѣ случаевъ гоненія на вѣдьмъ безспорно осложнялись игрою множества низкихъ страстей и корыстныхъ расчетовъ людей, пользовавшихся трепетомъ общества передъ «адскимъ сообществомъ вѣдьмъ» лишь какъ орудіемъ. Мы видѣли уже, что трирскій лѣтописецъ, оставившій намъ описаніе одного изъ самыхъ жестокихъ гоненій, самъ въ крупной мѣрѣ объяснялъ эти прискорбныя событія алчностью вліятельныхъ правительственныхъ лицъ, и подобныя жалобы на судей, «открывшихъ новую алхімію, при помощи которой они добываютъ золото и серебро изъ человѣческой крови», отнюдь не являются рѣдкостью въ ту эпоху. Въ маленькихъ германскихъ «территоріяхъ» и сами носители верховной власти подчасъ не прочь были смотрѣть на «очищеніе страны отъ вѣдьмъ», какъ на средство пополнить въ то же время путемъ конфискаціи имущества осужденныхъ вѣчно нуждающуюся въ деньгахъ княжескую казну. По крайней мѣрѣ поставленные ими служители Божественной Юстиціи не стѣснялись обращаться иногда къ своимъ монархамъ съ такого рода предложеніями. «У насъ — писалъ въ 1661 году линдгеймскій амтманъ

своему высокородному повелителю, — снова стало замѣчаться вѣдовство, чѣмъ населеніе очень встревожено. И обыватели говорятъ, что если только ихъ государю угодно будетъ поपालить вѣдьмъ, то они охотно возьмутъ на себя расходы на дрова, равно какъ и прочія издержки. И государь тутъ могъ бы выручить столько, что этого бы хватило на перестройку моста и церкви. Да, сверхъ того, еще осталось бы денегъ, такъ что государевымъ служителямъ можно было бы дать прибавку къ жалованью, ибо, повидимому, этою язвою заражены цѣлыя семьи и притомъ такія, съ которыхъ есть что взять». Строгое требованіе закона, чтобы во избѣжаніе возможной мести со стороны адской силы судъ ни подъ какимъ видомъ не открывалъ обвиняемымъ въ вѣдовствѣ именъ показывавшихъ на нихъ свидѣтелей, дѣлало затѣмъ изъ каждаго слѣдствія по вѣдовскимъ дѣламъ очень удобное средство для сведенія всевозможныхъ личныхъ счетовъ. Мужъ, желавшій отдѣлаться отъ постылой жены, жена, приревновавшая мужа къ разлучницѣ, родственники, соскучившіеся долго ждать наслѣдства, протестантскій пасторъ или католическій ксендзъ, косо смотрѣвшіе на присутствіе среди ихъ паствы лицъ иной вѣры, не признававшихъ ихъ авторитета, и вообще всякій человѣкъ, которому вмѣстѣ съ другимъ на свѣтѣ казалось тѣсно — всѣ поддавались нерѣдко искушенію избавиться отъ неудобныхъ для нихъ людей при помощи столь безопаснаго и столь дѣйствительнаго орудія, какъ тайный доносъ въ «вѣдовскую комиссію». «О чародѣйствѣ, — писалъ въ 1589 году въ своей памятной книгѣ кельнскій думскій совѣтникъ Вейнсбергъ, — я по своему разумнію судить не берусь: да и люди, какъ я слышу, толкуютъ объ этомъ по-разному. Одни совсѣмъ этому не вѣрятъ, считаютъ фантазіей, воображеніемъ, безумствомъ, басней, негодной выдумкой. Другіе, ученые и неученые, этому вѣрятъ, основываются на Св. Писаніи, и написали и напечатали объ этомъ много книгъ. Богу одному, думаю я, это вполне извѣстно. Но отъ старухъ и отъ ненавистныхъ людей нельзя скорѣе и проще отдѣлываться, чѣмъ такимъ путемъ и порядкомъ». Законъ, положимъ, предусматривалъ подобную опасность и воспрещалъ судамъ придавать какое-нибудь значеніе показаніямъ, исходившимъ отъ «смертельнаго врага» оговореннаго лица. Но, какъ мы уже говорили, не одни открытые, «смертельные» враги оказывались способны на попытку своими оговорами довести человѣка до застѣнка, откуда не было другого хода, какъ на костеръ. «Доносамъ нѣтъ конца, — съ отчаяніемъ восклицалъ одинъ изъ видныхъ протестантскихъ пасторовъ въ концѣ XVI вѣка. — Мнѣ самому зятя клеветцуютъ на тещу, жены на мужей, мужья на женъ...»

Но, сдѣлавъ эту оговорку, мы должны будемъ затѣмъ рѣшительно отстранить всякую возможность подобнаго мелко-материалистическаго толкованія причинъ изслѣдуемаго нами явленія. Въ исторіи двухвѣковаго жестокаго гоненія на вѣдьмъ мы тщетно стали бы искать какого бы то ни было отзвука борьбы классовыхъ интересовъ, которая по извѣстной формулѣ служить ключомъ къ уразумѣнію всей исторіи человѣчества. Преслѣдованіе вѣдьмъ выхватывало свои жертвы отнюдь не изъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ общественныхъ слоевъ: всѣ классы общества отъ царствующихъ домовъ до бездомныхъ нищихъ бродягъ платили свою дань этому безумству. Правда, не на всѣхъ сословіяхъ оно при этомъ одинаково тяжело отзывалось, но главною своею тяжестью оно, опять-таки, падало неизмѣнно на самыя обездоленные, забитыя, задавленные человѣческія существа, гибель которыхъ отнюдь не могла лежать въ интересахъ какого бы то ни было соціального класса — на старыхъ женщинъ, принадлежавшихъ къ подонкамъ общества. Подавляющее преобладаніе среди казенныхъ вѣдьмъ нищихъ, уродливыхъ, болѣзненныхъ старухъ сами гонители ихъ объясняли тѣмъ, что эти «твари» только отъ дьяволовъ на шабашѣ и могли получить удовлетвореніе снѣдавшаго ихъ стремленія къ «сладкому житію». Но какъ бы это обстоятельство въ дѣйствительности ни объяснялось, оно служитъ достаточно убѣдительнымъ свидѣтельствомъ, что не классовый эгоизмъ зажигалъ тѣ костры, на которыхъ жарилась живую «бѣсовская челядь». Ошибочно было бы придавать преувеличенное значеніе и несовершенствамъ стараго судоустройства, нерѣдко дѣлавшимъ жизнь и имущество подсудимыхъ легкой добычей судейской алчности. Помимо того же обстоятельства, которое мы только что отмѣтили, помимо полной нищеты большинства подсудимыхъ, противъ этого рѣшительно говорить общая картина хода гоненія на вѣдьмъ въ различныхъ странахъ Западной Европы. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить раньше, процессы вѣдьмъ были равно извѣстны странамъ съ самымъ различнымъ судоустройствомъ. Вѣдьмъ одинаково отправляли на костеръ какъ трибуналы испанской и итальянской инквизиціи, такъ и коронные суды Германіи, такъ и присяжные, судившіе подобные дѣла въ Шотландіи и въ Англіи. И, взявъ исторію отдѣльныхъ странъ, мы видимъ, что періоды злѣйшихъ гоненій отнюдь не совпадаютъ для нихъ съ періодами, когда распущенность и слабость государственной власти легко позволяла судамъ превращаться въ гнѣздилище черной неправды. Знаменитый Максимиліанъ I Баварскій, душа католической Лиги въ эпоху Тридцатилѣтней войны, во многихъ отношеніяхъ являлся идеаломъ

абсолютнаго монарха, желающаго быть для подданныхъ Земнымъ Провидѣніемъ. Всѣ безпристрастные историки единодушно отдають великую честь широкому государственному уму, несокрушимой волѣ, нечеловѣческой энергіи и высокому понятію о долгѣ, которыми обладалъ этотъ коронованный питомецъ іезуитовъ. Правда въ судахъ всегда составляла предметъ его неусыпныхъ заботъ. И тѣмъ не менѣе какъ разъ его правленіе является въ Баваріи временемъ едва ли не самой ожесточенной борьбы судебной власти противъ «вѣдовства», при чемъ Придворный Совѣтъ Максимилиана не только не сдерживалъ, но всячески поощрялъ рвеніе мѣстныхъ органовъ администраціи. И въ Англіи правленіе фанатическихъ протестантскихъ сектантовъ въ эпоху Республики и Протектората можно упрекать въ чемъ угодно, но не въ распушенности и низкомъ своекорыстіи. И тѣмъ не менѣе за этотъ сравнительно короткій періодъ, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ историковъ, въ ней было истреблено больше вѣдьмъ, чѣмъ за все предшествующее и послѣдующее время, на которое распространяются подобныя процессы.

Едва ли можетъ подлежать спору, что въ процессахъ вѣдьмъ мы имѣемъ передъ собою одинъ изъ самыхъ яркихъ, рѣзкихъ примѣровъ того, какую роль въ жизни общества способны играть «идеи» даже тогда, когда онѣ, какъ здѣсь, оказываются сотканными изъ чисто фантастическихъ, чуждыхъ всякой реальности элементовъ. Конечно, съ широкой точки зрѣнія и въ этихъ процессахъ нетрудно обнаружить матеріалистическую подкладку. Страстная ненависть къ вѣдьмамъ, такъ глубоко охватившая западно-европейское общество XV—XVII вѣковъ, направлена была въ сущности не столько противъ оскорбительницъ Божьяго величія, безпощадно надругивавшихся надъ всѣмъ, въ чемъ церковь запоевѣдывала видѣть высшую святыню, сколько противъ опаснѣйшихъ колдуній, грозившихъ ежеминутно жизни, здоровью и имуществу своихъ ближнихъ. Людскія и скотскія повальные болѣзни, неурожай отъ ливней или засухи, повторныя градобитія и тому подобныя несчастія, обрушивавшіяся на какую-нибудь округу — вотъ что служило наиболѣе частой причиной обостренія бреда вѣдьмами, и мѣропріятія ревностныхъ правителей по очищенію своей страны отъ вѣдьмъ могутъ, если угодно, быть относимы не столько въ область ихъ церковной, сколько въ область ихъ экономической политики и заботъ объ охраненіи общественнаго здравія. «Благодаря вашей примѣрной строгости, — такъ писали герцогу Фердинанду руководители извѣстнаго намъ шонгаускаго процесса, стоившаго жизни шести съ лишнимъ десяткамъ несчастныхъ подданныхъ этого князя, — вотъ уже три года, какъ ни людямъ

ни скотинѣ не приходится страдать отъ порчи, и хлѣбушко снова стало хорошо родить и убирается безъ всякой помѣхи». Но ясно, что подобное указаніе само по себѣ еще нисколько не помогаетъ намъ отвѣтить на стоящій передъ нами вопросъ. Оно нисколько не помогаетъ намъ понять, какимъ образомъ Западная Европа въ XV — XVII столѣтіяхъ могла стать театромъ описанныхъ нами безумно-жестокихъ дѣяній. Забота о сохраненіи жизни, здоровья и имущества присуща всякому человѣческому обществу на всѣхъ стадіяхъ его развитія, и если сказывающійся тутъ вполне нормальный инстинктъ самосохраненія могъ въ данный историческій періодъ толкать людей на столь ненормальные, столь исключительные поступки, то ключа къ этому, очевидно, надо искать въ мірѣ «идей», въ мірѣ представленій, при смѣнѣ которыхъ неизбежно измѣняются и дѣйствія общества, хотя бы стимулирующія волю желанія и окружающія общество внѣшнія условія все время оставались безъ перемѣнъ.

Согласно этому объяснить происхожденіе «процессовъ вѣдьмъ» значитъ объяснить, въ какихъ условіяхъ въ Европѣ родилась вѣра въ реальное существованіе описаннаго нами «вѣдовскаго сообщества» и какимъ образомъ она успѣла заполнить правящіе классы европейскаго общества, имѣвшіе возможность направить на борьбу съ этимъ ужаснымъ призракомъ организованную общественную силу. Къ этой задачѣ мы теперь и обратимся.

II.

Процессы вѣдьмъ по мѣстному своему распространенію замкнуты въ строго опредѣленныхъ границы. Они встрѣчаются безъ всякаго изъятія у всѣхъ народовъ, которые въ средніе вѣка образовали единую культурную семью, связанную общей принадлежностью къ римско-католической церкви, и только у нихъ однихъ. Не говоря уже о нехристіанскихъ странахъ, страны, входящія въ составъ греко-восточной церкви, какъ мы уже замѣтили, также остались свободны отъ этой язвы. Восточная церковь въ свое время знала, правда, преслѣдованіе колдуновъ, но борьба съ «вѣдовствомъ» никогда не приводила въ движеніе органы ея власти. Итакъ, въ особыхъ условіяхъ духовнаго развитія данной группы народовъ и надобно искать корней интересующаго насъ явленія.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ главной наставницей молодыхъ западно-европейскихъ обществъ была церковь, которая являлась хранительницей не только завѣтовъ христіанства, но и остатковъ римской языческой цивилизаціи. Каковы же были собственные

взгляды этой церкви въ кругу занимающихъ насъ представлений, когда послѣ гибели Западной Римской имперіи она приступила къ своей культурной миссіи? Что здѣсь оставилъ послѣ себя языческій Римъ, и какъ его воззрѣнія переработаны были представителями новой религіи?

На это приходится отвѣтить, что въ данной области наслѣдство классической древности было далеко не завидно. Извѣстенъ глубоко односторонній характеръ развитія теоретической мысли въ античномъ мірѣ. Въ лучшую свою пору античная наука главнѣйшія усилія сосредоточила на изученіи духовной природы человѣка и строя человѣческаго общежитія, и здѣсь она достигла тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые прославили ее на долгіе вѣка; но въ изученіи «уставовъ естества», въ попыткахъ уразумѣть законы внѣшняго міра она была далеко не такъ счастлива. Попавъ съ первыхъ шаговъ на ложную дорогу, стремясь къ разрѣшенію интересовавшихъ ее загадокъ мірозданія чисто-спекулятивнымъ методомъ, она растратила множество энергіи на совершенно непроизводительныя системы общей «натуръ-философіи». Когда же, воспитавшись, она стала было выходить на вѣрный путь, то, въ силу общихъ историческихъ условій, дни ея оказались уже сочтены. Такимъ образомъ, изъ всей великой области человѣческаго вѣдѣнія, которую мы обозначаемъ словомъ «точные науки», на сколько-нибудь значительную высоту въ древнемъ мірѣ успѣли подняться лишь математика и астрономія съ математическою географіей. Что же касается «естественныхъ наукъ» въ болѣе узкомъ смыслѣ,—наукъ, душой которыхъ служить опытъ,—то древность только блеснула здѣсь отдѣльными открытіями, свидѣтельствующими о необычайной одаренности греческаго ума, но не смогла выработать стройной системы знанія. Чтобы съ ясностью себѣ представить, какими дѣтскими глазами смотрѣлъ античный міръ на окружающую его природу, надобно взять Плиніеву *Historia Naturalis*, эту естественно-историческую энциклопедію I вѣка по Р. Х. Здѣсь этотъ по своему высокообразованный писатель, бывший притомъ же страстнымъ любителемъ естественно-историческаго познанія, на каждомъ шагу рассказываетъ про природу басни, наивность которыхъ прямо ставитъ насъ въ тупикъ. Зная ихъ чаще всего по средневѣковымъ пересказамъ, мы такъ обыкновенно къ нимъ и относимся. Мы ихъ привыкли представлять, какъ характерныя порожденія «умственной тьмы» среднихъ вѣковъ, и намъ бываетъ странно убѣждаться, что средніе вѣка ихъ только повторяли со словъ той же античной древности: до такой степени подобный лепетъ для насъ, по нашимъ

умственнымъ привычкамъ, кажется несомнѣстимымъ со сколько-нибудь высокой степенью общаго культурнаго развитія.

Извѣстенъ далѣе еще болѣе односторонній характеръ классической общеобразовательной школы — этой отдаленной прародительницы современной классической гимназiи. Школа эта возникла и отлилась въ твердыя формы еще въ ту пору, когда въ свободныхъ античныхъ республикахъ весь строй ихъ политическихъ и судебныхъ учрежденій дѣлалъ для гражданина искусство владѣть словомъ первымъ залогомъ завиднѣйшихъ успѣховъ на жизненномъ пути. Развитіе въ своихъ питомцахъ «краснорѣчія» школа эта и ставила искони своею главною задачей, и ей она осталась вѣрна до послѣдняго часа, пронеся культъ краснорѣчія черезъ такія эпохи, въ которыя ораторскій талантъ давно ужъ не являлся дѣйствительно первостепенной общественной силой. Само собой разумѣется при этомъ, что ради достиженія своей верховной цѣли она должна была усиленно занимать учениковъ чтеніемъ и анализомъ замѣчательныхъ памятниковъ изящной рѣчи, а также упражненіями въ формальной логикѣ. Зато далѣе этого она ужъ не считала нужнымъ куда-нибудь идти. Наука, сколько ея было въ древнемъ мірѣ, входила лишь въ нѣкоторыя системы философіи, а философія хотя и обладала тоже своими школами, но привлекала къ себѣ немногихъ. Масса же школьно-образованнаго греческаго и римскаго общества временъ имперiи могла лишь повторять вслѣдъ за однимъ изъ славнѣйшихъ педагоговъ своего времени, Либаніемъ: «Если мы утеряемъ краснорѣчіе, то въ чемъ же будетъ наше отличіе отъ варваровъ?»

У этой школы краснорѣчія были, конечно, свои точки соприкосновенія съ вопросами, которыми занимались люди науки. При чтеніи поэтовъ, какъ Гомеръ, Гезіодъ или Вергилій, гдѣ воплощалось традиціонное греческое и римское міросозерцаніе, «грамматикамъ», подготавливавшимъ учебный матеріалъ для «ритора», полагалось толковать авторовъ, т.-е. касаться и реальной стороны изучаемыхъ произведеній. Грамматикъ говорилъ съ дѣтьми и о космографіи, и о религіи, и о морали: онъ давалъ имъ энциклопедическое образованіе. Но было бы напрасно думать, чтобы эти скромные труженики, главная доля вниманія которыхъ была занята тайнами изящнаго выговора словъ и музыкальнаго произношенія стиха, сами имѣли достаточное понятіе о томъ, какъ разсуждали объ относящихся сюда вопросахъ тѣ или другіе представители научнаго мышленія. *Scholasticus est: quo genere hominum nihil aut sincerius, aut simplicius, aut melius* (онъ школьный преподаватель: а нѣтъ болѣе искреннихъ, болѣе наивныхъ и болѣе добронравныхъ существъ,

чѣмъ эти люди) — такъ отзывался о нихъ Плиній. И эти «схоластики» толковали дѣтямъ поэтовъ, не мудрствуя лукаво. Въ ихъ рукахъ школа являлась опорой традиціоннаго міросозерцанія, а отнюдь не орудіемъ эмансипаціи разума отъ старыхъ предразсудковъ. «Всѣ эти сказки и басни,—такъ говоритъ о дѣйствіи школы въ данномъ отношеніи сторонникъ христіанства въ извѣстномъ діалогѣ Минуція Феликса «Октавій»,—мы перенимаемъ отъ нашихъ необразованныхъ родителей. Но, что еще важнѣе, мы потомъ сами трудимся надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ своимъ достояніемъ во время школьныхъ занятій, особенно при чтеніи поэтовъ, которые своимъ вліяніемъ наносятъ величайшій ущербъ истинѣ».

Итакъ, античный міръ никогда не былъ богатъ познаніемъ реальныхъ силъ природы, и тѣ скромныя свѣдѣнія, какими онъ обладалъ тутъ, никогда не были удѣломъ сколько-нибудь широкихъ круговъ древняго общества. Въ такихъ условіяхъ общество это даже въ высшихъ слояхъ — какъ то не разъ уже указывалось историками его культуры — должно было являться легкой добычей для всевозможныхъ видовъ суевѣрія. Но уже бѣглый взглядъ на его многовѣковую исторію сразу показываетъ, что въ разные эпохи та сила, съ которой суевѣрныя представленія давили на личную и общественную жизнь въ древнемъ мірѣ, была очень различна и что при этомъ «кривая» подобныхъ колебаній отнюдь не совпадаетъ съ «кривой» развитія естественныхъ наукъ. Дѣйствительно, если взять Грецію V и IV вѣковъ до Р. Х., то мы находимъ въ ней науку о природѣ еще въ пеленкахъ. Припомнимъ, что даже такой умъ, какъ Сократъ, считалъ стремленіе создать ее почти что чистою утопіей. И тѣмъ не менѣе, знакомясь изъ Оукидида съ аѳинскимъ обществомъ времени Пелопонесской войны, мы склонны забывать, что этихъ грековъ отъ насъ отдѣляетъ больше чѣмъ два тысячелѣтія; по способу мыслить и дѣйствовать они намъ представляются нашими современниками. Напомню знаменитую погребальную рѣчь, вложенную Оукидидомъ въ уста Периклу, въ которой характеризуется аѳинское общежитіе и объясняются причины его необычайнаго процвѣтанія. Гдѣ авторъ ищетъ этихъ причинъ? Какъ чужда ему мысль сказать, что перевѣсомъ своимъ надъ всѣми прочими соперничающими городами Аѳины прежде всего обязаны особой силѣ родныхъ боговъ! И авторъ этотъ — одинъ изъ множества тѣхъ гражданъ, отъ лица которыхъ его Периклъ говорилъ: *φιλοκαλοῦμεν γὰρ μετ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας* ¹⁾. Греція

¹⁾ Мы увлекаемся прекраснымъ въ разумныхъ предѣлахъ и занимаемся научнымъ созерцаніемъ не въ ущербъ дѣятельнымъ способностямъ.

того времени знала, конечно, и свои Lourdes, какъ знаетъ ихъ современная просвѣщенная Франція. Она отнюдь не была свободна и отъ язвы вольнопрактикующихъ кудесниковъ, туземныхъ и забредавшихъ въ нее съ Востока. Но тонъ ея умственной жизни давался тѣми людьми, для которыхъ слова «магъ» и «кудесникъ» (μάγος и γόης) были синонимами шарлатана.

Но если обратиться къ литературѣ II вѣка по Р. Х., когда наука гордилась уже именами Аристотеля и Архимеда, Эвклида и Аполлонія, Гиппарха и Птолемея, то, вчитываясь въ нее, мы постепенно погружаемся въ ту атмосферу, которую обычно принято именовать средневѣковой. Трепетъ передъ чудеснымъ и въ то же время жажда его и безграничная въ него вѣра — таковъ идущій отъ нея удушливо-тяжелый запахъ. Имъ сильно вѣетъ даже отъ трудовъ такихъ свѣтилъ тогашней мысли, какъ Плутархъ, какъ Эпиктетъ или какъ Маркъ Аврелій. Когда жъ берешь литературныя произведенія, которыя ходили по рукамъ въ широкихъ кругахъ образованнаго общества той эпохи, то останавливаешься въ окончательномъ недоумѣніи передъ вопросомъ, какъ за почтенное число столѣтій, протекшихъ со времени Фукидида и Аристотеля, умственный уровень верхнихъ слоевъ древняго міра, вмѣсто того, чтобы подняться, успѣлъ упасть такъ глубоко? Въ одномъ изъ своихъ діалоговъ Лукіанъ изображаетъ намъ собраніе профессоровъ философіи въ домѣ богатаго ихъ мецената, гдѣ гости и хозяинъ усердно угощаютъ другъ друга разказами о чудесахъ, свидѣтелями которыхъ они якобы были въ жизни. Тутъ есть волшебники, которые ходятъ по водамъ, какъ по сушѣ, которые носятся по воздуху, силой своихъ заклинаній сводятъ мѣсяцъ съ неба или приказываютъ всѣмъ гадамъ опредѣленнаго имѣнія предстать передъ ихъ очи и потомъ сразу однимъ дыханіемъ своихъ устъ обращаютъ ихъ въ пепель; тутъ есть явленіе гигантской огненной Гекаты, давшее рассказчику случай заглянуть въ мрачныя области Аида; тутъ есть изгнаніе бѣсовъ изъ человѣка и изъ занятыхъ ими зданій — однимъ словомъ, діалогъ этотъ представляетъ сборникъ исторій, вполне соперничающихъ по своей таинственности съ тѣми, какими позже упивались читатели *Legenda Aurea* генуэзскаго епископа Іакова. Конечно, можно было бы предположить, что Лукіанъ преувеличиваетъ степень суевѣрности своихъ ученыхъ собратьевъ, что онъ рисуетъ на нихъ каррикатуры. Но собственныя писанія нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣлствуютъ о противномъ: по фантастичности они въ иныхъ случаяхъ оставляютъ за собой самыя невѣроятныя анекдоты Лукіана. Развѣ не прямо въ глубину среднихъ вѣковъ насъ переноситъ слѣдующій духовно-назида-

тельный рассказ благочестиваго Лукіанова современника Эліана. Одинъ бойцовый пѣтухъ въ Танагрѣ былъ тяжело раненъ въ ногу. «Движимый, безъ сомнѣнія, тайнымъ внушеніемъ самого бога (Асклепія), хромя, онъ идетъ къ его святилищу. То было утро, когда пѣлся Асклепію пѣанъ. Пѣтухъ становится въ ряды хористовъ, онъ занимаетъ между ними мѣсто словно по указанію самого регента; и вотъ онъ принимается со всеусердіемъ пѣть слѣдомъ за другими, при чемъ ведетъ свой голосъ, не сбиваясь съ такта... Стоя на одной ногѣ, онъ протягиваетъ другую, которая была подбита, какъ будто показывая ее богу и обращаясь къ нему за помощью... Онъ воспѣвалъ Цѣлителя изъ всѣхъ силъ и умолялъ послать ему здоровье... Асклепій вялъ ему, и нашъ пѣтухъ еще раньше полудня сталъ выступать на обѣихъ ногахъ, хлопая крыльями, дѣлая крупные шаги, поднимая высоко голову и потрясая гребешкомъ, какъ гордый гоплитъ; такъ онъ являлъ собой свидѣтельство, что божественное попеченіе Асклепія простирается даже на животныхъ». И развѣ не средневѣковымъ настроеніемъ проникнута картина жизни чрезмерно «богобоязненныхъ» людей (*δεισιδαίμονες*), которую оставилъ намъ Плутархъ.

„Такіе богобоязненные люди молятся предъ образками боговъ изъ камня, бронзы или глины, цѣлый день ходятъ съ лавровой вѣточкой во рту, утромъ, вымывъ тщательно руки, кропятъ себя святой водой, черезъ короткіе промежутки времени производятъ очищеніе всего своего дома, зовутъ къ себѣ знахарокъ, которыя окуриваютъ ихъ сѣрой и спрыскиваютъ водой изъ трехъ ключей, налитой на бобы и соль; при всякомъ снѣ они бѣгутъ къ снотолкователямъ, чтобы узнать, какимъ богамъ или богинямъ имъ слѣдуетъ по этому случаю молиться, каждый мѣсяць ходятъ съ женой—или когда той что-нибудь мѣшаетъ, то съ нянькой—и съ дѣтьми къ орфеотелестамъ, чтобы себя святить. Когда у такого богобоязненнаго человѣка мышъ прогрызетъ мѣшокъ съ мукой, онъ спрашиваетъ истолкователя, что ему дѣлать, и если тотъ посоветуетъ ему заштопать мѣшокъ, то онъ все же вмѣсто этого рѣшаетъ принести жертву; если, завязывая сандали, онъ вдругъ порветъ ремень, то онъ трясется отъ страха и не знаетъ, куда ему дѣваться. Когда его постигаетъ самое маленькое несчастіе, то онъ садится и стонетъ, что онъ сталъ ненавистенъ богамъ, что боги его караютъ: онъ не пытается бороться съ постигшей его бѣдой, чтобы не стать мятежникомъ, отказывающимся претерпѣть удары наказующей руки; онъ не пускаетъ къ себѣ друзей, пришедшихъ навѣстить его („оставь меня, ненавистнаго богамъ и духамъ человѣка, нести заслуженное наказаніе“); онъ, облачившись во вретиче, сидитъ на улицѣ передъ своимъ домомъ или, перепоясавшись грязною ветошкой, нагой валяется въ навозѣ, исповѣдаясь въ своихъ великихъ и малыхъ прегрѣшеніяхъ, что онъ поѣлъ и выпилъ того, чего не полагалось бы, или что онъ ходилъ дорогой, на которой геній не хотѣлъ его видѣть; если же онъ рѣшается остаться дома, то онъ зоветъ къ себѣ старухъ, которыя обвѣшиваютъ его всякими амулетами. Если безбожники смѣются надъ празднествами, освященіями и оргіазмами, то эти люди блѣднѣютъ, возлагая на голову праздничный вѣнокъ, приносятъ жертву со страхомъ, дрожащимъ голосомъ выговариваютъ молитвы и трепетными руками курятъ өміамъ. Имъ нѣтъ покоя и во снѣ; имъ снятся муки мѣста уготованнаго для нечестивыхъ, и въ трепетѣ они бросаются къ кудесникамъ и шарлатанамъ, которые мажутъ ихъ навозомъ, велятъ сидѣть на землѣ или окунаться въ море и т. д.

Подобныя уродливыя проявленія религіозности встрѣчались, конечно, въ исторіи Греціи и раньше. Еще Платонъ жаловался, что нѣкоторые изъ современниковъ его позволяютъ себя морочить различнымъ «искупителямъ душъ». Но, повторяю, глубокая разница между эпохою Платона и Плутарха состоитъ въ томъ, что для Платона и образованныхъ современниковъ Платона все это было шарлатанство, а для Плутарха и образованныхъ современниковъ Плутарха это являлось лишь нѣкоторымъ преувеличеніемъ той самой «богобоязненности», которая наполняла и ихъ сердца. По духу, которымъ полны ихъ собственныя произведенія, мы видимъ, что для нихъ родственнѣе было такое благочестіе, нежели благочестіе Платона.

Итакъ, изложенное нами выше обычное объясненіе, почему утонченное греко-римское общество временъ имперіи могло являться вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣздилищемъ дикаго суевѣрія, — ссыла на крайнюю односторонность античной умственной культуры, — при всей своей справедливости требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій. Та же классическая древность даетъ намъ и наглядные примѣры, какъ при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ уже одно чисто эмпирическое познаніе закономерности естественныхъ явленій — то самое познаніе, безъ котораго человѣкъ не можетъ бросить первой горсти зерна въ землю съ надеждой вернуть ее съ лихвой обратно — оказывается способно служить уму достаточной опорой для полного разрыва съ первобытнымъ «анимистическимъ» міросозерцаніемъ и для освобожденія души отъ страха передъ таинственными «нездѣшными» силами. И въ интересахъ дальнѣйшаго нашего изложенія намъ слѣдуетъ дать себѣ хотя бы самый общій отчетъ въ томъ, чѣмъ обусловливалась эта относительная свобода отъ суевѣрія, которая такъ выгодно отличаетъ древнее греческое общество и римское общество конца республики отъ образованныхъ по риторической программѣ на греческій же ладъ римскихъ гражданъ временъ имперіи.

Авторъ одного изъ самыхъ талантливыхъ очерковъ по исторіи образованія въ античномъ мірѣ, датскій профессоръ Уссингъ, заканчиваетъ свою работу такого рода общимъ положеніемъ: «Внутренняя сущность классической древности заключается въ ея свободѣ. Какъ только свобода эта была утеряна, античный міръ сейчасъ же сталъ опускаться все ниже и ниже. Богатство его жизненнымъ содержаніемъ улечувивается, оставляя послѣ себя пустыя формы; его культура вырождается въ варварство. Оттого-то мы и находимъ, что общее образованіе, доставшееся среднимъ вѣкамъ въ наслѣдство отъ греко-римской древности, совсѣмъ не дорогого стоило». Къ

этому замѣчанію и мы вполне можемъ примкнуть съ точки зрѣнія нашего вопроса.

«Истинное образованіе римскаго гражданина,—говоритъ Цицеронъ,—издревле снискивалось не въ учебныхъ заведеніяхъ: форумъ былъ его школой, опытъ—его наставникомъ». Въ такой же школѣ и у того же наставника учился главнымъ образомъ и греческій πολιτης въ цвѣтущее время греческихъ республикъ. И когда школы эти волею судебъ были закрыты, оставивъ послѣ себя одни «училища краснорѣчія», по основному смыслу своему имѣвшія сначала служебный, приготовительный, характеръ, то общее духовное развитіе древнихъ гражданъ отъ этого, конечно, не могло не пострадать. Особый же ущербъ потерпѣли при этомъ именно тѣ его стороны, которыя всего важнѣе для успѣшной борьбы души противъ господства фантомовъ, порождаемыхъ суевѣрной фантазіей,—сила характера и крѣпкій критическій складъ ума. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, какимъ могучимъ союзникомъ суевѣрія является общее легковѣріе—отсутствіе привычки строго различать въ чужихъ разказахъ истину отъ намѣренной или ненамѣренной лжи. Извѣстно далѣе и то, какимъ лѣкарствомъ противъ легковѣрія, какою школой критики служить широкая практическая дѣятельность, гдѣ всякая ошибка въ разсужденіи даетъ себя такъ осязательно, такъ горько чувствовать и гдѣ неисправимо легковѣрныя натуры въ концѣ-концовъ совсѣмъ выбрасываются жизнью за бортъ. А школа, которую проходили въ этомъ направленіи полноправные греческіе или римскіе граждане, была особенно требовательна и строга. Отъ трезвости и ясности ихъ взгляда на окружающую дѣйствительность зависѣлъ не только личный успѣхъ или неуспѣхъ въ жизни каждаго изъ нихъ: отъ этого нерѣдко зависѣла судьба цѣлаго общезитія, и общезитіе не вѣдало пощады тѣмъ, кто въ трудную минуту волей или неволей сбивалъ его на ложную дорогу. Но сила, съ которою можетъ овладѣвать душою суевѣріе, вовсе не обусловливается лишь состояніемъ мыслительной способности человѣка. Не входя въ болѣе подробный анализъ различныхъ элементовъ суевѣрія, я только напомню здѣсь находящійся у всѣхъ передъ глазами фактъ, что при извѣстномъ складѣ натуры, при неустойчивости общей нервной организаціи, даже люди, облеченные во всеоружіе современной науки, вполне усвоившіе себѣ и результаты ея, и методы, все же оказываются способны платить тяжелую дань грубо суевѣрнымъ ощущеніямъ и инстинктамъ. Поэтому, указывая условія, въ которыхъ античный міръ на время успѣлъ было поколебать въ своей средѣ господство суевѣрія, я и упомянулъ на первомъ мѣстѣ раз-

вѣтѣ силы характера, являющееся такой яркой чертой духовнаго склада античныхъ общежитій въ счастливую ихъ пору. Даже въ періодъ дѣтской, наивной, нерассуждавшей вѣры ни грекъ, ни римлянинъ не трепетали рабски предъ своими божествами. Когда же вопросъ о сверхъестественномъ сдѣлался въ Греціи объектомъ размышленія, то грекъ такъ рано началъ ставить все неземное какъ можно дальше отъ земли, не только уступая доводамъ воспитаннаго здоровой жизненной дѣятельностью разсудка: его влекло на тотъ же путь и свойственное всякой крѣпкой натурѣ желаніе чувствовать себя вполне свободнымъ человекомъ. Эта моральная подкладка рано сказавшагося въ Греціи «свободомыслія» въ эпоху полного расцвѣта греческой философіи даетъ себя всего яснѣе чувствовать въ самой послѣдовательной изъ рационалистическихъ ея системъ—въ системѣ Эпикура. Ученіе Эпикура о полномъ невмѣшательствѣ вѣчныхъ, блаженныхъ и всесовершенныхъ боговъ въ жизнь мірозданія и въ судьбу людей проистекало не изъ того, чтобы онъ особенно глубоко проникъ въ дѣйствительную разгадку тайнъ окружающей насъ природы. Оно подсказывалось ему всего сильнѣе взглядомъ его на личное совершенство и на пути къ возможному на землѣ счастью. Страхъ былъ для Эпикура злѣйшимъ врагомъ человѣческой души. Освобожденіе души отъ страха онъ обѣщаль, какъ высшую награду, всѣмъ, кто усвоитъ его ученіе. А такъ какъ вѣрить въ близость сверхъестественнаго и не испытывать при ощущеніи этой близости страха является для человѣка вещью немислимою, то освобожденіе души отъ подобной вѣры и выступало въ доктринѣ Эпикура на первый планъ. Такъ и звучитъ извѣстная апологія эпикуреизма, написанная Лукіаномъ, когда одинъ изъ современныхъ ему носителей новаго духа, иѣкій «пророкъ» Александръ, публично смеетъ въ Пафлагоніи главное изъ сочиненій Эпикура за отъявленное его «безбожіе». «Презрѣнные гонители не понимали, истинникомъ какого блага служить эта книга для тѣхъ, кто ее читаетъ — какую она даетъ имъ тишину и спокойствіе, какую свободу, насколько она успѣшно разгоняетъ страхи, видѣнія, знаменія, тщетныя мечты и неисполнимыя желанія, какъ содѣйствуетъ она торжеству разума и истины, какъ очищаетъ душу». Подобными же свойствами ума и характера обусловливалась притягательность греческихъ рационалистическихъ доктринъ и для многихъ римлянъ, когда римское общество въ концѣ республики тоже начало размышлять о философскихъ вопросахъ. «Человѣчество, писалъ Лукрецій, влачило постыдное существованіе, пока съ неба метала на него свои грозныя взоры религія. Но явился Эпикуръ, дерзнувшій

изслѣдовать умомъ всѣ заповѣданныя области,—и міръ освободился отъ вѣкового трепета».

Quare Religio pedibus subiecta vicissim
Obteritur: nos exaequat victoria caelo. ¹⁾

Но ко II вѣку по Р. Х. объ этой Цицероновой школѣ жизни въ Греціи, и въ самомъ Римѣ почти что не осталось уже помина. Въ тяжкихъ превратностяхъ историческихъ судебъ свободолобивый и гордый древній эллинъ успѣлъ къ тому времени обратиться въ пронырливаго и подобострастнаго грека, фигура котораго такъ рисуется у Ювенала:

Grammaticus, rhetor, geometres, pictor, aliptes,
Augur, schoenobates, medicus, magus: omnia novit
Graeculus esuriens: in caelum, iusseris, ibit ²⁾.

Про римлянъ тоже сказано было уже грозное слово:

(Populus) qui dabat olim
Imperium, fasces, legiones, omnia nunc se
Continet atque duas tantum res anxius optat
Panem et circenses ³⁾

Да, сверхъ того, отнюдь нельзя упускать изъ виду, что ряды «греко-римскаго образованнаго общества» въ расцвѣтъ имперіи совсѣмъ не состояли только изъ римлянъ и грековъ. Римскіе граждане этой эпохи представляютъ собой пеструю смѣсь различныхъ западныхъ и восточныхъ національностей, многія изъ которыхъ раньше совсѣмъ не поднимались на сколько-нибудь высокую степень духовной культуры или прошли совершенно особый циклъ религіознаго развитія. Всѣ эти кельты и германцы, египтяне и сирійцы въ римской тогѣ стремились правда съ большимъ усердіемъ ассимилировать себѣ внѣшнія формы греко-римской цивили-

¹⁾ Поверженная въ прахъ религія теперь попирается ногами: побѣда насъ самихъ поднимаетъ на небо.—Сравни у Вергилія:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas
Atque metus omnes et inexorabile fatum
Subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari.

(Блаженъ, кто смогъ постичь причинную связь явленій и поправилъ всякіе страхи передъ неумолимымъ рокомъ и плескомъ волнъ жаднаго Ахерона.)

²⁾ Грамматикъ, риторъ, геометръ, живописецъ, массажистъ, авгуръ, канатный плясунъ, медикъ, магъ—на всѣ руки мастеръ голодный грекъ: если прикажешь, онъ полѣзетъ на самое небо.

³⁾ Народъ, который нѣкогда давалъ гражданскую и воинскую власть, легіоны, все, однимъ словомъ, теперь сталъ смиренъ и съ замираніемъ сердца просить лишь двухъ вещей—хлѣба и зрѣлищъ.

зации; но это не мешало имъ смотрѣть на міръ глазами своей родины. И въ тѣхъ глубоко нездоровыхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ, въ которыхъ жило это объединенное имперіей космополитическое общество, побѣда осталась не за эллинскимъ духомъ. Римъ, сдѣлавшись столицей міра, сталъ въ то же время торжищемъ всемірнаго суевѣрія, гдѣ древняя просвѣтительная философія уже не находила себѣ мѣста. Вънѣ породившихъ его условій античное свободомысліе, вооруженное почти единственно элементарнымъ здравымъ смысломъ, оказалось не въ силахъ продолжать сколько-нибудь успѣшную борьбу съ враждебными ему теченіями. Въ IV вѣкѣ «богобоязненные» люди уже поздравляютъ человѣчество, что милостью неба скептическія сочиненія Эпикура и Пиррона пропали безъ слѣда. На мѣсто ихъ теперь становится такъ называемый неоплатонизмъ ямблиховскаго толка, гдѣ ранѣе добытое греческой философскою мыслью высокое понятіе о божествѣ мирится съ безчисленными политеистическими культами имперіи черезъ «демоническую» теорію. Придавъ гораздо болѣе грубую форму старинному платоновскому ученію о демонахъ и пропитавъ его элементами, заимствованными изъ религій мистическаго и фантастическаго востока, теорія эта наполняетъ мірозданіе посредствующими между божествомъ и человѣкомъ существами, ихъ объявляетъ истинными свершителями чудесъ, приписывавшихся народной вѣрою богамъ, и съ головой уходитъ въ изысканіе путей для сообщенія съ этимъ сверхъестественнымъ міромъ и подчиненія его волѣ человѣка. Для нея мало-по-малу волшебникъ и совершенный въ своей наукѣ философъ сливаются въ одномъ лицѣ. И неоплатонической философіи платили тяжкую дань самые видные умы среди кончавшаго свой вѣкъ языческаго общества. Послѣдній коронованный язычникъ Юліанъ былъ ревностнѣйшимъ демонослужителемъ (даемонікола) въ духѣ и силѣ наставника своего Ямблиха. Стоитъ прочесть панегирикъ Юліану, составленный извѣстнымъ уже намъ риторомъ Либаніемъ.

„Ему пріятнѣе, когда къ нему обращаются съ титуломъ „жрецъ“, чѣмъ съ титуломъ „императоръ“, и званіе жреца онъ носитъ съ полнымъ правомъ. Ибо насколько своимъ искусствомъ править онъ затмеваетъ другихъ вѣнценосцевъ, настолько глубиной своихъ познаній въ дѣлахъ священныхъ онъ превосходитъ другихъ жрецовъ: я говорю при этомъ не о современныхъ намъ невѣждахъ, я говорю о просвѣщенныхъ жрецахъ древняго Египта. Онъ не довольствуется жертвоприношеніями изрѣдка, по установленнымъ празднествамъ; но, убѣжденный въ истинѣ правила, что къ богамъ надо обращаться предъ всякимъ предпріятіемъ и предъ началомъ всякой рѣчи, онъ каждый день приноситъ жертвы, которыя другіе приносятъ лишь каждый мѣсяць. Кровью жертвъ привѣтствуетъ онъ солнце при восходѣ, и кровь ихъ снова льется вечеромъ въ честь его захода. Затѣмъ другія жертвы закалаются въ честь демоновъ ночи... И, что еще прекраснѣе, во время жертвоприношеній онъ не сидитъ спокойно на высокомъ тронѣ среди своихъ тѣлохранителей, блистающихъ золотомъ щитовъ, онъ не чужими руками служить своимъ богамъ; нѣтъ, онъ самъ принимаетъ участіе въ обрядахъ, онъ самъ

вступаетъ въ ряды служителей алтаря, онъ носить дрова, онъ беретъ въ руки ножъ, онъ вскрываетъ сердце приносимыхъ на алтарь птицъ, онъ обладаетъ искусствомъ читать судьбу по внутренностямъ жертвъ.“

Кому при этомъ не вспомнится невольно и приведенный нами ранѣе Либаніевъ панегирикъ своей риторикѣ: «Если бы не красно-рѣчіе, то чѣмъ бы отличались мы отъ варваровъ?»

Какъ бы ни относиться, однако, къ проведенной нами параллели и какъ бы ни представлять себѣ вліянія, дѣйствовавшія понижающе на тонъ умственной жизни Римской имперіи, но самый фактъ стоитъ внѣ спора: умственная культура римскаго общества во всѣхъ его слояхъ являла собою передъ паденіемъ язычества очень неутѣшительную картину. Трудящіеся земледѣльческіе классы, приниженные обитатели деревни, не вѣдавшіе никакой школы и никакой «системы народнаго образованія», жили дѣтьми природы: почтенный по древности своей культъ священныхъ деревьевъ нисколько не являлся рѣдкостью въ имперіи; на ряду съ нимъ процвѣтала культъ межевыхъ знаковъ. Но если даже земледѣльцы молились олимпійцамъ, то для нихъ «благочестіе» все же имѣло главный смыслъ, какъ средство привлекать въ должномъ количествѣ и свѣтъ, и дождь на свои сады и нивы. Что касается правящихъ классовъ общества, сосредоточивавшихся въ безчисленныхъ городахъ и городкахъ, которыми «всемирный городъ» покрылъ лицо имперіи, то «сливки интеллигенціи» всего похожѣе были тогда по своему духу на современныхъ намъ «спиритовъ» и «теософовъ». «Я ничего не считаю невозможнымъ», заявлялъ одинъ изъ раннихъ вожаковъ интеллигенціи по этому пути, извѣстный писатель II вѣка Апулей. Такъ разсуждали тогда и многіе другіе. Кружки знатнаго общества, увлекавшіеся моднымъ въ тѣ времена таинственнымъ культомъ египетской Изиды, не находили, напримѣръ, ничего невѣроятнаго въ событіи, свидѣтелемъ которому оказался воздвигнутый на Марсовомъ полѣ храмъ Изиды, гдѣ однажды серебряная змѣя богини при нарушении одною изъ римскихъ дамъ устава о супружескомъ воздержаніи многозначительно покачала головой. Такія вещи могли казаться глупостью только «непосвященнымъ» людямъ въ родѣ сатирика Ювенала, который сохранилъ для насъ память объ этомъ. А «посвященнымъ», особенно если они сподобились окунуться въ самый источникъ мистической мудрости, въ мистеріи востока, оставалось лишь скорбѣть о духовной ограниченности подобныхъ рационалистовъ. Для нихъ та магія, на которую профаны вообще смотрѣли издревле очень косо, являлась высшей изъ всѣхъ наукъ, способной сдѣлать человѣка дѣйствительнымъ «царемъ вселенной». Наконецъ, масса городского общества довольствовалась тѣмъ міро-

созерцаіемъ, которое она выносила изъ школы или которымъ она заимствовалась у побывавшихъ въ школѣ людей. Нельзя сказать, чтобы она вѣрила всякому слову о богахъ въ заученныхъ ею наизусть на школьной скамьѣ поэтахъ—ее никто къ тому и не обязывалъ, ибо античная религія не знала «догмы» — но въ общемъ было бы напрасно думать, чтобы она читала греческихъ трагиковъ или Вергиліеву Энеиду нашими глазами. Довольно здѣсь напомнить, что даже христіанскіе философы, какъ Августинъ, считали истиной разсказъ о жертвоприношеніи Ифигеніи въ Авлидѣ съ чудесною замѣной ея ланью, и въ спорахъ о дѣятельности боговъ въ природѣ ссылки на поэтовъ являлись самымъ обычнымъ доводомъ. Ранѣе пробудившійся скептицизмъ, правда, не вымиралъ совсѣмъ въ римскомъ языческомъ обществѣ до самаго его конца. Но такъ какъ онъ обычно соединялся съ общимъ индиферентизмомъ, такъ какъ насмѣшники типа Лукіана, смѣявшіеся заразъ и надъ поэтами, и надъ философами, и надъ геометрическими или астрономическими умозрѣніями, на мѣсто осмѣянныхъ теорій не ставили ровно ничего, то и вліяніе ихъ шло не глубоко. Притомъ же въ эпоху торжества неоплатонизма скептикамъ приходилось держаться осторожно. Если старинный принципъ римской религіозной политики гласилъ *Deorum iniuriæ diis curae* ¹⁾, то спириты ямблиховскаго направленія учили, что «съ тѣми, кто спрашиваетъ, есть ли боги, и въ этомъ сомнѣвается, не слѣдуетъ разговаривать, какъ съ людьми: ихъ надо травить, какъ хищныхъ звѣрей». Зато послѣ созданія Пантеона, собравшаго подъ одной кровлей всѣ прежде враждовавшія между собой божества, терпимости римскаго общества къ выбору культа не было уже предѣловъ. Оно охотно допустило бы въ свой Пантеонъ и того Бога, которому молились евреи и христіане. И только упорное утвержденіе его поклонниковъ, что на ряду съ нимъ не можетъ быть мѣста другимъ богамъ, что всѣ другіе боги суть лишь «глаголемые бози», заставляло римское общество гнать іудеевъ и христіанъ, какъ атеистовъ ²⁾. Помимо же этого всякій римскій гражданинъ въ религіозной области былъ почти безгранично свободенъ. Онъ, правда, не долженъ былъ забывать почтенія къ римскимъ богамъ, издревле покровительствовавшимъ государству; но боги эти не были ревнивы и не мѣшали никому ходить къ какимъ угодно другимъ алтарямъ и приносить свои

¹⁾ „Оскорбленія боговъ — богамъ забота“; иначе говоря, боги не нуждаются въ помощи людей, чтобы карать тѣхъ, кто осмѣлится ихъ оскорбить.

²⁾ Очень характерно, что терминъ *atheos* въ юридическомъ языкѣ имперіи прилагался исключительно къ іудеямъ и христіанамъ, не распространяясь на религіозныхъ скептиковъ.

мольбы и свои жертвы заразы какому угодно количеству небожителей. Соперничество между языческими религиями сводилось теперь лишь к тому, что онъ другъ передъ другомъ превозносились своею силою — количествомъ и качествомъ чудесъ, которыя числились за ихъ богами. И въ этой конкуренціи литература наводняется якобы безусловно достовѣрными разсказами, не мало способствовавшими тому, что религиозная жизнь римскаго общества принимаетъ характеръ, который одинъ изъ знатоковъ этого періода описываетъ намъ такими чертами: «Съ III столѣтія по Р. Х. вся римская религиозная жизнь поглощена была вѣрою въ чудеса. Людская мысль и вѣра чувствовала себя въ мірѣ чудеснаго, какъ въ своей истинной стихіи. Чѣмъ болѣе разительный характеръ носила приходившая новая вѣсть, тѣмъ скорѣе и охотнѣе общество соглашалось ее слушать. О самой скромной критикѣ не было болѣе и рѣчи, легковѣріе у образованныхъ римлянъ переходило всякія границы, и какъ среди обманутыхъ, такъ и среди самихъ обманщиковъ безчисленное множество людей теряло окончательно способность отличать правду отъ неправды. Гигантская сѣть суевѣрія, сплетенная соединенными усиліями запада и востока, покрыла собой всю Римскую имперію. Міръ никогда не видывалъ общества, которое при всей своей образованности и утонченности до такой степени жило бы въ сферѣ сверхъестественнаго». (Th. Trede, Wunderglaube im Heidentum, S. 57.)

Но правящіе классы римскаго общества, римскіе граждане, все же, какъ мы замѣтили, были дѣйствительно «гражданами», т.-е. горожанами — и въ городскихъ условіяхъ не всѣ виды суевѣрія находили для своего питанія одинаково благоприятную почву. Такимъ образомъ если мы, обращаясь къ ближайшей нашей темѣ, возьмемъ отдѣльныя фантастическія представленія, изъ которыхъ впоследствии соткался отвратительный образъ вѣдьмы, и прослѣдимъ ихъ отраженіе въ римской литературѣ и въ жизни, то мы получимъ слѣдующіе результаты.

Если бы образованному римлянину послѣднихъ вѣковъ имперіи пришлось встрѣтиться съ разсказами о вѣдьмахъ, то онъ не нашель бы здѣсь почти ничего такого, о чемъ бы ему и раньше не случалось слышать и читать множество разъ. Вѣдьмы — колдуньи, изводящія своими чарами людей и животныхъ, напускающія бури и градъ, вынимающія при помощи заклинаній молоко у коровъ и т. п., — но кто же въ Римской имперіи не видывалъ своими глазами колдуновъ? Деревня издревле трепетала передъ *arioli*, умѣвшими наводить и отводить тучи, а въ городахъ въ языческое время имперіи профессія маговъ была представлена такъ серьезно и разно-

образно, что добрые люди не знали, куда дѣваться отъ всѣхъ этихъ халдеевъ «математиковъ» и прочихъ «лиходѣевъ» (malefici) — общее имя, которымъ окрестилъ римскій народъ всякаго рода «волхвовъ», хотя бы они занимались и разрѣшенными магическими искусствами. И тотъ, кто юность свою провелъ въ риторической школѣ, кто читывалъ сатиры и эподы Горация или Луканову Фарсалию, тому вся кухня вѣдьмъ, какъ она описывается, напримѣръ, въ шекспировскомъ Макбетѣ, показалась бы вещью совсѣмъ не новой. Онъ могъ бы даже заподозрить — и не безъ основанія — что главные рецепты этой адской кухни достались вѣдьмамъ по наслѣдству отъ той же Гораціевой Канидіи или Лукановой Эрихто, на очагѣ которыхъ мы уже встрѣчаемъ и «кости мертвыхъ, отбитыя у голодной собаки», и младенцевъ, вырванныхъ изъ утробы матери, и «перья совы, напоенныя кровью жабы», и позвонки гѣны, и змѣй съ ехиднами, и растенія, собранныя на могилахъ, и т. д., и т. д.

Но вѣдьмы изводили людей не только чарами, какъ Канидія или Эрихто: вѣдьмы способны были скидываться звѣрями и въ этомъ видѣ нападать на свои жертвы. И тутъ однако не было бы ничего новаго для знавшаго свою литературу римлянина. Не говоря уже про то, что превращеніемъ людей въ звѣрей, въ растенія и даже въ звѣзды издревле любила заниматься фантазія поэтовъ — припомнимъ хотя бы однѣ Овидіевы метаморфозы — даже у болѣе положительныхъ писателей, какъ у Варрона, «мужа дивной учености», онъ могъ найти сообщенія въ родѣ разсказа объ аркадцахъ, «которые, влекомые рокомъ, переплывали нѣкое озеро, превращались тамъ въ волковъ и жили вмѣстѣ съ подобными же звѣрями въ пустынѣ той страны». Варронъ передавалъ далѣе и то, что «если они потомъ не ѣли человѣческаго мяса, то черезъ девять лѣтъ, переплывши обратно то же озеро, снова превращались въ людей». Варронъ приводилъ даже по имени нѣкоего Деменета, «который будто бы, отвѣдавъ жертвы, которую аркадцы приносили обыкновенно своему богу Ликею, закалывая мальчика, превратился въ волка и, принявши снова на десятомъ году человѣчскій образъ, упражнялся въ кулачномъ бою и остался побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ». Въ извѣстномъ же произведеніи Петронія «Пиръ у Тримальхіона» всякій могъ уже найти и эпизодъ, который на разные лады безчисленное число разъ повторялся въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о вѣдьмахъ. Нѣкто Ниперось повѣствуетъ тамъ объ удивительнѣйшемъ происшествіи, случившемся на собственныхъ его глазахъ. Пустившись ночью на сосѣдскую виллу, чтобы навѣстить свою возлюбленную, онъ прихватилъ съ собой гостившаго въ ихъ домѣ силача-солдата. Но, когда путь подвелъ ихъ къ мо-

гильнымъ памятникамъ, спутникъ Ницероса остановился, раздѣлся донага и вдругъ, скинувшись волкомъ, съ воемъ исчезъ въ лѣсу. Еле живой отъ страха, Ницерось добрался до своей знакомой и отъ нея услышалъ: «Какъ жаль, что ты не пришелъ чуточку пораньше, а то ты бы намъ помогъ. Къ намъ въ виллу ворвался волкъ и, какъ мясникъ, принялся рѣзать стадо. Ну, да хоть онъ и спасся, а все же ему досталось: нашъ рабъ дротикомъ угодилъ ему въ шею». Ницерось опрометью бросился домой. Тамъ, гдѣ должна была остаться солдатова одежда, онъ не увидѣлъ ничего, кромѣ слѣдовъ крови; дома же онъ нашелъ гостя въ постели и около него медика, перевязывавшаго ему рану на шеѣ.

Полеты вѣдьмъ на каннибальскія ихъ оргіи и на распутство? Что боги могутъ носить людей по воздуху, не стѣняясь «тяжею природой» человѣческаго тѣла, зналъ всякій, кто читывалъ Гомера или кто видѣлъ на сценѣ Ифигенію. И кто жъ не слыхивалъ про Персея съ его Пегасомъ? Но, и помимо этого, уже всякая римская и греческая нянька умѣла поразсказать дѣтямъ о страшныхъ стригахъ или ламіяхъ, которыя летаютъ по ночамъ и таскаютъ дѣтей изъ колыбелей или тихонько выѣдаютъ внутренности у спящихъ мирнымъ сномъ людей, набивая ихъ вмѣсто того всякою трухою. Природа этихъ стригъ была, правда, не очень ясна. Такъ, рационалистически настроенный Плиній считалъ ихъ просто за особую породу птицъ и только затруднялся, къ какому собственно ихъ надо относить семейству. Неисправимый скептикъ Лукіанъ шель еще дальше и видѣлъ въ нихъ лишь «буку», котораго и надобно оставить нянькамъ. Но очень основательные писатели, какъ Фестъ, рѣшали дѣло въ томъ смыслѣ, что стриги—это «лиходѣйки», скидывающіяся чѣмъ-то въ родѣ птицъ. Овидій же и Апулей разсказывали о женщинахъ, которыя летаютъ по ночамъ не какъ вампиры, а просто для любовныхъ походовъ. Характерно при этомъ, что поминаемая Апулеемъ такого рода ессалійскія колдуньи свои полеты совершаютъ точь въ точь какъ вѣдьмы—при помощи волшебной мази.

Вѣдьмы, однако, распутничали не съ людьми: любовниками ихъ являлись демоны? И этому разсказу римскіе граждане нисколько бы не удивились. Свидѣтельствомъ тому, что безсмертные обитатели нездѣшняго міра могутъ вступать въ любовныя сношенія съ смертными обитателями земли, являлось все «поэтическое» или «театральное» богословіе. Самъ Римъ развѣ не признавалъ своего основателя сыномъ Марса и дочери царя Нумитора? И въ свое очень просвѣщенное время Юлій Цезарь, не вѣря, конечно, тутъ ни слову, могъ смѣло говорить на форумѣ предъ всѣмъ народомъ въ надгробномъ

словъ теткѣ: «Родъ моей тетки съ материнской стороны идетъ отъ царя Анка Марція, со стороны же отцовской мы состоимъ въ родствѣ съ безсмертными богами: ибо прародительницей насъ, Юлиевъ, является Венера». И народъ слушалъ это, не удивляясь. Сидѣли же еще во времена Сенеки въ Капитоліи «такія женщины, которыя считали себя любовницами Юпитера, не опасаясь даже и Юноны, обладающей, если вѣрить поэтамъ, весьма сердитымъ взглядомъ». А населеніе греческихъ и римскихъ водъ и лѣсовъ — всѣ эти сатиры и фавны, наяды и дріады — развѣ они ухаживали только другъ за другомъ? Развѣ юнымъ красавцамъ и красавицамъ въ лѣсной глуши не приходилось ихъ очень опасаться? Да и въ своихъ домахъ съ запертыми дверями развѣ спящимъ не приходилось терпѣть отъ посягательствъ какихъ-то духовъ, именовавшихся инкубами, ночное посѣщеніе которыхъ сопровождалось такимъ тяжелымъ состояніемъ сладострастнаго кошмара? Тѣ же изъ образованныхъ римлянъ, которымъ приходилось бесѣдовать съ бродившими по всей имперіи кудесниками и прорицателями изъ Сиріи и Іудеи, знакомы были и съ продѣлками обитающихъ на востокѣ *lilu* и *lilituv*, этихъ ночныхъ мужчинъ и женщинъ, издѣвавшихся даже надъ самыми строгими аскетами. «Здравствуй, пророкъ: какъ поживаютъ твои дѣтки?» насмѣшливо спрашиваетъ такой духъ встрѣтившагося съ нимъ великаго пророка. «Какія дѣтки? Я въ жизни не зналъ женщины.» — «Такъ что же изъ того? Какъ будто я не пользовалась твоимъ сномъ и не родила тебѣ потомство?» Подобными сказаніями полонъ былъ востокъ имперіи: къ нимъ съ любопытствомъ прислушивался и ея западъ.

Итакъ, всѣ тѣ отдѣльныя фантастическія представленія, которыя слиты въ образѣ вѣдьмы, были вполне знакомы въ той или иной формѣ и окраскѣ и римскому обществу временъ имперіи. Но если мы обратимся къ вопросу о степени ихъ интенсивности, объ ихъ вліяніи на жизнь, то мы увидимъ, что на различныя ихъ группы общество это реагировало очень различно. Вѣра въ дѣйствительность колдовства въ томъ видѣ, какъ его практиковали особы въ родѣ Гораціевой Канидіи или Нероновой сотрудницы Локусты, безспорно являлась принадлежностью чуть не всего римскаго общества поголовно — отъ деревенской лачужки до императорскаго дворца. Больше всего, положимъ, римляне опасались въ колдовской наукѣ того, чего въ ней и нельзя было не опасаться: умѣнья колдуновъ варить наговорныя зелья, готовить *rosula*, сила которыхъ лежала, конечно, не въ однихъ наговорахъ. Не даромъ римскій юридическій языкъ злостное колдовство во всѣхъ его видахъ обозначаетъ однимъ терминомъ *veneficium* (*venenum* — ядъ). Но римляне, несомнѣнно, при-

давали серьезное значеніе и многимъ другимъ приемамъ «оперативной магіи». Желая погубить Германика, рассказываетъ намъ Тацитъ, враги его зарывали въ его жилищѣ кости и пепель, добытые съ кладбищъ, надгробныя пластинки съ его именемъ, формулы заклинаній «и вообще пускали въ ходъ тѣ средства, которыми, по мнѣнію людей, душа обрекается въ жертву подземнымъ божествамъ». И римскія могилы являются убѣдительнѣйшимъ свидѣтельствомъ, какъ широко распространенъ былъ этотъ видъ суевѣрія у римлянъ: новѣйшія итальянскія раскопки открыли въ нихъ богатое собраніе писемъ, которыя потихоньку подкидывались въ гробъ покойникамъ для передачи властямъ подземнаго міра. Одни изъ нихъ содержатъ въ себѣ проклятія врагамъ — нерѣдко съ чрезвычайно точнымъ обозначеніемъ всѣхъ частей тѣла, которыя проклинаются, и всѣхъ болѣзней, которыми боги по просьбѣ пишущаго должны поразить указываемое лицо (при чемъ во избѣжаніе смѣшенія иногда прибавлялся и его адресъ: такъ, нѣкій Викторъ, погребенный на Via Appia, долженъ былъ обратить вниманіе Плутона, «царя всѣхъ мертвыхъ и повелителя подземнаго міра», на проклятаго «булочника Презетиція, сына Азеллы, торгующаго въ Римѣ въ IX кварталѣ», и т. п.). Другія изъ такихъ посланій содержатъ въ себѣ, напротивъ, просьбы, чтобы боги не слушали проклятій, посланныхъ отъ такого-то или такой-то ¹⁾). Римляне трепетали и «лигатуръ» — трепетали операций, творившихся надъ восковымъ или свинцовымъ изображеніемъ лица, которое колдунъ хотѣлъ или погубить, или воспламенить любовною страстью, или лишить разсудка и т. п. Господствующій и сейчасъ въ Италіи страхъ передъ «дурнымъ глазомъ» тоже въ достаточной мѣрѣ смущалъ тогда сердца людей (*fascinatio*). Наконецъ, поминаемое бл. Августиномъ обычное разсужденіе черни «Нѣтъ дождя — виноваты христіане» и крики, съ

¹⁾ Страшная ессалійская колдунья Эрикто, описываемая Луканомъ, свои сношенія съ адомъ поддерживала такимъ путемъ:

Saepe etiam caris cognato in funere dira
Thessalis incubuit membris, atque oscula figens
Truncavitque caput, compressaque dentibus ora
Laxavit, siccoque haerentem gutture linguam
Praemordens, gelidis infudit murmura labris
Arcanumque nefas Stygias mandavit ad umbras.

(Нерѣдко также эта пагубная ессаліанка на погребеніи родныхъ припадала къ дорогому трупу и, въ подѣлуѣ прильнувъ къ головѣ устами, грызла ее; зубами она разжимала сомкнутыя уста; укусивъ кончикъ языка, висѣвшаго въ сухой гортани, она нашептывала свои тайны на холодныя губы и такъ передавала нечестивыя вѣсти тѣнямъ Стикса.)

которыми она въ подобныхъ случаяхъ обращалась къ правителямъ, *Tolle magos, tolle sacrilegos*¹⁾ показываютъ намъ, какъ крѣпка была вѣра въ возможность волшебнаго вліянія на погоду. Конечно, не всѣ тутъ вѣрили всему, и въ римскомъ обществѣ, несомнѣнно, никогда не переводились люди, которые и ничему почти изъ этого не вѣрили. Но сила этихъ представленій была вполне достаточна, чтобы приводить въ движеніе тѣ органы, которые общество выработало для своей защиты отъ преступныхъ членовъ, чтобы оставить слѣдъ въ законодательствѣ и въ памятникахъ судебной римской дѣятельности.

Уже во времена республики за всѣ помянутые нами виды колдовства законъ назначалъ тяжкія кары, до смертной казни включительно. Имперія же сочла нужнымъ еще возвысить ихъ мѣру: по римской судебной практикѣ третьяго вѣка по Р. Х. за изведение челоѳической жизни при содѣйствіи колдуна знатнымъ особамъ рубили голову, обыкновенныхъ гражданъ распинали или кидали въ циркъ на растерзаніе звѣрямъ, самого же участвовавшаго въ преступленіи колдуна сжигали живого. Судъ римскій не отказывался также разбирать процессы въ родѣ процесса писателя Апулея, который обвинялся въ томъ, что при женитьбѣ его на богатой молодой вдовѣ дѣло было нечисто: что онъ своимъ успѣхомъ обязанъ былъ ворожбѣ. Сенека могъ смѣяться надъ вѣрой, будто колдуны способны поднимать бури, онъ могъ называть это давно отжившей свой вѣкъ глупостью; и тѣмъ не менѣе онъ же сообщаетъ намъ, какъ римскіе декуріоны его времени подвергли взыскацію полевыхъ сторожей за то, что тѣ не уберегли своего участка отъ заклинателей, навлекшихъ градобитіе на нѣкоторыя поля.

Но если мы обратимся къ представленіямъ о «стригахъ» и всякаго рода другихъ оборотняхъ, о летающихъ колдуньяхъ или о любовной связи между людьми и неземными существами, то мы увидимъ, что римскому легковѣрію были свои границы. Какъ бы ни были живы подобные образы въ невѣжественныхъ классахъ—Плиніи намъ сообщаетъ, напримѣръ, что вѣра въ оборотней при немъ была чрезвычайно сильна среди простонародья—въ общемъ городской воздухъ былъ, очевидно, губителенъ для этихъ порожденій народной фантазіи. Няньки могли сколько угодно пугать дѣтей разказами про стригъ, Варронъ могъ повѣствовать взрослымъ про аркадскую ликантропію, Апулей могъ щекотать нервы своихъ читателей чудесными похождениями ессалійскихъ волшебницъ, хватавшихъ даже мѣсяцъ и звѣзды съ неба, Филостратъ по

1) Истреби колдуновъ, истреби безбожниковъ.

особой просьбѣ самой императрицы Юліи Домны, супруги Септимія Севера, могъ составлять житіе Аполлонія Тіанскаго съ ужасными разсказами о сладострастныхъ вампирахъ, являющихся въ образѣ красавицъ; но городской базиликѣ, гдѣ творился судъ, всѣ эти чудища оставались незнакомы. По крайней мѣрѣ, до насъ не дошло ни одной относящейся сюда строки въ законахъ и ни одного намека на то, чтобы римскому суду приходилось въ какомъ бы то ни было видѣ считаться съ указанными представленіями, хотя бы даже въ видѣ репрессіи могшихъ ими вызываться случаевъ народного самоуправства. Что же касается до любовныхъ отношеній между людьми и небожителями, то римскому суду не приходилось даже разбирать, возможны они или невозможны: если бы они были и возможны, они все же его нисколько не касались. Тѣ женщины, любовницы Юпитера, о которыхъ упоминаетъ Сенека, могли бояться только громовъ Юноны: по римскому праву законъ нисколько не имѣлъ поводовъ интересоваться какими бы то ни было любовными похождениями свободныхъ женщинъ и разбирать, съ кѣмъ онѣ состоятъ въ связи. А «театральное богословіе» не позволяло видѣть тутъ и оскорбленія для отца боговъ. Впрочемъ, и все образованное общество не слишкомъ увлекалось подобными разсказами. По крайней мѣрѣ ни у одного изъ языческихъ писателей мы не находимъ попытки пролить какой-нибудь свѣтъ на это дѣло и разобратъ физиологію такого рода смѣшанныхъ браковъ. Какое тѣло у олимпійцевъ, какое у него строеніе, какія его свойства—надъ этими вопросами никто въ языческой древности серьезно не задумывался. Кто вѣрилъ въ олимпійцевъ и въ божественное происхожденіе Ромула, тотъ вѣрилъ не размышляя. У тѣхъ же, кто размышлялъ о природѣ божества, подобные вопросы совсѣмъ не поднимались.

Таковы были представленія о волшебникахъ и волшебствѣ въ римской культурѣ, когда въ IV в. культура эта изъ языческой окончательно обратилась въ христіанскую, когда церковная христіанская организація была, наконецъ, объявлена самимъ государствомъ единственною законной руководительницей духовной жизни общества и была призвана слѣдить не только за нравственнымъ поведеніемъ гражданъ, но и за правильностью ихъ образа мыслей по всѣмъ соприкасающимся съ религіей вопросамъ. Какое же положеніе заняла въ интересующей насъ области эта новая міровая сила, которой было суждено явиться свидѣтельницей гибели имперіи на западѣ Европы и стать ея душеприказчицей?

На это слѣдуетъ отвѣтить такъ. Вопросъ о волшебствѣ для церкви не находился въ сколько-нибудь близкой связи съ основ-

ними истинами христiанской религiи, и потому, работая надъ установленiемъ своей догмы, она не имѣла причинъ его касаться. Какъ извѣстно, ни одинъ изъ Вселенскихъ Соборовъ не удѣлили ему никакой доли своего вниманiя. Для церкви, несомнѣнно, всякое обращенiе къ волшебству являлось грѣхомъ—и однимъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ, какiе могъ совершить истинный христiанинъ,—грѣхомъ, граничившимъ съ отпаденiемъ отъ вѣры. Но такъ какъ грѣховность всякаго дѣянiя для христiанъ искони опредѣлялась намѣренiемъ человѣка, то, налагая за всякую попытку волхвовать строгiя кары, церковь все же не имѣла при этомъ повода высказываться «учительно» о вѣрѣ въ реальность колдовства. Такимъ образомъ все, что дошло до позднѣйшихъ временъ отъ древней церкви въ этой области, представляетъ собой лишь мнѣнiя отдѣльных христiанскихъ писателей, и мнѣнiя эти естественно носятъ на себѣ печать своего вѣка. Не надо забывать, что въ умственномъ отношенiи римскiе христiане и римскiе язычники были дѣтьми одной и той же цивилизацiи. И христiанскiе писатели не вѣдали другой общеобразовательной школы, кромѣ все тѣхъ же «училищъ краснорѣчiя», которыя для всей эпохи представлялись единственно мыслимымъ путемъ къ болѣе тонкой умственной культурѣ—настолько, что даже послѣ окончательнаго своего торжества церковь не нашла возможнымъ ничего измѣнить въ ихъ строѣ. А кто изъ христiанъ хотѣлъ подняться выше, кто задавался цѣлью усвоить себѣ приемы философскаго мышленiя о вещахъ, тотъ имъ учился опять-таки у тѣхъ же языческихъ философовъ, которые, какъ мы сказали, съ III вѣка ушли съ головой въ демонологию. Конечно, христiанинъ на все, что онъ читалъ подъ руководствомъ «грамматика», «ритора» и «философа», глядѣлъ своими собственными глазами. Такъ, признавая вмѣстѣ съ вѣкомъ, что Апулеево или Ямблихово ученiе о демонахъ, какъ о свершителяхъ чудесъ, представляетъ собой самую правильную изъ системъ языческаго «физическаго богословiя», христiанинъ отводилъ существамъ такого рода совсѣмъ не то мѣсто въ мирозданiи, какое отводила имъ философiя. Тогда какъ философiя видѣла въ демонахъ служителей боговъ, которымъ эти владыки мира поручаютъ творить на землѣ свою волю, христiанинъ, низводя и самихъ языческихъ боговъ на степень демоновъ, всѣмъ имъ отказывалъ въ малѣйшей искрѣ божественнаго начала. Для него не было сомнѣнiй, что если демоны съ ихъ чудесами и представляютъ собой мировую реальность, то съ точки зрѣнiя религiи они могутъ являться лишь тѣми падшими, преступными, лживыми, злыми ангелами, о которыхъ упоминаетъ Библия. И точно такъ же, заучивая въ школѣ краснорѣ-

чія поэтовъ, которые всѣ были преисполнены сказаніями о чудесахъ боговъ и подвигахъ героевъ, христіанинъ относился къ нимъ, конечно, съ гораздо большей критикою, чѣмъ язычникъ. Если и образованные язычники никогда не считали возможнымъ вѣрить всему, что говорила о богахъ ихъ школьная литература, то христіанинъ, не связанный пѣтетомъ къ національной религіи, гораздо большее количество сказаній о богахъ прямо отбрасывалъ въ область «нелѣпныхъ, неискусно выдуманныхъ сказокъ»; извѣстно, какою популярностью у христіанскихъ писателей пользовалось рационалистическое объясненіе міонологіи, созданное Эвгемеромъ. И тѣмъ не менѣе, старая языческая демонологія успѣла проникнуть въ молодое христіанское міросозерцаніе, принявъ только гораздо болѣе мрачную окраску. Правъ былъ бл. Августинъ, когда онъ съ горечью говорилъ о томъ, какое дѣйствіе на умъ производитъ риторическая школа, «гдѣ опьяненные виномъ поэтической лжи наставники имъ же упаиваютъ учениковъ», и какъ бываетъ трудно даже въ ковчегѣ церкви освободить душу отъ впитанныхъ еще на школьной скамьѣ ложныхъ понятій и предрасудковъ. Онъ самъ въ своемъ ученіи о демонахъ и волшебствѣ служить тому однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ примѣровъ.

Со взглядами Августина въ этой области намъ надобно ознакомиться поближе въ виду того исключительнаго вліянія, которое вообще оказалъ этотъ мыслитель на все позднѣйшее развитіе римско-католическаго міровоззрѣнія. Не даромъ римская церковь празднуетъ и понынѣ день обращенія Августина въ христіанство на ряду со днемъ обращенія ап. Павла. Но намъ при этомъ нѣтъ необходимости поднимать данный вопросъ во всемъ его объемѣ. Нѣсколько выдержекъ изъ главнаго Августинова труда «О градѣ Божиємъ, противъ язычниковъ», взятые въ неприкосновенности подлинника, при которой отъ нихъ вѣетъ эпохой, будутъ вполне достаточны для нашихъ цѣлей ¹⁾.

Въ своей защитѣ христіанства противъ нападокъ со стороны языческихъ писателей Августинъ находилъ возможнымъ считаться лишь съ тѣми изъ язычниковъ, «которые вѣруютъ и въ Бога, сотворившаго міръ, и въ боговъ, коихъ онъ сотворилъ и черезъ коихъ управляетъ міромъ, и, наконецъ, въ свершителей чудесъ добровольныхъ или вынужденныхъ какимъ-нибудь культомъ или обрядомъ» (т.-е. въ демоновъ). Со скептиками, съ полными материали-

¹⁾ Отрывки изъ сочиненія Августина „О градѣ Божиємъ“ я привожу въ общемъ по русскому переводу, помѣщенному въ „Библиотекѣ твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ, издаваемой при Киевской духовной академіи“.

стами философія перестала уже разговаривать задолго до Августина. Однако даже со стороны такого рода спиритуалистовъ христіанству приходилось наталкиваться на раціоналистическія возраженія. Христіанство, говорили образованные язычники, съ которыми состязался Августинъ, учить вещамъ прямо противнымъ разуму. Таково, на примѣръ, ученіе о вѣчномъ огнѣ, въ которомъ послѣ страшнаго суда будутъ мучиться тѣла грѣшниковъ. «Разумъ не допускаетъ, чтобы плоть горѣла и не уничтожалась, страдала и не умирала... Когда хотите, чтобы мы этому вѣрили, объясните намъ каждый пунктъ въ отдѣльности».

Такъ — отвѣчаетъ Августинъ: но это разсужденіе къ чему же насъ приводитъ? Все то, чего нашъ разумъ не въ силахъ объяснить, того и не существуетъ? «Пусть же сами эти великіе разумники дадутъ объясненіе тѣмъ весьма многимъ удивительнымъ явленіямъ, которыя мы или можемъ видѣть или даже видимъ. Если они поймутъ, что объяснить такихъ явленій человѣкъ не въ состояніи, то должны будутъ признаться, что если что-нибудь не можетъ быть объяснено, это не служить еще доказательствомъ, что его не было или не будетъ: ибо и теперь есть явленія, которыхъ также объяснить мы не можемъ».

Затѣмъ Августинъ приводитъ изъ самыхъ достовѣрныхъ писателей, главнымъ образомъ изъ Плинія, длинный рядъ такого рода удивительныхъ и непостижимыхъ фактовъ.

„Въ Сициліи есть агригентская соль: если, говорятъ, приблизить ее къ огню, она дѣлается жидкою, какъ въ водѣ, а если приблизить къ водѣ, трещить, какъ въ огнѣ. Въ Гарамантахъ есть одинъ источникъ, который днемъ бываетъ такимъ холоднымъ, что изъ него нельзя пить, а ночью такимъ горячимъ, что къ нему нельзя прикоснуться. Въ Эпирѣ есть другого рода источникъ, въ которомъ горящія факелы тухнуть, какъ и во всѣхъ другихъ, но потухшіе зажигаются, не какъ въ другихъ. Аркадійскій камень авестонъ такъ называется потому, что разъ зажженный уже не можетъ потухнуть... Въ Каппадокіи кобыла иногда зачинаетъ отъ вѣтра, и такія порожденія живутъ не больше трехъ лѣтъ. Индійскій островъ Тилонъ тѣмъ отличается отъ другихъ странъ, что всякое растущее тамъ дерево никогда не обнажается отъ своей листвы“.

Августинъ далѣе приводитъ самъ и возможное возраженіе на подобную аргументацію.

„На это намъ могутъ сказать: „Ничего этого нѣтъ, и ничему этому мы не вѣримъ; все, что говорится и пишется объ этомъ, ложь“; и прибавятъ еще такія соображенія: „Если этому слѣдуетъ вѣрить, то вѣрьте и вы тому, о чемъ общается также письменно, будто бы было или существуетъ нѣкое капище Венеры, а въ немъ подсвѣчникъ, а на подсвѣчникѣ лампада, горящая подъ открытымъ небомъ такъ, что ея не тушатъ ни буря, ни дождь; отчего подобно камню тому, она называется *λυρος ἀσβεστος* т. е. „неугасимая лампада“. Это намъ могутъ сказать для того, чтобы затруднить насъ отвѣтомъ: если мы скажемъ, что этому не слѣдуетъ вѣрить, то такимъ отвѣтомъ ослабимъ свидѣтельства о вышеприведенныхъ нами чудесныхъ явленіяхъ; а если согласимся, то тѣмъ самымъ признаемъ истинность языческихъ боговъ“.

На это Августинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ, заслуживающимъ нашего полнаго вниманія.

Во-первыхъ, говоритъ онъ, мы не считаемъ необходимымъ вѣрить всему, что содержится въ исторіи народовъ, а вѣримъ, если хотимъ, только тому, что не противорѣчитъ книгамъ, которымъ мы, по нашему убѣжденію, должны вѣрить (т.-е. Св. Писанію).

„Но впрочемъ, что касается капища Венеры и неугасимой лампы, то въ этомъ случаѣ для насъ не только нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія, а даже открывается широкое поле. Къ этой неугасимой лампадѣ мы прибавимъ и многія другія чудеса, совершаемыя людьми при помощи человѣческаго и магическаго, т.-е. демонскаго искусства и самими демонами: если бъ мы захотѣли отрицать ихъ, то стали бы въ противорѣчіе съ свидѣтельствомъ священныхъ книгъ, которымъ мы вѣруемъ. Итакъ, въ лампадѣ той устроено было человѣческимъ искусствомъ какое-нибудь приспособленіе изъ камня авестона; или же то, чему въ томъ храмѣ удивлялись, производилось при помощи магическаго искусства; или, наконецъ, подъ именемъ Венеры находился тутъ какой-нибудь демонъ, чтобы предъ людьми явилось и осталось это чудо. А къ такой ослѣдлости среди тварей, которыхъ не они создали, а Богъ, демоны приманиваются, смотря по своему различію, разными привлекательными для нихъ не родами пищи, какъ животныя, а знаками, какъ духи—знаками, которые соотвѣтствуютъ вкусу каждаго изъ нихъ, именно—разнаго рода камнями, травами, деревьями, животными, заклинаніями, обрядами. Приманкою служатъ для нихъ и люди, но въ этомъ случаѣ демоны прежде сами обольщаютъ людей какою-нибудь коварною хитростію, или отравляя ихъ сердце тайнымъ ядомъ или прикрываясь ложною дружбою, и дѣлаютъ многихъ изъ нихъ своими учениками, которые уже являются учителями весьма многихъ. Ибо никто не могъ знать, чего каждый изъ демоновъ желаетъ, чего страшится, какимъ именемъ призывается, какимъ принуждается, раньше чѣмъ они сами этому научили: отсюда именно и явились магическія искусства и мастера въ нихъ“.

Слѣдую далѣе по своему «широкому полю», Августинъ не только допускаетъ реальность всѣхъ тѣхъ видовъ колдовства, которые карались римскимъ законодательствомъ, но даже не останавливается предъ допущеніемъ, что и въ разсказахъ про оборотней можетъ быть доля истины. Такъ какъ относящимся сюда Августиновымъ взглядамъ было суждено впоследствии занять видное мѣсто въ процессахъ вѣдьмъ, то я приведу ихъ въ довольно пространномъ извлеченіи.

Разсказывая о томъ, какъ возникали культы ложныхъ боговъ, Августинъ встрѣчается съ преданіемъ о возникновеніи Діомедова храма на Діомедовомъ островѣ.

„Такъ богомъ сдѣлалъ Діомеда, который, говорятъ, въ наказаніе, свыше ниспосланное, не возвратился къ своимъ, а спутники его, какъ выдается это уже не за баснословную и поэтическую ложь, а за историческую истину, превращены были въ птицъ... Говорятъ, что существуетъ даже храмъ его на Діомедовомъ островѣ, недалеко отъ горы Гаргана въ Апуліи, и тѣ пернатые летаютъ вокругъ этого храма, живутъ тамъ и выказываютъ такую удивительную услужливость, что набираютъ въ носъ воду и производятъ орошеніе, и если туда приходятъ греки или имѣющіе происхожденіе отъ грековъ, то они не только бываютъ спокойны, но и ласкаются къ нимъ; а если видятъ чужестранцевъ, то взлетаютъ имъ на головы и наносятъ такіе тяжкіе удары, что даже убиваютъ“.

Сопоставивъ съ этимъ Гомеровскій разсказъ о превращеніи

спутниковъ Одиссея Цирцею въ животныхъ, а также извѣстное намъ свидѣтельство Варрона объ аркадской ликантропіи, Августинъ продолжаетъ:

„Читающіе это быть можетъ ожидаютъ, что скажемъ мы объ этомъ крайнемъ издѣвательствѣ демоновъ? а что намъ сказать, кромѣ того, что нужно бѣжать изъ среды Вавилона?.. Вѣдь если бы мы сказали, что этому не слѣдуетъ вѣрить, то еще нашлись бы и теперь люди, которые стали бы увѣрять, что они нѣчто подобное или самымъ достовѣрнымъ образомъ слышали, или даже испытали сами. Ибо и мы, бывши въ Италіи, слышали подобное объ одной мѣстности этой страны, гдѣ, говорили намъ, женщины, содержащія постоянные дворы и обладающія такими скверными искусствами, даютъ нерѣдко какимъ хотять и могутъ путешественникамъ въ сырѣ нѣчто такое, отчего эти мгновенно превращаются въ выючныхъ животныхъ и таскаютъ на себѣ какія-нибудь нужныя тяжести и затѣмъ, по окончаніи работы, снова принимаютъ прежній свой видъ. При этомъ смыслъ ихъ не дѣлается животнымъ, а остается разумнымъ и человѣческимъ, подобно тому, какъ Апулей въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Золотой оселъ“ рассказываетъ о себѣ дѣйствительный или вымышленный случай, будто онъ, принявъ ядъ, сдѣлался осломъ, сохраняя человѣческую душу“.

„Все это или ложно, или до такой степени необыкновенно, что по справедливости не заслуживаетъ довѣрія. Однако, нужно вѣрить самымъ твердымъ образомъ, что всемогущій Богъ можетъ сдѣлать въ наказаніе ли, или для сдерживанія все, что захочетъ, а демоны по могуществу своей природы (ибо они—тварь ангельская, хотя по собственной своей винѣ и злая) могутъ дѣлать только то, что попускаетъ Онъ, совѣтовъ Котораго тайныхъ много, а несправедливаго ни одного. Но если демоны и дѣлаютъ нѣчто такое, о чемъ идетъ у насъ рѣчь, то, конечно, не новыя творятъ природы, а измѣняютъ по виду тѣ, которыя сотворены Истиннымъ Богомъ; такъ что онѣ кажутся не тѣмъ, что онѣ на самомъ дѣлѣ. Итакъ, я никоимъ образомъ не вѣрю, чтобы демоны, не говоря о душѣ, даже тѣло могли превращать своимъ искусствомъ или силой въ дѣйствительные члены и очертанія животныхъ. Но воображающій элементъ человѣческой души (phantasticum hominis) ¹⁾, который и при размышленіи и въ сновидѣніяхъ принимаетъ видъ безчисленнаго множества различныхъ вещей и, не будучи тѣломъ, все же съ удивительной скоростью принимаетъ подобіе тѣлесныхъ формъ, когда тѣлесныя чувства бываютъ усыплены или притуплены, можетъ какимъ-то непонятнымъ образомъ являться чувствамъ другихъ въ тѣлесной фигурѣ; такъ что самыя тѣла людей находятъ въ другомъ мѣстѣ, оставаясь правда живыми, но въ состояніи усыпленія чувствъ болѣе тяжеломъ и глубокомъ, чѣмъ во время сна, а это phantasticum является чувству другихъ, какъ бы истинное тѣло въ образѣ какого-нибудь животнаго; да и себѣ самому человѣкъ при этомъ кажется такимъ; такъ можетъ ему казаться во снѣ, что онъ въ подобномъ видѣ переноситъ тяжести; при чемъ если эти тяжести суть тѣла истинныя, то ихъ переносятъ демоны, мороча людей, которые видятъ въ этомъ случаѣ съ одной стороны истинныя тѣла тяжестей, съ другой—ложныя тѣла выючныхъ животныхъ. Такъ нѣкто по имени Престанцій рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ съ отцомъ его: тотъ съѣлъ у себя дома въ сырѣ помянутый ядъ и лежалъ въ своей постели, какъ бы спящій, но такъ, что его никоимъ образомъ не могли разбудить. Черезъ нѣсколько дней онъ какъ бы проснулся и рассказалъ сновидѣнію будто бы ему тяжелые сны—именно будто онъ былъ домовой лошадейю и въ числѣ другихъ выючныхъ животныхъ возилъ солдатскій фуражъ, называемый Ретійскимъ, потому что онъ перевозился въ Ретію. Оказалось впоследствии, что такъ и было въ дѣйствительности, какъ онъ рассказывалъ, хотя ему все это представлялось его же сновидѣніемъ. Другой рассказывалъ, что онъ ночью у себя дома прежде чѣмъ лечь въ постель, видѣлъ, будто къ нему пришелъ одинъ очень ему знакомый философъ и объяснилъ ему нѣчто изъ философіи Платона, чего прежде, когда онъ о томъ его просилъ, не хотѣлъ объяснить. И когда онъ спрашивалъ послѣ философа, почему тотъ въ его домѣ сдѣлалъ то, что отказывался сдѣлать у себя дома, когда его

¹⁾ Древняя психологія различала душу растительную, животную и человѣческую и въ человѣческой душѣ отличала animus intellectualis отъ animus phantasticus.

просили о томъ, философъ отвѣчалъ: „Я этого не дѣлалъ, но мнѣ грезилось во снѣ, что я это сдѣлалъ“... И въ этомъ случаѣ въ фантастическомъ образѣ представилось бодрствующему то, что другой видѣлъ во снѣ.

Объ этихъ вещахъ мы слышали не отъ кого-нибудь, кому повѣрить бы считали дѣломъ недостойнымъ, но отъ такихъ рассказчиковъ, которые, по нашему мнѣнію не были лжецами. Мнѣ кажется, что и то, что рассказываютъ люди и что занесено въ книги, будто аркадскіе боги или вѣрнѣ демоны превращали людей въ волковъ, и будто Цирцея своими заклятіями превратила спутниковъ Улисса, могло произойти такъ, какъ объяснилъ я—если только оно дѣйствительно было. Что же касается Диомедовыхъ птицъ, то онѣ, въ виду того, что родъ ихъ, какъ утверждаютъ, продолжается преемственнымъ выводомъ дѣтей, по моему мнѣнію, были не превращены изъ людей, а подставлены на мѣсто похищенныхъ, какъ была подставлена лань на мѣсто Ифигении, дочери Агамемнона“.

Наконецъ, Августинъ не отрицаетъ и возможности любовныхъ сношеній между земными женщинами и духами.

„Существуетъ весьма распространенная молва, и многіе утверждаютъ, что испытывали сами, или слышали отъ тѣхъ, которые испытали и въ правдивости которыхъ невозможно сомнѣваться, что сивланы и фавны, которыхъ въ просторѣчій называютъ инкубонами, часто являлись сладострастными въ отношеніи къ женщинамъ, стремились вступать и вступали въ связи съ ними; увѣряютъ также очень многіе, и притомъ такіе, что отрицать это представляется безстыдствомъ, будто нѣкоторые демоны, которыхъ галлы называютъ дузіями, весьма склонны къ этой нечистотѣ и постоянно предаются ей. Тѣмъ не менѣе на основаніи этого я не рѣшусь дать какого-нибудь опредѣленнаго заключенія относительно того, могутъ ли какіе-либо духи, имѣющіе тѣла изъ воздушной стихіи (ибо и эта стихія, когда приводится въ движеніе опахаломъ, подлежитъ чувству и осязанію тѣлесному) испытывать такого рода похоть, чтобы вступать такъ или иначе въ связь съ женщинами, ощутительную для послѣднихъ“.

Итакъ, мы видимъ, что неоплатоническія теоріи въ христіанской оболочкѣ, какъ мы находимъ ихъ у бл. Августина, безспорно открывали для блужданій человѣческаго ума очень широкое поле, со многихъ точекъ котораго жизнь представлялась въ крайне своеобразномъ преломленіи. Но исходить его изъ конца въ конецъ суждено было уже не римскому обществу, при Августинѣ доживавшему свои послѣдніе годы. Трудъ Августина «О градѣ Божіемъ», откуда заимствованы изложенные выше взгляды, былъ имъ предпринятъ, какъ извѣстно, подъ опшломляющимъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на весь тогдашній образованный міръ разгромъ Рима Аларихомъ—событіе, явившееся предвѣстникомъ конечной гибели древней Римской имперіи и наступленія среднихъ вѣковъ, гдѣ римскою осталась только церковь. Къ дѣятельности римской церкви въ средніе вѣка, поскольку она связана съ нашимъ вопросомъ, мы теперь и должны обратиться.

III.

Исторія обращенія въ христіанство германскихъ племенъ, принявшихъ новую религію изъ рукъ Рима, шла въ разныхъ случаяхъ различными путями. Такъ франки, успѣвши растерять за время странствій религіозные завѣты предковъ, съ крайнею легкостью смѣнили

свою старую вѣру на вѣру побѣжденныхъ ими римлянъ; напротивъ, саксы, крѣпко сидѣвшіе на родной почвѣ, сдѣлались христіанами лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія, уступая гнету желѣзной руки такого властителя, какъ Карлъ Великій. Но при всемъ внѣшнемъ разнообразіи условій, въ которыхъ отдѣльные германскіе народы входили или вводились въ лоно церкви, съ внутренней стороны всѣ они послѣ крещенія оказывались въ одномъ и томъ же отношеніи къ новой своей религіи. Тогда какъ принятіе христіанства римскимъ императоромъ было закономѣрнымъ результатомъ духовной эволюціи римскаго общества, заключительнымъ актомъ долгаго историческаго процесса, крещеніе германскихъ вождей—будь то насильственное крещеніе Видукинда и его саксовъ или вполнѣ добровольное крещеніе Хлодвига и его франковъ—являлось по общему правилу не заключительнымъ, а начальнымъ актомъ въ замѣнѣ среди даннаго племени языческаго міросозерцанія христіанскимъ. «Не религиозное движеніе,—такъ пишетъ относительно франковъ своимъ компетентнымъ перомъ Гаукъ,—открыло христіанству доступъ къ франкамъ, и христіанство въ сравнительно короткое время стало у нихъ господствующей религіей безъ сколько-нибудь чувствительной реакціи на это со стороны народа. Тѣхъ рѣзкихъ сотрясеній, которыми обычно сопровождается замѣна старой національной религіи чуждою, новою, тутъ не оказывается и слѣда: исторія обращенія франковъ въ христіанство не вѣдаетъ мучениковъ ни за христіанскую, ни за языческую вѣру. Насколько можно судить, старое было покинуто и новое принято безъ малѣйшей боли въ сердцахъ. Это становится понятнымъ лишь при условіи, что въ эпоху такого перехода религиозный элементъ въ жизни народа стоялъ вообще далеко не на первомъ планѣ. Такъ это у франковъ дѣйствительно и было. Но если это обстоятельство облегчило вступленіе ихъ въ христіанскую церковь, исключивъ религиозную оппозицію такому шагу, то оно же въ соотвѣтственной мѣрѣ должно было затруднить работу церкви надъ народомъ, который отнынѣ становился христіанскимъ». И франки при этомъ не представляютъ какого-нибудь исключенія. Какъ очень характерный примѣръ, я приведу еще исторію принятія христіанства одною вѣтвью бургундовъ, жившихъ тогда на Рейнѣ. Странѣ, занимаемой ими, грозили гунны. Тогда, «разсудивъ, что Богъ римлянъ крѣпко помогаетъ боящимся Его, они по общему согласію рѣшили увѣровать во Христа. И, обратившись къ епископу одного изъ галльскихъ городовъ, они просили у него христіанскаго крещенія. Тотъ же семь дней готовилъ ихъ постомъ, проповѣдая имъ вѣру, а на восьмой отпустилъ ихъ, давъ крещеніе». Бургунды, уповая твердо на Бога римлянъ, съ успѣхомъ

отразили послѣ того гуннскій набѣгъ; но понадобились многіе и многіе вѣка, чтобы та вѣра, которая преподана была этимъ бургунамъ въ одну недѣлю, успѣла хотя частью перейти въ дѣйствительное достояніе ихъ потомковъ.

Итакъ, принятіе германскими племенами христіанства на первыхъ порахъ сводилось лишь къ тому, что церкви, т.-е. ея іерархіи, членамъ ея духовно-воспитательной организаціи, отнынѣ предоставлялась полная свобода путемъ наставленія и внѣшнихъ дисциплинарныхъ мѣръ обращать новую свою паству въ истинныхъ христіанъ. Опираясь на руку свѣтской власти, церковь могла теперь прививать этимъ крещенымъ язычникамъ новыя формы богопочитанія, новую нравственность и новое общее міросозерцаніе, созданное на космополитической почвѣ Римской имперіи духовными усиліями четырехъ столѣтій. Но эта трудная работа нигдѣ еще не успѣла продвигнуться сколько-нибудь далеко, когда окончательное распаденіе Римской имперіи на рядъ варварскихъ государствъ глубоко «варваризировало» и самую іерархію, на которой лежала указанная задача. Дѣйствительно, имперія, въ лонѣ которой родилось и выросло христіанство, была, какъ намъ извѣстно, по преимуществу страной городовъ. Внѣ городской общины ни грекъ, ни римлянинъ не представляли себѣ возможности культурнаго существованія, и, покоряя отставшіе въ развитіи народы Галліи, Испаніи или Германіи, Римъ «цивилизировалъ» ихъ путемъ «урбанизациі». Онъ не скупясь давалъ права римскаго гражданства свободнымъ людямъ среди новыхъ своихъ подданныхъ, но подъ условіемъ, чтобы они въ самомъ дѣлѣ заслуживали имени «гражданъ», чтобы они, покинувъ жизнь по деревнямъ, сселялись вмѣстѣ въ городскіе центры. Въ этихъ безчисленныхъ городахъ и городкахъ, которые при внутренней безопасности, долго царившей въ предѣлахъ имперіи, успѣли связаться между собою сѣтью дѣловыхъ и умственныхъ сношеній, и бился пульсъ римской культурной жизни. Но если римлянинъ въ сущности признавалъ за человѣка лишь городского обитателя, то совершенно иначе относились къ этому вторгнувшіеся въ имперію германскіе варвары. Городъ сначала интересовалъ ихъ только какъ мѣсто, грабежъ котораго приносилъ послѣ побѣды самую богатую добычу: на города долгое время и направлялась усиленно ихъ разрушительная дѣятельность. Однако и потомъ, при окончательномъ раздѣлѣ римской территоріи, когда уцѣлѣвшіе отъ погрома города оказались въ составѣ новыхъ германскихъ владѣній, завоеватели продолжали глядѣть на нихъ недружелюбно и избѣгали въ нихъ селиться: по выраженію одного современника, они себя чувствовали въ городскихъ стѣнахъ, какъ въ стѣнахъ могильнаго склепа.

Крушеніе стараго правового порядка, отсутствіе въ новыхъ германскихъ государствахъ сколько-нибудь достаточныхъ гарантій личной и имущественной безопасности въ корнѣ подрѣзало при этомъ и прежнюю торгово-промышленную дѣятельность городовъ, такъ что они становятся теперь лишь тѣнью того, чѣмъ были раньше. Въ германскихъ государствахъ отъ римскихъ городовъ сохранились почти что только имена. А вмѣстѣ съ городами исчезло съ лица Западной Европы и развитое денежное хозяйство, и вообще сколько-нибудь далеко проведенное общественное раздѣленіе труда. Основой социальной структуры варварскихъ государствъ въ началѣ среднихъ вѣковъ являются помѣстья, гдѣ населеніе, живущее натуральнымъ хозяйствомъ, оказывается оторваннымъ отъ прочаго міра и прозябаетъ изъ рода въ родъ, стремясь во всемъ довлѣть само себѣ. Изъ этихъ-то медвѣжьихъ угловъ, изъ замковъ полудикихъ бароновъ или изъ жавшихся робко подъ ихъ охрану деревень, ранняя средневѣковая церковь и должна была извлекать хранителей христіанскихъ традицій,—пастырей душъ, которымъ надлежало обращать крещеныхъ язычниковъ въ подлинныхъ христіанъ. И лишнее, мнѣ кажется, настаивать, что при такихъ условіяхъ дѣло это могло идти лишь очень окольными путями.

Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ случай съ извѣстною подробностью развивать эту тему. Здѣсь я напомню вкратцѣ, къ чему сводилось образованіе членовъ римско-католической іерархіи за тѣ пять-шесть столѣтій, которыя въ исторіи обозначаются именемъ «ранняго средневѣковья».

Степень внѣшняго сходства и внутренняго различія между христіанской церковью, восторжествовавшей надъ античнымъ міромъ, и римско-католическою церковью, мирно владычествовавшей среди явившихся ему на смѣну варваровъ, довольно точно опредѣлится для насъ, если мы перенесемъ мыслью въ храмы, гдѣ совершалось христіанское богослуженіе. На первый взглядъ намъ можетъ показаться, будто вѣка не имѣли надъ римской церковью никакой силы: въ IX и X столѣтіяхъ, какъ и въ IV или въ V стекавшіеся въ храмы духовные ея сыны присутствовали при одинаковыхъ обрядахъ, внимали тѣмъ же словамъ Писанія и молитвъ, слушали тѣ же церковныя пѣснопѣнія на томъ же латинскомъ языкѣ. Разница заключалась тутъ въ одномъ, но зато очень существенномъ обстоятельствѣ. Тогда какъ во времена Константина Великаго всякій пришедшій въ храмъ помолиться христіанинъ до слова понималъ все, что тамъ читалось и пѣлось, во времена Карла Великаго почти никто изъ собиравшихся въ храмы «вѣрныхъ» не понималъ ни одного изъ тѣхъ латинскихъ словъ, которыя читалъ и пѣлъ священникъ; да и священникъ самъ по большей части

лишь смутно представлялъ, что собственно кроется за этими мудреными иностранными словами, которыя онъ отъ лица паствы съ такимъ усердіемъ возсылалъ къ Небу. «Молитвы за обѣдней надо хорошо понимать, а кто не можетъ, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ знать ихъ на память и отчетливо выговаривать. Евангеліе и Посланія надо умѣть хорошо читать, и если бы вы могли передавать, по крайней мѣрѣ, ихъ дословный смысл!» вотъ требованія отъ приходскихъ священниковъ, выше которыхъ не дерзали идти въ первую половину среднихъ вѣковъ поборники духовнаго просвѣщенія въ лонѣ католицизма. Къ умѣнью механически читать латинскія литургическія книги, къ умѣнью пѣть да къ знанію пасхалии и святцевъ и сводилось тогда все школьное образованіе рядовыхъ пастырей душъ. *Ut populus, sic sacerdos*: народъ нисколько не стремился понимать свое богослуженіе; безъ пониманія совершалъ передъ нимъ службы и его священникъ.

Само собою разумѣется однако, что если бы средневѣковая римская церковь позволила всѣмъ своимъ служителямъ упасть такъ низко по уровню образованія, то она не смогла бы сохранить даже формальнаго своего сходства съ своею христіанскою предшественницей; она не сберегла бы ни сложной церковной обрядности, ни каноническаго законодательства, ни организаціи особой духовной власти. И, ясно сознавая это, руководители римской церкви всѣми силами боролись за то, чтобы хоть въ собственной средѣ сохранить остатки той школьной образованности, которая въ старыя времена составляла необходимую принадлежность всякаго римскаго гражданина изъ обеспеченныхъ классовъ и атмосферою которой такъ долго дышало христіанство. Такимъ образомъ, спасая себя отъ конечнаго разложенія, римская церковь спасла вмѣстѣ съ собою и хорошо извѣстныя намъ античныя «училища краснорѣчія» или средневѣковому «тривіальныя школы». Ея стараніями въ самыя темныя времена среди новыхъ европейскихъ обществъ не переводились совершенно люди, которые «по римскому завѣту» дѣтство и юность свою проводили надъ изученіемъ древнихъ классиковъ— Гомера въ латинскомъ переводѣ, Вергилія, Горація, Овидія, Персія, Ювенала, Теренція, Лукана,—которыя заглядывали въ учебники риторики, составленные по Квинтилиану, и въ руководства логики, писанныя по Аристотелю. Особенно одаренныхъ юношей церковная школа сажала иногда и за такъ называемый *quadrivium*, т.-е. преподавала имъ начатки ариѳметики, геометріи, астрономіи и теоріи музыки. Но въ новыхъ условіяхъ своей жизни школы, «ведшіяся по старому римскому преданію», конечно, не могли давать тѣхъ же результатовъ, какіе онѣ давали на той почвѣ, гдѣ онѣ выросли.

Довольно здѣсь напомнить, что въ эпоху имперіи училища краснорѣчія были школой родного языка или въ романизованныхъ странахъ школою языка, которымъ воспитанники съ ранняго дѣтства дома учились владѣть, какъ роднымъ; между тѣмъ для юныхъ франковъ и саксовъ, лангобардовъ и бургундовъ, садившихся за азбуку въ какой-нибудь соборной или монастырской школѣ, латинскій языкъ былъ мертвымъ языкомъ, изученіе котораго при грубости тогдашней педагогики для многихъ представляло совершенно непреодолимую трудность. Являясь для германскихъ дѣтей чуждыми по языку, латинскіе классики были для нихъ не менѣе чужды и по содержанию, такъ что о прежнемъ превращеніи школьной литературы въ духовную собственность питомцевъ школы теперь нельзя было и мечтать. Преподаватели «грамматики» теперь считали задачу свою исполненной блестяще, если ученики ихъ долгими годами занятій приобрѣтали, наконецъ, искусство сколько-нибудь сносно владѣть литературной латинской рѣчью. Не тѣмъ была въ средніе вѣка и риторика, чѣмъ была она для Либанія. И въ римскихъ школахъ многіе воспитанники работали надъ ней въ прикладныхъ цѣляхъ, стремясь овладѣть прибыльнымъ знаніемъ тайнъ судебного краснорѣчія. Средніе же вѣка сдѣлали въ этомъ направленіи еще нѣсколько крупныхъ шаговъ впередъ. Примѣняясь къ умственной скудости питомцевъ, сводя запросы къ нимъ до низшаго уровня познаній, безъ которыхъ церкви немыслимо было существовать, ранняя средневѣковая школа въ риторическомъ классѣ не тратила много времени на Квинтиліана, а упражняла юношество главнѣйшимъ образомъ въ такъ называемомъ *dictamen prosaicum*, т.-е. въ искусствѣ составлять письма, грамоты и вообще акты дѣлового характера. Къ технику дѣлового стиля при этомъ присовокуплялась и реальная сторона: дѣти читали сборники законовъ, заучивая важнѣйшія статьи наизусть. Развитію юридическаго мышленія служила преимущественно и третья изъ свободныхъ наукъ — діалектика. Что же касается помянутаго нами *quadriūm*, то будетъ достаточно замѣтить, что ариметика сводилась къ четыремъ дѣйствіямъ надъ цѣлыми числами, что геометрія — тамъ, гдѣ подъ именемъ ея не преподавалась крайне фантастическая географія — заключалась въ чисто практическихъ приѣмахъ вычисленія площади треугольника, четырехугольника и круга и что астрономія уцѣлѣла почти лишь въ томъ объемѣ, который необходимъ для установленія календаря и переходящихъ праздниковъ. Однако даже въ подобномъ болѣе нежели скромномъ объемѣ науки эти считались въ тѣ времена доступными лишь немногимъ избраннымъ. «При одной мысли о наукахъ *quadriūm*'а, — писалъ св. Бонифацій, — у меня отъ страха

спирается дыханіе. Предъ ними всѣ науки *trivium*'а не болѣе, какъ дѣтская забава». Изъ рѣдкихъ вообще тогдашнихъ школъ только ничтожное количество обладало преподавателями столь головоломныхъ дисциплинъ, и кто превосходилъ заразъ всѣ перечисленные *septem artes liberales*, всю эту *septemplex sapientia*, тотъ въ глазахъ современниковъ являлся чудомъ учености.

Но эти «клерикальныя» школы, предназначавшіяся почти исключительно для подготовки будущихъ священно- и церковнослужителей, главнѣйшею своею задачею должны были, конечно, почитать наставленіе своихъ питомцевъ въ истинахъ христіанской вѣры, преподаваніе имъ св. Писанія съ надлежащимъ богословскимъ комментариемъ? Такъ это обычно и утверждается въ общихъ культурно-историческихъ сочиненіяхъ: по ходячему взгляду вся школьная работа въ средніе вѣка имѣла одну конечную цѣль,—уразумѣніе высшей изъ книгъ, Библии. Такое утвержденіе однако, смѣшивая средневѣковую теорію съ дѣйствительностью, представляетъ характеръ тогдашней школы въ глубоко ложномъ свѣтѣ. Всѣ перечисленные нами предметы преподаванія имѣли для римской церкви великую цѣну уже сами по себѣ — какъ бы она могла оставаться римской церковью безъ латинистовъ и безъ юристовъ? — и занятія ими при деревенской дубоватости учащихся, при крайней бѣдности школъ необходимѣйшими пособіями и неумѣлости учителей требовали такого невѣроятнаго количества труда и времени, что о серьезномъ углубленіи въ вопросы христіанскаго богословія для подавляющаго большинства учащихся не поднимала и вопроса. Школы ранняго средневѣковья были безспорно чисто церковными учрежденіями—уже простое умѣнье читать и писать тогда признавалось за *ars clericalis*—но столь же безспорно и то, что грамотей-клирики той эпохи были плохіе богословы, что въ общемъ они послѣ долготѣянаго пребыванія «подъ розгой наставника» все же глядѣли на міръ Божій не глазами великихъ учителей древней церкви, а наивными глазами родной своей деревни. Клирикъ, создавшій въ IX вѣкѣ извѣстную поэму «Спаситель» (*Heliand*), по школьному своему образованію стоялъ далеко выше средняго уровня своихъ собратьевъ: а много ли въ его стихотворномъ пересказѣ евангельской исторіи осталось отъ Евангелія? Христось въ изображеніи его—король, который окруженъ вѣрными ленниками, который имъ даетъ награды, крѣпко стоитъ за нихъ въ бою и т. д., и т. д.

Однако, какъ ни опустился въ началѣ среднихъ вѣковъ культурный уровень римской іерархіи, но она все же смогла остаться іерархіей—она попрежнему продолжала править духовной жизнью

общества. Какъ бы ни малограмотенъ былъ школьникъ, который рукополагался въ священнической санъ, но съ этого момента онъ становился отвѣтственнымъ за вѣчное спасеніе своихъ прихожанъ. Онъ принималъ на себя долгъ бдительно слѣдить за доброю ихъ нравственностью, при чемъ въ главнѣйшую обязанность ему вмѣнялась борьба съ тремя важнѣйшими «каноническими» грѣхами: убійствомъ, блудомъ и идолопоклонствомъ—широкій терминъ, обнимавшій, кромѣ дѣйствительнаго идолопоклонства, и всякіе виды волшебства и суевѣрія.

А суевѣріемъ насыщена была вся атмосфера религіозной жизни ранняго средневѣковья. Его довольно было, какъ мы видѣли, и въ завоеванной варварами имперіи; но сила его господства въ христіанскомъ мірѣ стала совсѣмъ иною, когда быстрая перемѣна религіи сразу превратила въ суевѣріе все то, что такъ долго было для германцевъ ихъ истинной вѣрой. «Язычество, какъ религія, исчезло, но, низведенное на степень суевѣрія, оно продолжало существовать. Народъ отрекся отъ старыхъ своихъ боговъ, но не утратилъ вѣру въ ихъ власть и силу. Церковь учила проклинать ихъ. Но народъ не забывалъ про ихъ могущество: въ Мерзебургскихъ Заклинаніяхъ поминаются другъ за другомъ Бальдеръ и Вотанъ, Зингунтъ и Зунна, Фрея и Волла: теперь, положимъ, ихъ чурались, но это не мѣшало ихъ бояться ¹⁾. Мало того, мы наблюдаемъ въ эту пору введенныя церковью церемоніи, гдѣ боги языческіе предавались поруганію. Не служить ли это признакомъ того, что извѣстныя симпатіи къ низверженнымъ властителямъ міра все еще продолжали жить въ народѣ? Вѣра въ силу языческихъ боговъ слилась затѣмъ съ церковнымъ ученіемъ о сатанѣ и дэмонахъ и въ этомъ получила для себя самую крѣпкую опору. Тогда какъ латинская церковь требовала, чтобы принимающіе крещеніе отрекались отъ дьявола, во франкской церкви это замѣнялось вопросомъ: «Отрекаешься ли ты отъ лихихъ духовъ (den Unholden)»—отъ всѣхъ вражескихъ силъ, будь то демоны или боги. Дьяволъ, передъ которымъ трепеталъ народъ, теперь теряетъ всякое сходство съ библейскимъ искушителемъ: онъ превращается въ чисто мифологическую фигуру...

«На ряду съ языческими представленіями и можетъ быть даже еще болѣе цѣпко, нежели они, держались и языческіе обычаи. Повседневная жизнь была опутана густой ихъ сѣтью. Вѣра въ рокъ вела къ вѣрѣ въ примѣты: о нихъ спрашивали гадателей, но каждый и самъ толковалъ различныя случайности, какъ знаме-

¹⁾ Merseburger Zaubersprüche—памятникъ, сохранившійся въ записи X вѣка.

нія. Въ родствѣ съ этимъ стояло дѣленіе дней на счастливые и несчастные: особую важность при этомъ придавали фазамъ луны. Изъ страха передъ темными силами родился страхъ передъ волшебствомъ, по волѣ направляющимъ дѣйствіе этихъ силъ къ опредѣленной цѣли. Какъ на Божьемъ Судѣ читались особыя молитвы и заклія, чтобы предотвратить возможное перекрестное вліяніе волшебства, такъ точно волшебства опасались на каждомъ шагу и въ обыденной жизни. Ему приписывались всѣ бѣды, которыя случались съ человѣкомъ или его добромъ, съ его скотиной и полями. Съ видимой непослѣдовательностью, но совершенно понятнымъ образомъ, люди, проклиная колдуновъ, стремились въ то же время такимъ же волшебствомъ предохранять себя отъ волшебства. Человѣкъ охранялъ свою жизнь, навѣшивая на себя амулеты; онъ оберегалъ свои нивы, ставя на нихъ шести съ привязанными лоскутами бумаги; колокола получали крещеніе, чтобы звонъ ихъ могъ предотвращать градъ, и противъ засухи примѣнялось одно совсѣмъ уже удивительное средство. Слово и пѣсня, травы и камни, священнѣйшіе и омерзительнѣйшіе предметы—все шло въ дѣло, чтобы околдовать окружающихъ. Особенно болѣзнь и смерть побуждали испытывать силу волшебства. Цѣлебныя травы собирались съ напощиваніями. Чтобы вылѣчить больного ребенка, мать клала его на очагъ или на крышу, а отецъ проползалъ черезъ вырытый въ землѣ ходъ, который онъ потомъ затыкалъ терновникомъ. Домъ, гдѣ лежалъ покойникъ, охраняли, сжигая хлѣбныя зерна. И надъ самимъ покойникомъ окружавшіе пѣли заклинанія; дикими шутками стремились они разогнать страхъ передъ смертью» (А. Науск, Kirchengeschichte Deutschlands, II, 756—61).

Само собою разумѣется, что въ подобной атмосферѣ цвѣли пышнымъ цвѣтомъ и профессиональныя занятія волшебствомъ. Извѣстный лонскій епископъ Агобардъ (IX вѣкъ) рассказываетъ намъ, что въ его епархіи «отведеніе бурь» составляло правильный и весьма доходный промыселъ, а съѣхавшіеся въ 829-мъ году на Вормскій Соборъ прелаты такъ говорили императору Людовику Благочестивому про распространенность колдовства въ его имперіи:

„Къ великому нашему прискорбію должны мы сообщить Вамъ, что въ Вашей странѣ отъ временъ язычества все еще остается множество опасныхъ лиходѣевъ, занимающихся волшебствомъ, ворожбой, метаньемъ жеребьевъ, варкою зелей, снотолкованіемъ и т. п., каковыхъ божескій законъ предписываетъ наказывать нещадно. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые лица обоего пола съ помощью нечистой силы любовными напитками и яствами лишаютъ другихъ разсудка. Эти люди своимъ колдовствомъ наводятъ далѣе бури и градъ, предсказываютъ будущее, перетягиваютъ отъ однихъ къ другимъ зерно съ поля, вынимаютъ молоко у коровъ и вообще совершаютъ безчисленное множество подобнаго рода преступленій. Подобные лиходѣи тѣмъ строже должны наказываться государемъ, чѣмъ дерзновеннѣе они осмѣливаются такимъ путемъ служить дьяволу“.

Все это церковь желала съ корнемъ вырвать изъ среды ввѣреннаго ея духовнымъ попеченіямъ общества и, надо ей отдать справедливость, она дѣйствительно потратила на борьбу противъ суевѣрія не мало добросовѣстныхъ усилій. Она преслѣдовала виновныхъ и на своемъ *forum externum*, т.-е. передъ епископскимъ судомъ, и на своемъ *forum internum*, т.-е. въ исповѣдальнѣ: она вмѣняла, какъ мы уже замѣтили, обличеніе «идолопоклонства» въ одну изъ первыхъ обязанностей своимъ пастырямъ душъ. Она стремилась сдѣлать своей сотрудницей и свѣтскую власть. Духовенство склоняло государей покинуть старую германскую точку зрѣнія, съ которой колдовство являлось преступнымъ лишь въ мѣру реально причиненнаго имъ вреда, и усвоить законоположенія позднѣйшаго римскаго права, гдѣ всякое колдовство, хотя бы благодѣтельное, считалось подлежащимъ наказанію, какъ грѣхъ противъ религіи. Но послѣ нашихъ предварительныхъ замѣчаній, мнѣ кажется, излишне будетъ доказывать, что эта борьба католической церкви съ суевѣріемъ была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ въ наше время представляется подобная культурная задача. Для насъ главнѣйшій смыслъ такой борьбы заключается въ распространеніи среди общества известной доли здраваго скептицизма, и слово «суевѣріе» давно стало для насъ синонимомъ вздорныхъ бредней. Совсѣмъ иначе понимала свой терминъ *superstitio* средневѣковая церковь. Для нея «суевѣріе» представляло собой не пустую вѣру, а только запрещенную вѣру, преступное обращеніе къ нездѣшнимъ силамъ съ нарушеніемъ преданности, которою христіанинъ обязанъ Богу. Что же касается реальной возможности колдовскихъ дѣяній, то въ общемъ пастыри въ ней такъ же мало сомнѣвались, какъ ихъ паства. Да и откуда было католической іерархіи ранняго средневѣковья черпать иные взгляды по этому предмету? «Поэты», которыхъ ея служители въ годы юности заучивали въ школѣ, снискивая необходимую для латиниста *coriam verborum*, служили только источникомъ прибавочной смуты въ ихъ умахъ, такъ какъ сказанія о древнихъ богахъ и герояхъ эти дѣти деревни понимали вполнѣ буквально. Какъ отражалась въ ихъ сознаніи хотя бы Энеида, намъ ясно изъ того, что школа въ концѣ-концовъ самого ея автора провозгласила величайшимъ изъ древнихъ маговъ. Въ отрывкахъ изъ св. Писанія, съ которыми школьники знакомились при изученіи церковнаго обихода, ихъ воспріимчивое воображеніе тоже главнымъ образомъ останавливалось на рассказахъ о библейскихъ чудесахъ. Чудесно-фантастическимъ элементомъ насквозь пропитанъ былъ и тотъ родъ христіанской литературы, который пользовался однимъ сколько-нибудь значительнымъ успѣхомъ среди немногочислен-

ныхъ клириковъ, не покидавшихъ и послѣ школы привычки заниматься чтеніемъ—я разумѣю Житія святыхъ восточнаго и западнаго происхожденія съ знаменитымъ Житіемъ Антонія Великаго во главѣ. И, наконецъ, немногіе избранники, которые путемъ самостоятельнаго труда доходили до знакомства съ истиннымъ христіанскимъ богословіемъ, при наличности въ немъ извѣстнаго намъ ученія о демонахъ, тоже не видѣли себя вынужденными порывать связь съ первобытнымъ анимистическимъ міросозерцаніемъ. Умственный обликъ тогдашней католической іерархіи сразу встанетъ у насъ передъ глазами, если мы вспомнимъ, что она сочла возможнымъ передать представителямъ церкви руководство Божьими Судами, что съ ея разрѣшенія клирики святости тамъ кипятюкъ, куда обвиняемый долженъ былъ опустить руку, съ ея разрѣшенія давали обвиняемому ѣсть корки хлѣба съ написанными на нихъ словами молитвы Господней и т. д. А что клирики дѣлали изъ церковной обрядности самовольно, то часто переступало уже всякія границы, превращаясь съ христіанской точки зрѣнія въ подлинное кощунство. Во многихъ случаяхъ борьба подобныхъ клириковъ противъ колдуновъ, по давно сдѣланному замѣчанію, являлась не болѣе, какъ борьбой двухъ магій. Но, даже оставляя въ сторонѣ эту повседневную церковную дѣйствительность, считаясь лишь съ намѣреніями верховныхъ руководителей римской церкви, поскольку они выразились въ церковномъ законодательствѣ, мы все же должны будемъ согласиться, что въ данномъ случаѣ іерархія оказывалась на той же интеллектуальной почвѣ, какъ и паства. Такимъ образомъ въ своей борьбѣ противъ народныхъ суевѣрій она имѣла въ распоряженіи одно лишь средство—угрозы и репрессію; а средство это по свидѣтельству многовѣковаго опыта является въ сферѣ духовной жизни орудіемъ крайне ненадежнымъ, и насъ поэтому не можетъ удивлять, что вопреки всѣмъ громамъ церкви на протяженіи столѣтій всѣ тѣ же первобытныя суевѣрія жили въ народной массѣ, почти не ослабѣвая. Еще одинъ писатель одиннадцатаго вѣка сдѣлалъ характерное замѣчаніе, что суевѣріе въ народѣ передается отъ отца къ сыну, какъ бы законная составная часть родительскаго наслѣдства.

Можно сказать даже больше. Можно съ основаніемъ утверждать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта борьба ранней средневѣковой церкви противъ народнаго суевѣрія только способствовала росту зла, которое церковныя власти стремились искоренить. Не развивая этой темы во всѣхъ подробностяхъ, мы здѣсь отмѣтимъ лишь вліяніе, производившееся той же католической исповѣдальней. Извѣстенъ порядокъ совершенія исповѣди, который возобладалъ въ средневѣковой католической церкви благодаря религіозной не-

состоятельности какъ паствы, такъ и множества пастырей. Отсутствіе у католическихъ священниковъ сколько-нибудь достаточной подготовки для своего званія привело римскую церковь къ тому, что она всѣхъ ихъ вооружила, наконецъ, такъ называемыми Poenitentialia—исповѣдальными книгами, которыя для различныхъ областей составлены были въ различное время наиболѣе опытными мѣстными канонистами. Тутъ содержались подробные перечни грѣховъ и указывалась каноническая мѣра наказанія за нихъ. Въ эти исповѣдальныя книги вписаны были и тѣ безчисленныя суевѣрія, которыми страдало тогдашнее общество во всѣхъ его слояхъ: онѣ и служатъ намъ главнымъ источникомъ знакомства съ этой стороной духовной жизни ранняго средневѣковья. Лучшіе люди церкви сами видѣли, правда, опасность, крившуюся въ введеніи такого рода Poenitentialia и предостерегали отъ нея духовниковъ: они совѣтовали не всѣхъ исповѣдниковъ спрашивать обо всемъ, такъ какъ иначе исповѣдь сама можетъ явиться источникомъ соблазна. Но если и въ другихъ случаяхъ духовники—насколько можно объ этомъ теперь судить—плохо повидимому считались съ подобными предостереженіями, то въ грѣхѣ суевѣрія имъ было всего труднѣе ограничиваться собственными признаніями кающихся, такъ какъ невѣжественная масса творила множество суевѣрныхъ дѣяній, даже не подозрѣвая, что она этимъ подвергаетъ душу свою опасности погибнуть. Въ мелкихъ подробностяхъ поэтому дознавался духовникъ у исповѣдника, не дѣлалъ ли онъ того-то и того-то, не прибѣгалъ ли онъ для исполненія своихъ желаній къ такимъ-то и такимъ волшебнымъ средствамъ, при чемъ вопросы его звучали полною вѣрою въ то, что эти преступныя пути дѣйствительно для всякаго открыты. И такимъ образомъ мѣстныя суевѣрія, мѣстные приемы волшебства мало-по-малу становились извѣстны цѣлымъ широкимъ областямъ, гдѣ введено было то или другое Poenitentialia. Не одинъ человѣкъ уходилъ изъ исповѣдальни съ головою, полной неслыханныхъ прежде вещей, и съ искушеніемъ въ случаѣ бѣды попробовать неизвѣстныя ему раньше волшебныя средства, сила которыхъ косвенно свидѣтельствовалась самой же церковью. Конечно, въ той же исповѣдальнѣ человѣкъ слышалъ и про кары, грозящія за подобные проступки противъ вѣры, равно какъ и про то, что всѣ эти грѣхи дѣлаютъ душу достояніемъ ада. Но какъ недостаточно были подобныя угрозы, чтобы удерживать людей, отъ искушенія пробовать силу волшебства на дѣлѣ, тому живымъ примѣромъ служатъ сами же клирики, которымъ поручено было искоренять эти изобрѣтенныя бѣсами магическія искусства: къ великому отчаянію церкви и соблазну вѣрныхъ въ ихъ собственной средѣ

постоянно встрѣчалось не мало лицъ, которыя для цѣлей волшебства упорно профанировали ввѣрившіеся имъ священные предметы, какъ муро, гостію или богослужебныя книги, которыя крестили назначенныя для изведенія враговъ восковыя куклы и т. п. Что же касается постояннаго запугиванія сатаной, какъ средства религіознаго воспитанія народа, то ясно, что въ этой области духовной жизни оно могло вести лишь къ самымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Всякая сила вызываетъ передъ собою преклоненіе, а средневѣковый католицизмъ мало-по-малу сдѣлалъ изъ образа сатаны такую силу, которой въ концѣ-концовъ стала страшиться даже сама создавшая его римская церковь.

Но какъ ни суевѣрны были правящіе церковные круги въ первую, темную половину среднихъ вѣковъ, однако суевѣрію ихъ тоже находились свои предѣлы. По общему своему духовному развитію они стояли все же выше окружавшей ихъ среды, и нѣкоторыя изъ вѣрованій опекаемаго ими народа даже для нихъ оказывались черезчуръ наивны. При этомъ для насъ особенно знаменательнымъ является тотъ фактъ, что къ разряду подобныхъ «языческихъ нелѣпостей» церковное законодательство данной эпохи безъ колебаній относило между прочимъ и вѣру въ «стригъ», въ этихъ летающихъ по ночамъ женщинъ,—образъ, съ которымъ мы встрѣчались уже въ римскую эпоху и который еще въ гораздо болѣе сильной степени тревожилъ фантазію ранняго средневѣковья.

Намъ нѣтъ здѣсь надобности вдаваться въ подробное разсмотрѣніе вопроса, подавшаго въ свое время поводъ къ оживленной полемикѣ Зольдана ¹⁾ противъ Якова Гримма, были ли эти «стриги», поминающіяся въ законодательныхъ памятникахъ съ VII вѣка, самостоятельнымъ произведеніемъ германской фантазіи, или онѣ достались среднимъ вѣкамъ по наслѣдству отъ античной древности, черезъ посредство духовенства, ввѣрившаго всѣмъ сказкамъ латинской школьной литературы. Замѣтимъ только мимоходомъ, что новѣйшіе изслѣдователи рѣшительно склоняются на сторону перваго мнѣнія—мнѣнія Гримма. Имѣя свой глубокій корень въ такомъ распространенномъ психическомъ феноменѣ, какъ грезы о полетѣ во время сна, представленіе о летающихъ по ночамъ людяхъ въ различныхъ видахъ встрѣчается у всѣхъ народовъ и, несомнѣнно, существовало у германцевъ уже тогда, когда до слуха ихъ не доходило еще ни слова изъ сходныхъ греко-римскихъ повѣрій. Если же средневѣковыя стриги являются намъ съ латинскимъ именемъ и вообще съ антич-

¹⁾ Soldan's Geschichte der Hexenprozesse до послѣдняго времени являлась капитальнѣйшимъ трудомъ по нашему предмету, да и теперь не утратила еще значенія.

ною окраской, если ихъ предводительницей церковные памятники называютъ, напримѣръ, римскую богиню луны Діану, то само по себѣ это ничему еще не служить доказательствомъ. Извѣстно, что церковные люди въ средніе вѣка упорно занимались переводомъ туземныхъ вѣрованій на языкъ школьной греко-римской мифологіи и съ важностью ученыхъ разъясняли потомъ народу, что его Вотанъ не что иное, какъ тотъ же давно проклятый церковью демонъ Юпитеръ и т. п. Конечно, духовное просвѣщеніе германцевъ выигрывало немного отъ подобнаго знакомства съ преданіями о латинскихъ и греческихъ богахъ. Но несомнѣннымъ представляется и то, что латинская оболочка многихъ средневѣковыхъ суевѣрій, какъ они записаны въ памятникахъ литературы, совсѣмъ еще не даетъ намъ права утверждать, будто бы безъ латинской церкви средневѣковая фантазія должна была остаться отъ нихъ свободной. По поводу происхожденія вѣры въ стригъ Зольданъ находить возможнымъ говорить о зараженіи молодыхъ германскихъ обществъ тѣмъ ядомъ суевѣрія, который выработался въ разлагавшемся организмѣ Римской имперіи. Нѣтъ спора: ядъ этотъ оказалъ глубоко тлетворное вліяніе на новую европейскую цивилизацію. Но пагубное его дѣйствіе со всею силой сказалось позже, когда молодыя европейскія общества стали успѣшно создавать себѣ самостоятельную культуру. Что же касается элементарныхъ, первобытныхъ суевѣрій, то съ этой стороны германцамъ врядъ ли могло причинить много вреда столкновеніе съ побѣжденнымъ Римомъ: богато одаренные фантазіей, они уже съ своей далекой родины принесли неисчерпаемые ихъ запасы.

Во всякомъ случаѣ мы твердо знаемъ, что вѣра въ стригъ съ различными ихъ разновидностями царилъ въ раннее средневѣковье среди народа совсѣмъ съ иною силой, чѣмъ во времена Римской имперіи. Какъ мы про это говорили, въ античномъ обществѣ стригами занимались больше поэты, юристы же не находили для себя повода ими интересоваться. Напротивъ, въ средніе вѣка съ вѣрою въ стригъ серьезно приходилось считаться и свѣтскому и церковному законодательству.

Первое средневѣковое упоминаніе о стригахъ мы находимъ въ Салической Правдѣ, гдѣ говорится, что если кто обзоветъ свободнорожденную женщину стригой (*stria*) или если кто обзоветъ мужчину *striorogius* (такъ называютъ, поясняетъ текстъ закона, того, кто якобы носить стригамъ котель, гдѣ онѣ варятъ свое варево) то это должно наказываться, какъ самое тяжкое оскорбленіе. Другое раннее упоминаніе о стригахъ встрѣчаемъ мы въ одномъ указѣ лангобардскаго короля Ротара отъ 643 года.

Указъ внушаетъ подданнымъ, что христіане не должны вѣрять, будто есть женщины, которыя выѣдаютъ у живыхъ людей внутренности, ибо это совершенно несбыточное дѣло, и что поэтому никто, паче же всего судъ, не долженъ предавать подобныхъ мнимыхъ стригъ смертной казни. На что способна была толкать народъ такая вѣра въ стригъ-людоедокъ, показываетъ намъ первый изъ Карловыхъ Саксонскихъ капитуляріевъ (около 787 года). «Если кто,—пишетъ Карлъ своимъ новообращеннымъ подданнымъ,—если кто, ослѣпленный дьяволомъ, по старому языческому повѣрью сочтетъ какого-нибудь мужчину или женщину за пожирающую людей стригу и въ такой вѣрѣ спалитъ ихъ, дастъ ихъ ѣсть другимъ или самъ будетъ ѣсть ихъ, то такого человѣка должно казнить смертью». Противъ того же повѣрья грозно вооружается далѣе одинъ ирландскій синодъ начала IX вѣка. «Христіанинъ, который вѣруеть въ дѣйствительное существованіе ламій или иначе стригъ и распускаетъ про людей подобную молву, подлежитъ анаѣемѣ». На ряду съ стригой-людоедкой, какъ можно заключать по нѣкоторымъ не очень, впрочемъ, яснымъ церковнымъ памятникамъ, гдѣ стриги причисляются къ блудницамъ, средніе вѣка знали и Апулееву стригу, летающую по ночамъ не на каннибальскія оргіи, а на любовныя похождения. Но, сверхъ того, народная фантазія крѣпко была заполонена и другими схожими образами, о которыхъ даютъ намъ очень любопытныя свѣдѣнія два крупныхъ памятника церковнаго законодательства изъ X и XI столѣтій— «Двѣ книги о церковной дисциплинѣ», составленныя аббатомъ Регино изъ Прюма около 906 года, и «Двадцать двѣ книги постановленій», изданныя около 1020 года однимъ изъ самыхъ видныхъ церковныхъ дѣятелей того вѣка, вормскимъ епископомъ Буркардомъ.

Въ первомъ изъ этихъ памятниковъ среди другихъ статей, заимствованныхъ изъ разновременно обнародовавшихся законовъ противъ «суевѣрія», находится и знаменитый Canon Episcopi, которому впоследствии суждено было играть такую роль въ «вѣдовской» литературѣ по вопросу о реальномъ существованіи вѣдовской секты ¹⁾. Канонъ этотъ носитъ надписаніе: «О женщинахъ, кои рассказываютъ, будто онѣ ночью порой скачутъ съ демонами», и гласитъ такъ:

„Епископы и священники должны искоренить изъ своихъ приходоувъ изобрѣтенное дьяволомъ пагубное искусство гаданья и волшебства: кто изъ мужчинъ или женщинъ окажется виновнымъ въ подобныхъ преступленіяхъ, того они дол-

¹⁾ Canon Episcopi, т.-е. канонъ „Епископы“ — обычное обозначеніе каноноувъ по первому ихъ слову.

жны, всячески опозоривъ, выгоняя вонъ изъ своего прихода... Не должно также оставлять безъ вниманія и того, что нѣкоторыя преступныя женщины, совратившіяся вслѣдъ сатаны (1 Тимое., 5, 15), становясь жертвами демонскаго моченья, вѣрятъ и утверждаютъ, будто онѣ ночью порой скачутъ на разныхъ звѣряхъ съ Діаной, языческой богиней, и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ женщинъ и будто онѣ проносятся такимъ образомъ въ ночномъ безмолвіи черезъ необозримыя пространства, повинуваясь во всемъ велѣніямъ богини и являясь на службу по ея вызову въ назначенныя ночи. И пусть бы онѣ однѣ пропадали въ своемъ невѣрїи, а то онѣ увлекаютъ на путь гибели и другихъ. Ибо безчисленное множество, вводимое въ соблазнъ такою ложью, вѣрять, что это правда, и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняется отъ истинной вѣры и возвращается къ языческимъ заблужденіямъ, допуская, что есть какія-то божественныя существа въ мірѣ, кромѣ Единого Бога. А потому священники въ порученныхъ имъ церквахъ со всякимъ тщаніемъ должны проповѣдывать народу, что это сущая ложь и что подобныя видѣнія вселяются въ душу маловѣрныхъ силою не божественнаго, а злого духа... Съ кѣмъ же, конечно, не бываетъ, что въ ночныхъ грезахъ онъ будто покидаетъ самого себя, и кто во онѣ не видывалъ того, чего не приходилось никогда видѣть на яву. Но кто же можетъ быть столь глупъ и тупоумень, чтобы все подобное, что происходитъ съ духомъ, относить и къ тѣлесному существованію... Итакъ, необходимо всѣмъ громогласно объявлять, что тотъ, кто вѣрять чему-нибудь подобному, является отступникомъ отъ вѣры; а кто не имѣетъ правой вѣры въ Бога, тотъ ужъ не чадо Божіе, а чадо того, въ кого онъ вѣрять, сирѣчь діавола“.

Еще подробнѣе знакомятъ насъ съ разными видами вѣры въ стригъ Буркардовы «Постановленія». Уже текстъ канона «Епископы», который вмѣстѣ со всѣмъ сборникомъ Регино былъ принятъ Буркардомъ въ 10-ю книгу его компилятивнаго труда, содержитъ любопытную прибавку. Согласно ей царицей стригъ въ иныхъ мѣстахъ считалась не Діана, а Иродіада—эта средневѣковая Иродіада (Саломея), женскій двойникъ Вѣчнаго Жида, осужденная за смерть Іоанна Крестителя вѣчно скитаться. Но, сверхъ 10-й книги, въ «Постановленіяхъ» стригами занимается и 19-я книга, куда Буркардъ помѣстилъ одно изъ руководствъ къ совершенію исповѣди, которому неизвѣстный его авторъ придавалъ заглавіе *Corrector*. Изъ этого *Corrector* мы прежде всего узнаемъ, что поминаемыхъ въ *Canon Episcopi* женщинъ, скакавшихъ по ночамъ съ демонами, «народная глупость именовала *striga holda*». Будетъ ли это *striga holda* означать просто «добрая стрига», или это будетъ отзвукомъ того, что предводительницей подобныхъ стригъ въ Германіи считалась первоначально богиня *Holda*, потомъ лишь вытѣсненная Діаной, во всякомъ случаѣ отсюда ясно, что самъ народъ не придавалъ подобной скачкѣ на звѣряхъ какого-нибудь пагубнаго характера; *Holda* являлась для германцевъ милостивою богиней. Согласно этому и нашъ *Corrector* за подобный видъ вѣры въ стригъ налагаетъ сравнительно легкую, лишь годовую эпитемію. Гораздо строже онъ относится къ другимъ двумъ видамъ схожаго суевѣрія, которые въ немъ описываются слѣдующимъ образомъ:

„Не вѣрила ли ты тому, что многія совратившіяся велѣдъ сатаны женщины выдаютъ за истину, будто въ безмолвной тишинѣ ночи, упокоившись въ по-

стели съ супругомъ на лонѣ твоемъ, ты способна, оставаясь тѣлесною, выйти черезъ запертыя двери и пронестись съ другими жертвами того же заблужденія черезъ необозримыя пространства, при чемъ вы, якобы, можете безъ видимаго оружія умерщвлять крещеныхъ и искупленныхъ кровью Спасителя людей, поѣдать ихъ, сваривъ ихъ мясо, затѣмъ положивъ вмѣсто сердца тряпку или кусокъ дерева или другое что-нибудь въ такомъ родѣ, съѣденныхъ снова оживлять и пускать въ жизнь. Если вѣрила, то должна каяться на хлѣбѣ и на водѣ 40 дней, т.-е. великій постъ съ семью послѣдующими годами“.

„Не вѣрила ли ты тому, во что инныя женщины нерѣдко вѣрятъ, будто ты съ другими дьявольскими сосудами тоже въ безмолвной тишинѣ ночи чрезъ запертыя двери можешь улетать въ воздухъ подъ облака и тамъ биться съ другими, нанося имъ и получая отъ нихъ раны? Если вѣрила, то должна каяться три года по обычнымъ днямъ“.

Итакъ, мы видимъ, что грезы о ночныхъ полетахъ, смѣшеніе которыхъ съ дѣйствительностью такъ строго осуждала церковь, носили очень пестрый характеръ и не сводились къ одному бреду людоедствомъ. Какъ то и нынѣ наблюдается у первобытныхъ народовъ, дѣтски наивная фантазія не знала вообще тогда рѣзкой границы между міромъ духовъ и міромъ живыхъ людей, и яркія сновидѣнія на почвѣ того или другого повѣрья постоянно дѣлали многихъ участниками въ приключеніяхъ обитателей воздушныхъ сферъ. Такъ, битвы стригъ подъ облаками врядъ ли случайно имѣютъ столь близкое сходство съ распространеннѣйшимъ въ Германіи повѣрьемъ о воздушномъ войскѣ Дикаго Охотника. Что же касается полетовъ «добрыхъ стригъ», то сравнительная міеологія сближаетъ ихъ съ полетами тѣхъ добрыхъ фей, для которыхъ западно-европейская деревня вопреки всѣмъ протестамъ церкви до глубины среднихъ вѣковъ упорно накрывала въ Рождественскія ночи на улицѣ такъ называемыя *tabulae fortunae*, чтобы эти ночныя гости за угощеніе приносили благополучіе въ домъ ласковаго хозяина. «Дамою Изобилія» (*Dame Nabonde*) прямо называется во французскихъ памятникахъ такая же царица стригъ, какъ та, что у Регино именуется Діаной, и характерной примѣтой сопровождающихъ ее *bonnes femmes* повѣрье дѣлаетъ ихъ склонность, забравшись въ чужую кухню, хозяйничать тамъ, словно у себя дома. Только церковная полемика, систематически отбрасывавшая все языческое въ область демоническаго, мало-по-малу придала всѣмъ этимъ разнообразнымъ повѣрьямъ однообразную сатанинскую окраску — пока наконецъ дѣло не пришло къ тому, что склонность къ ночному угощенію себя чужимъ виномъ для самой церкви стала представляться одной изъ главныхъ примѣтъ «вѣдьмы».

Но насъ отъ этого отдѣляютъ еще вѣка. Въ темномъ XI столѣтіи римская церковь, нѣсколько путаясь въ логикѣ, но въ общемъ совершенно вразумительно сама внушала народу, что сатанинскими добрыя христіане должны считать не воздушныя похиженія живыхъ людей, а вѣру, будто подобныя похиженія въ

дѣйствительности возможны ¹⁾. И этотъ взглядъ не былъ, подобно нѣкоторымъ инымъ изъ раннихъ проявленій средневѣковаго раціонализма, лишь достояніемъ отдѣльныхъ исключительныхъ умовъ среди тогдашнихъ церковныхъ дѣятелей. 10-я книга Буркардовыхъ «Постановленій», куда внесень былъ Canon Episcopi, осуждавшій вѣру въ полеты съ Діаной или Иродіадой, была принята Граціаномъ въ составъ его извѣстнаго Декрета и вмѣстѣ съ тѣмъ получила обязательную силу для всѣхъ вѣрныхъ католиковъ.

Здѣсь мы должны однако сдѣлать одну довольно важную оговорку. Въ эпоху Каролинговъ церковные соборы проклинали тѣхъ, кто распускаетъ слухи, будто стриги въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Въ эпоху Коперника и Кеплера та же церковь склонна была всякаго человѣка, сомнѣвавшагося въ существованіи стригъ, самаго заподозрѣвать въ принадлежности къ ихъ числу. Такая противоположность, конечно, поразительна, но ею не слѣдуетъ увлекаться, какъ увлекались многіе историки нашего вопроса, которыхъ она побуждала сильно преувеличивать степень просвѣщенности церковныхъ и свѣтскихъ правителей въ концѣ перваго и въ началѣ второго тысячелѣтія по Р. Х., что спутывало въ этихъ трудахъ и общую историческую перспективу. Источникъ ихъ ошибки, какъ это ясно показалъ намъ Гансенъ, заключался при этомъ въ слѣдующемъ. Одно и то же слово «стрига» въ VII—XII и въ XV—XVII вѣкахъ связано было съ существенно различными образами. Для эпохи, когда свирѣпствовали процессы вѣдьмъ, всякая стрига являлась непременно злой колдуньей: согласно этому «вѣдьма» въ тогдашнемъ церковно-юридическомъ языкѣ совершенно безразлично обозначалась то словомъ *striga*, то словомъ *malefica*. Женщины, летавшія по ночамъ, и напускали главнымъ образомъ, по мнѣнію столь компетентныхъ судей, какъ авторы Молота Вѣдьмъ, и бури съ градомъ, и болѣзни, и разныя другія пагубы, которыя намъ уже приходилось перечислять. Напротивъ, въ занимающую насъ сейчасъ эпоху два эти представленія — о колдовствѣ и о ночныхъ полетахъ — жили еще совсѣмъ раздѣльно, какъ это явствуетъ изъ памятниковъ права, гдѣ вопросъ о стригахъ соединяется еще иногда съ вопросомъ о наказаніи блудницъ, но никогда не смѣшивается съ вопросомъ о мѣрахъ противъ колдовства. Между тѣмъ привычка, образовавшаяся на изученіи позднѣйшей «вѣдовской» литературы, неизмѣнно заставляла историковъ и въ памятникахъ болѣе ранняго времени соединять со словомъ «стрига»

¹⁾ Внимательно прочтя приведенныя выше выдержки изъ Соггестог, каждый, конечно, самъ замѣтитъ допущенную тамъ нелогичность въ формулировкѣ вопросовъ.

полный образъ вѣдьмы, благодаря чему общій смыслъ разбираемыхъ нами сейчасъ указовъ противъ вѣры въ стригъ и получалъ у нихъ не совсѣмъ правильное толкованіе. Такъ, Зольданъ на основаніи приведеннаго нами выше Саксонскаго капитулярія 787-го года, гдѣ Карлъ Великій повелѣвалъ карать не стригъ, пожиравшихъ людей, а людей, пожиравшихъ стригъ, приходитъ къ выводу, что уже въ Карлову эпоху «германскій духъ готовъ былъ навсегда порвать съ самою вѣрою въ волшебство», ибо «тутъ смерть грозитъ не волшебству, а вѣрѣ въ оное». На дѣлѣ же капитулярій Карла несколько не касался вопроса о реальности дѣяній, приписывавшихся настоящимъ колдунамъ, и всѣ другія данныя показываютъ, что въ VIII вѣкѣ германскій духъ былъ еще очень далекъ отъ разрыва съ вѣрою въ ихъ возможность. Припомнимъ хотя бы приведенное нами выше обращеніе германскихъ епископовъ къ Карлову сыну, Людовику Благочестивому: въ немъ совершенно еще не слышно голоса скептицизма. Немного скептицизма отыщешь и въ трудахъ такихъ корифеевъ тогдашней теоретической мысли, какъ Рабанъ Мавръ или Гинкмаръ Реймскій.

Правда, отдѣльныя личности съ свѣтлой головой и крѣпкимъ характеромъ, пополняя великіе недочеты теоретическаго своего образованія въ школѣ практической жизненной дѣятельности, довольно рано стали доходить до относительнаго свободомыслія въ вопросѣ о возможныхъ границахъ волшебства. Такъ, ранѣе помянутый уже нами ліонскій епископъ Агобардъ, рассказавъ, что въ его епархіи «почти всѣ жители, знатные и незнатные, горожане и мужики, молодые и старые, увѣрены, будто градъ и громъ могутъ быть накликаемы людьми», раздражается противъ подобной мысли великимъ негодованіемъ. «Несчастный міръ подавленъ нынѣ такою глупостью, что христіане вѣрятъ нелѣпнѣйшимъ вещамъ, въ какія раньше ни за что бы не повѣрили язычники, не вѣдавшіе Творца вселенной». Такъ, Регино въ помянутомъ нами сборникѣ на ряду съ вѣрою въ стригъ столь же строго осуждаетъ и вѣру въ оборотней. «Отъ истинной вѣры отпадаютъ и тѣ, кто полагаетъ, будто какая-нибудь иная сила, кромѣ Божіей, способна обратить живое существо изъ одного вида въ другой высшаго или низшаго порядка». Такъ, Буркардъ, осуждая вмѣстѣ съ Агобардомъ вѣру въ «наведеніе бурь» и вмѣстѣ съ Регино вѣру въ оборотней, присовокупляетъ еще къ тому же разряду недостойныхъ христіанина бредней вѣру въ дѣвушекъ-эльфовъ, увлекающихъ мужчинъ въ свои объятія, и даже вѣру въ то, будто кто-либо можетъ силою чаръ господствовать надъ человѣческой душой, обращая любовь въ ненависть и ненависть въ любовь. Но, помимо того, что въ другихъ случаяхъ тотъ же Регино и тотъ же Буркардъ, какъ

явствуетъ изъ собственныхъ ихъ постановленій, сами вѣрили въ реальную силу колдовства, даже въ помянутыхъ вопросахъ они немного находили себѣ сторонниковъ. Агобардъ могъ доказывать отъ Св. Писанія, что истиннымъ владыкой надъ бурями и градомъ является одинъ Господь; но это не мѣшало тому, что *preces ad repellendam tempestatem* (молитвы для отогнанія бурь) оставались обычной составною частью католическаго требника. Въ иныхъ мѣстахъ священникъ выходилъ при этомъ за околицу деревни въ сторону надвигавшейся тучи и читалъ свои заклинанія надъ пылающимъ костромъ, куда бросалась издревле ненавистная демонамъ сѣра. И если Буркардъ въ Вормсѣ запрещалъ своимъ духовнымъ сынамъ вѣрить, будто бы колдовствомъ можно приворожить къ себѣ человѣка, то про его современника и близкаго сосѣда трирскаго епископа Поппо мѣстная хроника (начала XII-го вѣка) глубоко убѣжденнымъ тономъ рассказываетъ слѣдующую исторію. Однажды нѣкая монахиня изъ монастыря Пфальцель близъ Трира по просьбѣ Поппо вышила для него пару туфель, чтобы надѣвать при богослуженіи. Но монашенка эта тайно была влюблена въ своего архіепископа и, прежде чѣмъ отослать ему туфли, она ихъ заворожила. Едва Поппо усѣлъ ихъ на себя надѣтъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его вспыхнула грѣховная страсть къ этой женщинѣ. Въ испугѣ и негодованіи Поппо сейчасъ же сбросилъ съ себя туфли и предложилъ надѣтъ ихъ одному изъ приближенныхъ. Чары и на того произвели свое дѣйствіе. Опытъ былъ затѣмъ повторенъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ лицъ изъ епископской свиты, и всѣ поддавали подъ волшебное вліяніе туфель. Тогда Поппо изгналъ виновную монахиню изъ монастыря и измѣнилъ весь прежній его уставъ въ гораздо болѣе суровомъ духѣ. Онъ дѣйствовалъ при этомъ въ Пфальцелѣ съ такою беспощадною строгостью, что счелъ даже потому необходимымъ ради успокоенія совѣсти предпринять паломничество въ Святую Землю. И если въ Граціановомъ Декретѣ санкціонировался *Canon Episcopi* съ его осужденіемъ вѣры въ стригъ, то этотъ же Декретъ въ столь важномъ отдѣлѣ, какъ вопросъ о поводахъ къ разводу, санкціонировалъ и вѣру въ реальную возможность одного изъ главнѣйшихъ вѣдовскихъ преступленій—въ возможность чарами сдѣлать человѣка неспособнымъ быть мужемъ своей женѣ. Что же касается критическаго отношенія ранняго средневѣковья къ стригамъ въ томъ видѣ, какъ онѣ тогда существовали, то само по себѣ это отнюдь еще не служитъ доказательствомъ особой трезвости тогдашняго церковнаго міросозерцанія. Изъ всѣхъ тѣхъ представленій, которыя сплелись въ образѣ вѣдьмы, возможность для живыхъ людей летать по воздуху всегда наталкивалась на самый рѣзкій про-

тестъ со стороны простаго здраваго смысла: законъ Ньютона таился въ глубинѣ здороваго сознанія за тысячи лѣтъ до своей научной формулировки. Смуту могли вносить здѣсь лишь собственные убѣжденные рассказы людей о совершавшихся ими якобы полетахъ; но эти рассказы съ крайней легкостью опровергались свидѣтельствами лицъ, жившихъ съ такого рода ночными путешественниками подъ одной кровлей. И такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній удивляться тому, какъ раннее средневѣковье на низкой степени своего культурнаго развитія могло относить всѣ эти бредни въ область сонной жизни. Истинною загадкой здѣсь остается то, какъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ лангобардскаго короля Ротара духовные и свѣтскіе правители въ Западной Европѣ оказывались способны такъ сильно уступать этому своему отдаленному предшественнику въ степени «просвѣщенности», когда дѣло шло о совершенно схожихъ бредняхъ.

Но если подобное отрицательное отношеніе къ вѣрѣ въ стригъ даже для ранняго средневѣковья не можетъ признаваться какой-нибудь аномаліей, то нѣсколько труднѣе объяснить другое явленіе, которое тоже бросается въ глаза всякому, кто взглянетъ на изучаемую эпоху съ точки зрѣнія нашего вопроса. Дѣйствительно, за всю первую половину среднихъ вѣковъ Западная Европа безспорно погрязала въ глубочайшемъ невѣжествѣ, при которомъ интеллектуальная основа трепета передъ волшебствомъ, привычка видѣть всюду непосредственное вмѣшательство добрыхъ и злыхъ духовъ, оставалась въ полной неприкосновенности во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества. Привычка эта далѣе не только не сдерживалась, но развивалась самою общественною воспитательницею, католическою церковью, сдѣлавшей изъ страха передъ демонами главное орудіе своей «соціальной педагогики». Въ подобной атмосферѣ каждый считалъ необходимымъ вѣчно держаться насторожѣ противъ опасностей, которыми отовсюду угрожало чужое чародѣйство. Зная все это, мы ждемъ, конечно, что данная эпоха окажется одной изъ худшихъ въ исторіи гоненій на злыхъ волшебниковъ. И между тѣмъ на дѣлѣ мы этого нисколько не находимъ. Отдѣльные случаи безчеловѣчной расправы съ людьми, заподозрѣнными въ колдовствѣ, мы, конечно, встрѣчаемъ и въ эту пору. О нихъ не разъ упоминаетъ Григорій Турскій, передавая исторію кровавыхъ распрій, терзавшихъ королевскій домъ Меровинговъ. И позже въ лѣтописяхъ намъ попадаются то тамъ, то сямъ извѣстія въ родѣ того, что «въ 1128-мъ году, когда графъ фландрскій Дитрихъ Эльзасскій исчахъ отъ непонятной болѣзни сердца и внутренностей, его приближенные схватили женщину, которая по ихъ предположенію напустила эту

болѣзнь на графа, и сожгли ее живою», или что въ томъ же году «гентскіе граждане выпустили изъ одной ворожеи кишки и, вырвавъ изъ трупа желудокъ, носили его по городу». Иногда къ подобной расправѣ прилагали свою руку и установленныя общественныя власти. Изъ XI и XII столѣтія до насъ дошло нѣсколько фактовъ сожженія за колдовство по правильному судебному приговору. Но подобныя извѣстія за первую половину среднихъ вѣковъ оказываются у насъ всѣ на перечеть, и сколько бы мы при этомъ ни относили на счетъ крайней скудости нашихъ источниковъ, все же остается несомнѣннымъ, что преслѣдованіе колдуновъ нигдѣ въ Европѣ не играло въ это время сколько-нибудь замѣтной роли въ народной жизни. Въ приливѣ религіозной ревности «колдуновъ рѣзали, какъ цыплятъ», по выраженію Амміана Марцеллина, иные изъ императоровъ IV и V вѣка по Р. Х., когда въ Европѣ еще процвѣтала римская культура. Колдуній тысячами кидала въ пламя Европа XV и XVI вѣковъ, когда культура въ ней снова успѣла возродиться. Но въ промежуткѣ, въ ту пору, когда Европой правили «нечесаные неучи», она почти не обагряла своихъ рукъ колдовскою кровью.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ изслѣдователей нашего предмета, не такъ давно скончавшійся Вильямъ Лекки, представилъ по этому поводу въ своей «Исторіи рационализма» слѣдующія соображенія. Поразительно спокойное отношеніе къ волшебству самаго темнаго періода въ исторіи умственнаго развитія Европы онъ объясняетъ именно его темнотою. «На первый взглядъ,—говоритъ онъ,— конечно, кажется совершенно непонятнымъ, что въ данный историческій періодъ, когда суевѣріе было такъ могуче и разлито было такъ широко, казни за колдовство встрѣчаются сравнительно рѣдко. Никогда не бывало времени, когда человѣческій умъ былъ бы болѣе преисполненъ и затемненъ сверхъестественными представленіями и когда мысль о власти и повсемѣстномъ присутствіи бѣсовъ господствовала бы въ столь неограниченныхъ предѣлахъ. Тысячи случаевъ одержанія бѣсами, изгнанія ихъ, чудесъ и появленій дьявола вѣчно обращались въ общественной молвѣ. Ихъ принимали безъ малѣйшаго сомнѣнія, и они были самой обычной областью, въ которой упражнялась фантазія. Но, какъ это ни кажется для насъ теперь удивительнымъ, при самой твердой вѣрѣ въ дѣйствительность подобныхъ происшествій представленія эти не вызывали никакого терроризма. Самый избытокъ суевѣрія и служилъ суевѣрію коррективомъ. Всѣ вѣрили, что сатана вѣчно грозитъ добрымъ христіанамъ всякими опасностями; но точно такъ же всѣ твердо вѣрили, что крестнаго знаменія, нѣсколькихъ капель святой воды и т. п.

совершенно достаточно, чтобы немедленно обратить его въ постыдное бѣгство... Всѣ представленія объ окружающихъ насъ бѣсахъ, вся воспримчивость къ чудесному, которая столь роковымъ образомъ дѣйствовали на фантазію въ XV и въ XVI вѣкахъ, были уже тогда налицо. Но та безусловная вѣра, то безграничное и торжествующее легковѣріе, съ которымъ люди относились къ могуществу церковной обрядности, дѣлали эти представленія сравнительно безвредными. Будь общество немного менѣе суевѣрно, послѣдствія его суевѣрія оказались бы гораздо болѣе ужасными».

Отдавая полную справедливость остроумію такого психологическаго объясненія, мы все же должны будемъ, съ одной стороны, значительно его видоизмѣнить и съ другой дополнить анализомъ юридической стороны дѣла. Дѣйствительно, далеко не ко всѣмъ бѣдамъ, грозившимъ отъ нечистой силы, народъ въ надеждѣ на церковную обрядность относился съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это представляетъ Лекки. Народъ, напимѣръ, твердо зналъ изъ опыта, что не всегда церковное заклятіе можетъ осилить бѣсовъ, сидящихъ въ тучѣ съ градомъ, и относился потому къ «наводчикамъ бурь» съ ненавистью, о которой даетъ намъ представленіе раньше помянутый уже нами трактатъ Агобарда «О бессмысленномъ мнѣніи народа касательно града и грома». «Эти полувѣрные,—разсказываетъ тамъ про свою паству Агобардъ,—чуть только слышатъ громъ, сейчасъ же говорятъ: «вотъ онъ, наведенный вѣтеръ», и начинаютъ проклинать, говоря: «проклять языкъ, что его накликалъ. Чтобъ ему отсохнуть! И давно надо было бы вырѣзать его!» И подобныхъ стихійныхъ бѣдъ, которые не отвращались ни человѣческими усиліями, ни церковными молитвами, раннее средневѣковье испило полную чашу. По очень распространенному и очень поверхностному объясненію процессы вѣдьмъ возникли именно въ XV вѣкѣ благодаря тѣмъ ужасамъ, которые пережила Европа въ эпоху черной смерти и столѣтней войны: разстроенное этимъ народное воображеніе стало вездѣ искать слѣдовъ сатанинскихъ козней. Но если бы такое объясненіе было достаточно, процессы вѣдьмъ неизбежно должны бы были возникнуть на много столѣтій раньше. Лютыя голодовки и свирѣпая моровая язва въ раннее средневѣковье были обычными гостями въ различныхъ областяхъ Европы, а венгерскіе или норманскіе набѣги и усобицы князей тоже не менѣе давали себя чувствовать народу, нежели шайки мародеровъ, грабившія Францію во время столѣтней войны. Все это и тогда народъ относилъ на счетъ нечистой силы, отъ всего этого церковь оказывалась неспособной его защитить, и если онъ все же не зналъ систематическаго преслѣдованія колдуновъ, то, очевидно, дѣло здѣсь заклю-

чалось не въ одномъ его безграничномъ легковѣрїи. Да и само это народное легковѣрїе вовсе не до такой ужъ степени введено было тогда римскою церковью въ желательное для нея русло. Въ борьбѣ съ постигшимъ его несчастїемъ человѣкъ, правда, прежде всего обычно прибѣгалъ къ церковнымъ средствамъ. Но если они оказывались безуспѣшны, то онъ не обинуясь обращался за помощью и къ другой инстанціи—къ хранителямъ преданій старой языческой религіи, знахарямъ и знахаркамъ, или же онъ шелъ покорно умолять того же колдуна, которому онъ былъ по его мнѣнію обязанъ свалившейся на голову бѣдой.

Итакъ, не отрицая, что вѣра въ великую власть церкви надъ духами не мало способствовала тому спокойному отношенію къ волшебству, которое такъ поражаетъ насъ въ раннемъ средне-вѣковьи, мы все же съ психологической стороны едва ли не главнымъ источникомъ подобнаго спокойствія должны, повидимому, считать самую распространенность волшебства. Какъ современное общество гораздо болѣзненнѣе относится ко всякому убійцѣ, нежели относилось общество тѣхъ временъ, когда убійство было явленіемъ совершенно зауряднымъ и когда никто не выходилъ изъ дому, не перепоясавшись мечомъ, такъ и колдунъ въ раннюю пору среднихъ вѣковъ вовсе не наводилъ на окружающихъ такого безотчетнаго, паническаго ужаса, какой народъ сталъ испытывать передъ нимъ позже, когда занятія колдовствомъ сдѣлались сравнительной рѣдкостью и загнаны были въ подпольный мракъ. Почти что всякій тогда немножко былъ причастенъ волшебству, и на особыхъ искусниковъ въ этомъ дѣлѣ злобствовалъ лишь тотъ, кто считалъ себя потерпѣвшимъ отъ ихъ искусства, кто былъ увѣренъ, что пострадалъ отъ ихъ преступныхъ покушеній.

И тутъ мы переходимъ съ чисто психологической на юридическую почву. Тутъ самъ собою поднимается вопросъ о томъ, какіе же пути были тогда открыты закономъ человѣку, чтобы бороться противъ подобныхъ покушеній, и какъ вообще была организована тогда общественная охрана личности или, иначе говоря, какой характеръ носило уголовное право Западной Европы въ ту эпоху. Простая юридическая справка по этому предмету значительно поможетъ намъ объяснить причины столь поражающаго насъ бездѣйствія судебной власти въ дѣлѣ преслѣдованія колдовства.

Въ основѣ дѣятельности тогдашняго суда, какъ извѣстно, лежала еще не государственная, а свойственная всѣмъ раннимъ періодамъ юридическаго развитія частно-правовая точка зрѣнія на преступленія. Помимо того случая, когда лихого человѣка схватывали на мѣстѣ преступленія, судъ собирался лишь по требованію

частнаго обвинителя. *Wo kein Kläger, da kein Richter*—таковъ былъ основной юридическій принципъ всей той эпохи. На частномъ обвинителѣ лежала и обязанность представить доказательства виновности лица, которое онъ оговорилъ, при чемъ если онъ проигрывалъ дѣло, то ему грозила та же кара, какой въ случаѣ осужденія подвергся бы обвиняемый. Оговоренный оправдывался на судѣ или путемъ присяги съ положеннымъ числомъ такъ называемыхъ соприсяжниковъ или же, по усмотрѣнію судей, онъ подвергался особому испытанію огнемъ, водой и т. п., и тогда судъ принималъ форму Божьяго Суда. Въ этихъ условіяхъ становится вполне понятнымъ, почему въ первую половину среднихъ вѣковъ судамъ не часто приходилось вести процессы о колдовствѣ. Схватить колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія было, конечно, довольно мудренымъ дѣломъ. Преслѣдовать ихъ можно было такимъ образомъ лишь путемъ частнаго обвиненія. Но если въ припадкѣ ярости «сосѣди» оказывались нерѣдко способными обрушиться на заподозрѣннаго въ злостномъ колдовствѣ «сосѣда» и учинить съ нимъ варварскую расправу, то выступать отдѣльно съ доносомъ, за который въ случаѣ неудачи можно было самому поплатиться жизнью, немного находилось охотниковъ. Надо при этомъ еще замѣтить, что самый распространенный видъ судебного испытанія при обвиненіи въ колдовствѣ носилъ очень благопріятный для подсудимыхъ характеръ. Исходя изъ столь типичнаго для первобытной логики разсужденія, что люди, связавшіеся съ безплотными духами, сами должны проигрывать въ вѣсѣ сравнительно съ обыкновенными смертными, суды ранняго средневѣковья наиболѣе цѣлесообразнымъ приемомъ въ такого рода процессахъ считали *iudicium aquae frigidae*. Подсудимаго съ связанными руками и ногами на веревкѣ бросали въ воду, и если онъ держался на поверхности воды, это являлось доказательствомъ его вины, если же онъ тонулъ, это являлось свидѣтельствомъ его невинности. А не тонуть въ такихъ условіяхъ человѣкъ могъ почти что только по злой волѣ палача, державшаго въ рукахъ другой конецъ веревки ¹⁾.

¹⁾ Съ такою „пробой на холодную воду“ мы встрѣчаемся и на процессахъ вѣдьмъ въ XVI столѣтіи (Hexenbad), гдѣ она служила однимъ изъ способовъ получения нужныхъ для перехода къ пыткамъ „уликъ“. Въ ближайшемъ родствѣ съ ней стоитъ другой также употребительный въ XVI столѣтіи приемъ — взвѣшивание на вѣсахъ лица, заподозрѣнныхъ въ вѣдовствѣ. Судъ предварительно опредѣлялъ на глазъ, какой нормальный вѣсъ долженъ бы былъ имѣть при своемъ ростѣ подсудимый, и если тотъ вытягивалъ на вѣсахъ меньше, то это обстоятельство считалось противъ него уликой. Лежащая въ основѣ подобныхъ пробъ идея была знакома еще Плинію. Въ своей Естественной Исторіи онъ рассказываетъ про колдовское племя тибійцевъ, жившее на Черномъ морѣ: молва про нихъ гласила, что они легче воды и въ

На колдуновъ, впрочемъ, какъ намъ извѣстно, была и другая управа — епископская юрисдикція. Колдовство представляло такъ называемое *delictum mixti fori*: преступника судила тутъ то свѣтская, то церковная власть, смотря по тому, которая раньше налагала на него руку. Основной же юридическій принципъ церковнаго суда гласилъ, что римская церковь продолжаетъ жить по римскому праву, а римское право предписывало вести дѣла о преступленіяхъ религіознаго характера путемъ не обвинительнаго, но слѣдственнаго процесса. Такимъ образомъ церковныя власти и въ ту эпоху вполне могли въ преслѣдованіи колдовства развивать собственную инициативу. Но за время многовѣковаго спокойнаго владычества своего надъ обществомъ, безпрекословно подчинявшимся ея духовному авторитету, римская церковь отвыкла туго натягивать бразды своего правленія. Въ принципѣ требуя, чтобы и свѣтская власть въ дѣлахъ религіи руководилась римскимъ правомъ, церковь на практикѣ сама во многомъ подчинилась общему юридическому укладу окружавшей ее жизни и слабо занималась сыскомъ въ предѣлахъ собственной судебной компетенціи. Въ ея судахъ привычный населенію обвинительный процессъ тоже успѣлъ взять верхъ надъ завѣщанной Римомъ формою слѣдственнаго процесса. И такимъ образомъ мы здѣсь опять приходимъ къ тому же выводу, что первобытность общества сама и представляла для него главную гарантію отъ тѣхъ опасностей, которыми чревато первобытное суевѣріе. Если суды ранняго средневѣковья плохо оберегали личность отъ реальныхъ преступленій, они по крайней мѣрѣ не раздували мнимыхъ страховъ, подъ власть которыхъ такъ легко подпадаетъ всякое неразвитое общество.

Такой упорный, но въ то же время мягкій, мирный характеръ носила вѣра въ волшебство, когда въ XII столѣтіи ранѣ шедшая едва замѣтнымъ ходомъ общественная эволюція Европы — какъ то нерѣдко бываетъ съ эволюціонными процессами — вдругъ на извѣстной стадіи приняла бурное, революціонное теченіе. Въ нѣсколько поколѣній невѣдомая раннему средневѣковью гостья, пытливая разсудочность, мѣняетъ до неузнаваемости весь умственный обликъ молодыхъ европейскихъ націй, а вмѣстѣ съ этимъ и отношеніе ихъ къ духовному наслѣдію античной древности. Раньше оно хранилось

ней не тонуть. У средневѣковыхъ церковныхъ писателей разумность *iudicium aquae frigidae* иногда обосновывается, впрочемъ, иначе. Такъ Гинкмаръ Реймскій объяснялъ дѣйствительность испытанія на воду тѣмъ, что послѣ крещенія Спасителя въ Иорданѣ вся вода на землѣ получила особую святость, благодаря чему она на судебномъ процессѣ и выталкиваетъ изъ своего лона злодѣевъ.

въ римской церкви почти лишь въ качествѣ драгоценныхъ реликвій. Теперь оно снова обращается въ дѣйствительную жизненную силу, всасываясь въ плоть и кровь новой европейской культуры. Но если, становясь на широкую точку зрѣнія, съ данной эпохи мы и должны начинать исторію освобожденія европейскаго духа отъ тяжкаго рабства суевѣрію, то ближайшія послѣдствія помянутаго крутого перелома въ ходѣ культурнаго развитія Европы со многихъ сторонъ оказались совсѣмъ иными. Прежде чѣмъ познать благіе плоды новаго умственнаго движенія, духовная жизнь Европы должна была пройти чрезъ несказанно мучительный періодъ, когда начавшій уже неудержимо работать, но не восторжествовавшій еще надъ вѣрою въ авторитеты разумъ самъ для себя нерѣдко былъ худшимъ изъ тирановъ и, не найдя своихъ истинныхъ путей, не разрывалъ, а лишь съ неслыханною крѣпостью связывалъ сѣть помрачавшихъ человѣческихъ головы ложныхъ представленій. И трудно найти тутъ болѣе характерный эпизодъ, нежели исторія возникновенія процессовъ вѣдъмъ — безумство, которымъ Западная Европа обязана была именно этому промежуточному періоду въ развитіи теоретической, научной мысли.

IV.

Чтобы оправдать данное выше общее положеніе, чтобы объяснить, какимъ образомъ подъемъ умственной дѣятельности въ Европѣ могъ повести къ неслыханному обостренію самаго дикаго изъ суевѣрій, я долженъ буду прежде всего бѣгло напомнить ходъ церковной исторіи въ критическую для римскаго католицизма эпоху — съ XI по XIII вѣкъ.

Церковная жизнь Западной Европы въ раннее средневѣковье носитъ такой характеръ. Все общество во всѣхъ его слояхъ единодушно исповѣдуетъ католическую вѣру и очень гордится своимъ безукоризненнымъ православіемъ. Чего-нибудь похожаго на принципиальное невѣріе въ немъ нѣтъ и тѣни по той причинѣ, что міръ безъ Бога являлся для этой эпохи вещью, которую она прямо неспособна была себѣ представить. Но этой твердости религиозныхъ убѣжденій строго соотвѣтствуетъ ихъ полная пассивность. Не говоря уже про народную массу, вѣра которой сводится въ сущности къ вѣрѣ въ таинственную силу церковныхъ обрядовъ, такой пассивный характеръ носить и религиозная жизнь ея руководителей. Даже въ кругу высшаго духовенства и свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ, гдѣ обсуждаются и вершатся возникающіе вопросы церковной жизни, ни у кого нѣтъ мысли, чтобы въ дѣлахъ религіи была какая-нибудь

надобность въ собственномъ разсужденіи. «Наивно думать, — писалъ еще въ XI вѣкѣ одинъ изъ богослововъ, — чтобы въ завѣщанной намъ отъ предковъ вѣрѣ хоть что-нибудь осталось непредусмотрѣннымъ». Такимъ же путемъ ведутся и рѣдкія тогда занятія научнымъ богословіемъ. На техническомъ языкѣ церковной исторіи эта пора въ развитіи западной богословской мысли опредѣляется какъ періодъ полного «традиціонализма», когда все богословіе держалось чисто «репродукціоннаго метода». «Въ сознаніи крайней молодости самостоятельной германской культуры» самые ученые люди того времени, какъ Алкуинъ, какъ Рабанъ Мавръ и др., сводили все толкованіе истинъ христіанской вѣры къ подбору текстовъ изъ Св. Писанія и «сентенцій», заимствованныхъ у отцовъ древней церкви. Своихъ самостоятельныхъ вопросовъ они при этомъ не рѣшались поднимать, недружелюбно относясь къ чрезмѣрной пытливости ума въ области вѣры. *Odit Dominus nimios scrutatores...* ¹⁾).

Но съ достиженіемъ извѣстной духовной возмужалости общество начинаетъ утрачивать эту блаженную наивность вѣры. Въ исторіи его развитія XI вѣкъ можно сравнить съ тѣмъ возрастомъ, когда у молодого человѣческаго существа впервые пробуждается рефлексія съ ея мучительными, неотступными вопросами. Душевное состояніе множества мыслящихъ людей въ Европѣ этого времени живо рисуетъ намъ «Книга объ искушеніяхъ нѣкоего монаха», вышедшая изъ-подъ пера одного виднаго нѣмецкаго богослова, Отло. Отло рано рѣшилъ разстаться съ міромъ и удалился въ монашескую обитель. Но монастырь не далъ ему душевнаго спокойствія. Напротивъ, тутъ, въ стѣнахъ обители, за размышленіемъ о божественныхъ предметахъ и начались его внутреннія терзанія. Сомнѣнія въ всемъ обуреваютъ его душу: онъ сомнѣвается въ себѣ, въ Св. Писаніи и даже въ самомъ бытіи Божіемъ. «Правильно ли поступилъ онъ, удалившись въ монастырь? Можетъ ли онъ надѣяться, что обрѣтетъ здѣсь божескую благодать? Въ Св. Писаніи сказано: даже праведникъ едва спасается. Такъ не ограничено ли спасеніе немногими избранниками? Не напрасны ли поэтому всѣ молитвы и усилія? Не показываетъ ли Св. Писаніе, что Богъ поступаетъ съ людьми по полному своему произволению и что Онъ часто не пріемлетъ тѣхъ, кто самъ его ищетъ? Да правду ли говоритъ Св. Писаніе? И наконецъ существуетъ ли Богъ? Не представляется ли Писаніе умнымъ, но глубоко нечестнымъ людскимъ измышленіемъ? И развѣ содержаніе его не отдѣляется бездной отъ дѣйствительной жизни? И если правда, что существуетъ всемогущій Богъ, то почему же

¹⁾ Чрезмѣрная пытливость не угодна Богу.

все преисполнено до такой степени противорѣчіями и дисгармоніей?» Въ своихъ мукахъ Отло обращается къ небу съ такой молитвой: «О, если Ты существуешь, Всемогущій, и если Ты вездѣсущъ, то молю Тебя, покажи мнѣ, кто Ты и какъ велика Твоя сила, исторгнувъ меня изъ этихъ искушеній, ибо долѣе переносить ихъ я не въ состояніи.» (См. А. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, IV, 80.) Не всѣ, конечно, такъ болѣзненно реагировали на пробудившуюся рефлексію, какъ Отло. Типичной для XI вѣка фигурой можетъ, скорѣе, считаться пріятель Отло, Генрихъ. Онъ тоже размышлялъ уже надъ ученіями церкви и многое находилъ въ нихъ непонятнымъ. Но, дѣлаясь съ Отло поднимавшимися въ его душѣ вопросами, онъ прибавлялъ: «Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ того, о чемъ я спрашиваю: я не могу только понять, какимъ образомъ это оказывается истиной». Зато, съ другой стороны, многіе, въ комъ пробудилась потребность осмыслить для себя свою вѣру, далеко не такъ успѣшно справлялись съ неизбежными здѣсь соблазнами, какъ въ концѣ-концовъ успѣлъ съ ними справиться Отло. Въ XI же вѣкѣ Европа услышала голосъ Беренгара Турскаго, который говорилъ: Если мой разумъ, подобіе Божіе во мнѣ, приходитъ въ непримиримое столкновение съ авторитетами, то я согласенъ лучше погибнуть, чѣмъ подчинить свой разумъ простому указанію на авторитеты. И голосъ этотъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. За этимъ первымъ «раціоналистомъ» явился и рядъ другихъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ и дерзкихъ. Гамма вопросовъ, пробѣгавшихъ въ душѣ Отло, черезъ столѣтіе превращается въ гамму дѣйствительно исповѣдывавшихся еретиками мнѣній. Европа, которая въ теченіе ряда вѣковъ наслаждалась невозмутимымъ религіознымъ покоемъ, теперь знакомится со всѣми видами религіозной критики, идущей въ своихъ крайностяхъ до отрицанія Откровенія и даже до отрицанія самаго бытія Божія.

Такое пробужденіе разсудочности не ограничивается при этомъ лишь тѣснымъ кругомъ школьно-образованныхъ людей. Свѣтское общество, духовныя потребности котораго должна была удовлетворять римская церковь, тоже является къ XII вѣку далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ ту пору, когда авторъ *Heliand'a* отъ его лица говорилъ: законъ, это—записанный мудрыми людьми обычай предковъ, а отъ обычаевъ своей страны никто не долженъ отступать ни въ чемъ. Церковная паства въ XII столѣтіи не представляетъ уже собой, какъ прежде, разьединенно жившихъ по замкамъ, хуторамъ и деревнямъ бароновъ и виллановъ. То было время величайшей ломки старозавѣтнаго уклада жизни, черезъ какой когда-либо случалось проходить Европѣ. Это была Европа эпохи воз-

созданія городовъ и обратнаго перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, Европа эпохи крестовыхъ походовъ и новаго торговаго и умственнаго сближенія между Западомъ и Востокомъ. Пренная застылость смѣнилась кипучей жизнью въ этотъ «второй періодъ великаго переселенія народовъ». Вилланы толпами покидали свои деревни, стремясь въ свободную городскую атмосферу; рыцари арміями плавали за моря отчасти изъ религіознаго рвенія, отчасти изъ интереса къ приключеніямъ и къ диковиннымъ чужимъ странамъ; купцы съ товарами бороздили изъ конца въ конецъ весь извѣстный тогда міръ; и многое, что было захвачено этимъ водоворотомъ, оказывалось навсегда потеряннымъ для наивной, спокойной вѣры «по завѣтамъ предковъ». Въ нѣсколько поколѣній городъ перерабатывалъ виллановъ изъ жившихъ преданіями и фантазіей дѣтей природы въ разсудочную, скептическую буржуазію; рыцарь нерѣдко возвращался изъ Святой Земли съ душой, полной всякихъ сравненій и раздумья; и купецъ, заводившій связи съ восточными торговцами, быстро отвыкалъ видѣть въ не-католическомъ мірѣ только «поганыхъ». Такимъ образомъ сама жизнь доводила теперь множество «простыхъ людей» до психологической невозможности вѣрить, не размышляя. Отъ пастырей своихъ они при этомъ не получали по большей части никакихъ отвѣтовъ на волновавшіе ихъ новые религіозные вопросы, такъ какъ у большинства священниковъ едва хватало образованія на то, чтобы сносно справиться съ ритуаломъ. Къ тому же пастыри эти часто являлись для вѣрующихъ худшимъ источникомъ соблазна: нравы католической іерархіи въ это время дѣйствительно представляли изъ себя мало назидательнаго и находились въ вопіющемъ противорѣчій съ тѣмъ, что она сама проповѣдывала народу. Благодаря всему этому свѣтское общество передовыхъ странъ Европы замѣтно ускользаетъ изъ рукъ церкви. Изъ собственной его среды выходятъ «никѣмъ не призванные учителя», которые громятъ нещадно вѣковой укладъ церковной жизни, и проповѣдь ихъ падаетъ на воспріимчивую почву. «Обвиненія, — такъ характеризуетъ эту эпоху Рейтеръ, — что проповѣдуемые католическими священниками догматы являютъ собой людской вымыселъ, что обряды католическаго культа — грубое суевѣріе, что таинства — сатанинское наважденіе, громкія рѣчи про обманы жрецовъ, творящихъ якобы за мессой Тѣло Христово, развитіе критическаго смысла при толкованіи Библии — все это неизбѣжно будило во множествѣ людей дремлющую сознательность, смущало пробудившуюся и давало пищу всякимъ сомнѣніямъ какъ въ верхнихъ, такъ и въ низшихъ общественныхъ слояхъ тѣмъ болѣе, что классъ, противъ котораго направлялись такіа обвиненія, самъ по себѣ воз-

буждалъ недоброжелательство не только у еретиковъ, но и у правовѣрныхъ.» (H. Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, I, 154.) Само собою разумѣется, что католическая іерархія съ своей стороны не оставалась спокойною свидѣтельницей такого рода возмущеній противъ ея авторитета. Съ XI вѣка Европа снова увидала гоненія за вѣру; съ XI вѣка въ ней снова запылали костры для нарушителей церковнаго единства. Но, несмотря на эти кары, число еретиковъ не убывало, и многіе свидѣтели совершавшагося въ религіозной жизни переворота съ печалью приходили къ мысли, что спасительному владычеству римской церкви надъ католическимъ міромъ грозитъ скорый конецъ.

Мрачныя опасенія эти однако не сбылись. Традиціонное церковное міросозерцаніе въ XII столѣтіи ни для кого еще не являлось вещью изжитой. Общество, въ сущности, еще совсѣмъ не пробовало имъ жить, и для защиты его отъ той критики, на которую умъ человѣческій былъ тогда способенъ, у церкви въ распоряженіи имѣлась не одна репрессія. Чтобы овладѣть броженіемъ религіозной жизни въ массахъ, чтобы обезпечить себѣ еще на нѣсколько столѣтій господство надъ умственной жизнью Западной Европы, церкви довольно было самой серьезно передумать то, чему она привыкла механически учить другихъ. Ей надо было лишь нѣсколько поступиться старовѣрческимъ принципомъ *ubi deitas creditur, ratio non quaeritur*¹⁾, и, сдѣлавъ своевременно эту уступку, она сама мало-по-малу совсѣмъ преобразилась. Изъ горнила испытаній, пережитыхъ ею въ XI—XII вѣкахъ, римская церковь вышла могучѣе, чѣмъ когда-нибудь, съ тремя крупными приобрѣтеніями, составившими главную основу ея позднѣйшаго развитія. Она обогатилась новою церковною наукой—схоластикой, которая на время успѣла обратить разумъ изъ врага въ преданнаго служителя авторитета; она приобрѣла новую народно-воспитательную организацію, Нищенствующіе монашескіе ордена, которые успѣли—опять-таки на время—возвратить Риму утерянныя было симпатіи народныхъ массъ; и, наконецъ, она создала новый церковно-полицейскій институтъ,—инквизицію, своими особыми средствами справлявшуюся съ тѣми изъ отщепенцевъ, на кого не оказывали достаточнаго дѣйствія ни доводы рачіональной теологіи, ни нравственныя увѣщанія послѣдователей Доминика и Франциска. Эти три силы, родство которыхъ сказывается въ томъ, что главными дѣятелями какъ въ схоластической наукѣ, такъ и въ инквизиціонныхъ трибуналахъ оказывались члены тѣхъ же Нищенствующихъ орденовъ, наложили

¹⁾ Гдѣ дѣло идетъ о вѣрѣ въ Божество, тамъ не умствуютъ.

глубокую свою печать на весь ход умственной жизни въ Европѣ съ XIII до XVI вѣка. Имъ римская церковь обязана была самыми славными своими триумфами. Но въ ихъ же совокупномъ дѣйствіи кроется и объясненіе того, почему въ концѣ среднихъ вѣковъ изучаемый нами видъ суевѣрія—да и не онъ одинъ—далъ такіе ядовитые плоды, какихъ мы не встрѣчали въ темное раннее средне-вѣковье.

Въ виду опредѣляющаго вліянія, которое тутъ было оказано схоластикой, намъ слѣдуетъ присмотрѣться къ исторіи ея происхожденія нѣсколько поближе. Схоластика, т.-е. «школьное» богословіе—имя, которое она получила въ отличіе отъ стараго «положительнаго» богословія, довольствовавшася простыми тезисами, простою передачею сентенцій Св. Писанія и отцовъ церкви—возникла въ видѣ компромисса между принципомъ авторитета и рационалистическимъ теченіемъ XII вѣка. Компромиссъ этотъ являлся неизбежностью, ибо при новомъ состояніи человѣческаго сознанія уже самый принципъ церковнаго авторитета, передъ которымъ вѣрующій долженъ былъ склонять свой разумъ, приходилось защищать отъ того же разума. На аргументы въ пользу правъ разума приходилось отвѣчать аргументомъ же, что «самый смыслъ вѣры требуетъ подчиненія всякаго смысла вѣрѣ»: *Ratio autem fidei est omnem rationem humanam fidei postponere*. Въ подобныя пререканія церковь вступала, правда, неохотно, предпочитая въ борьбѣ съ послѣдовательными рационалистами обращаться не столько къ аргументамъ, сколько къ такимъ могучимъ силамъ, какъ слѣпые консервативные инстинкты массъ или мистическое воспріятіе религіи болѣе тонкими натурами. Зато разумъ успѣшно проникалъ въ область религіи черезъ другія двери. Силою обстоятельствъ римская церковь скоро была вынуждена признать, что безъ его содѣйствія она сама не въ состояніи точно установить тотъ кругъ ученій, который долженъ покрываться эгидой ея священнаго авторитета. Дѣйствительно, въ XII столѣтіи было уже затруднительно съ прежнею строгостью охранять сентенціи отъ всякаго прикосновенія къ нимъ «діалектики». Еще въ эпоху Беренгара правовѣрные богословы оказывались способны въ защиту господствовавшаго взгляда на Пресуществленіе сразу ссылаться на авторитетъ Августина, Иеронима и Амвросія, не замѣчая, что эти три великіе учителя совсѣмъ поразному рассуждали въ данномъ вопросѣ. Но на той степени сознательности, съ какою изучалось богословіе въ эпоху Абельяра, подобныя «контroversіи» между авторитетами у всѣхъ вставали передъ глазами. Абельяръ первый предъявилъ длинный ихъ перечень въ своемъ знаменитомъ *Sic et Non*; но Абельяръ сейчасъ же

указаль и путь, которымъ можно было выйти изъ подобныхъ затрудненій съ наименьшимъ ущербомъ для принципа традиціонализма. Разрѣшеніе подобныхъ «контroversій», писалъ онъ, найдется безъ труда, если за это дѣло возьмется логика, давая уразумѣть, что у разныхъ авторитетовъ одни и тѣ же слова имѣють разный смыслъ. Въ случаѣ же встрѣчи съ непримиримыми противорѣчіями остается дѣлать выборъ между авторитетами, опредѣляя сравнительный ихъ вѣсъ. И правовѣрные богословы съ радостью приняли этотъ методъ, предложенный—неизвѣстно съ какою искренностью—этимъ великимъ скептикомъ. Съ Петра Ломбардскаго, автора «Четырехъ книгъ сентенцій»—трудъ, комментированіемъ котораго университеты прилежно занимались до самаго конца среднихъ вѣковъ—логика получаетъ полныя права гражданства въ ортодоксальномъ преподаваніи богословія. Выспею своей гордостью школа теперь считаетъ неутомимый анализъ входящихъ въ сентенціи понятій и тонкость «дистинкцій», позволяющихъ уничтожить непримиримыя на видъ несогласія между авторитетами. Но, вынужденная вѣрять охрану церковнаго преданія заботамъ университетскихъ «діалектиковъ», церковь не могла оставаться совсѣмъ глухой и къ той потребности, которая всего сильнѣе сказывалась именно у такихъ на логикѣ воспитанныхъ людей—къ потребности дать философское освѣщеніе самому содержанію сентенцій. *Fides quaerit intellectum* ¹⁾, твердятъ школьные люди еще со времени Ансельма Кентерберійскаго, и церковь скрѣпя сердце соглашается снисходительно смотрѣть на подобные поиски. Такимъ образомъ на ряду съ доказательствами истинъ вѣры отъ Писанія и отъ авторитетовъ въ систему школьнаго богословія мало-по-малу вводятся и доказательства отъ разума, блестящіе примѣры которыхъ далъ въ свое время тотъ же Абельяръ. «Свѣтъ натурального разума» заимствуется при этомъ изъ древней философіи, главнѣйшимъ образомъ изъ Аристотеля, который благодаря арабамъ къ XIII вѣку становится хорошо извѣстенъ Западной Европѣ и получаетъ отъ восхищенной школы титулъ *Praecursor Christi in naturalibus* ²⁾. Извѣстно опыняющее дѣйствіе подобныхъ умозрѣній на только что проснувшуюся въ школѣ склонность размышлять. «Никакое разстояніе», — писалъ про Абельяра одинъ изъ современниковъ, — «никакая высота горъ, никакая глубина долинъ, никакія опасности на полныхъ разбойниками дорогахъ не могутъ удержать путниковъ, стекающихся къ нему со всѣхъ концовъ міра». Из-

¹⁾ Вѣра ищетъ разумѣнія.

²⁾ Предтеча Христа въ области естественнаго.

вѣстно и то, какимъ полезнымъ союзникомъ для церкви оказался этотъ «натуральный разумъ», къ которому въ эпоху Абельяра право-вѣріе относилось еще съ крайней подозрительностью. Съ гордостью церковь могла теперь говорить еретикамъ, что, возставая противъ ея ученій, они отказываются не только отъ званія христіанъ, какъ послушники священнаго авторитета, но даже отъ званія разумныхъ существъ, ибо истинный разумъ самъ требуетъ того же, чему учатъ Откровеніе и авторитеты. Въ такихъ условіяхъ церковныя власти освобождаются, наконецъ, отъ стараго своего страха передъ духомъ рационализма и сами благословляютъ состоявшійся на ихъ глазахъ союзъ между *auctoritas* и *ratio*. Пользуясь этой свободой и упо-ваяясь со страстью новымъ еще наслажденіемъ мыслить, университетскіе богословы развиваютъ теперь кипучую умственную дѣятельность и за XIII столѣтіе превращаютъ «раціональную теологію» въ «царицу всѣхъ наукъ». Школа попрежнему остается вѣрна принципу, что *fides praecedit rationi*; но при Томѣ Аквинскомъ и Дунсѣ Скоттѣ она уже не ограничивается съ философской стороны простымъ подыскиваніемъ разумныхъ доводовъ въ пользу незыблемо стоящихъ сентенцій. Взявъ эти раціоналистически интерпретированныя сентенціи за аксіомы, она смѣло дѣлаетъ изъ нихъ дальнѣйшіе логическіе выводы и, пополняя отъ «натуральнаго разума» неизбѣжныя пробѣлы, она стремится такимъ путемъ создать вполне законченную систему міросозерцанія. Въ рукахъ великихъ схоластиковъ раціональная теологія превращается въ свѣточъ, озаряющій всѣ области, въ которыхъ только можетъ идти работа человѣческаго ума. На судъ этой науки немедленно по достиженіи ею зрѣлости былъ призванъ и вопросъ о волшебствѣ со всѣми входящими сюда представленіями.

Вопросъ этотъ при выработкѣ цѣльной научной системы міросозерцанія необходимо подлежалъ коренному пересмотру, такъ какъ насчетъ него въ различныхъ кругахъ общества XII—XIII вѣковъ царило чрезвычайное разнорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, та рѣзкая перемѣна въ складѣ европейской жизни, о которой мы выше говорили, сказалась не только пробужденіемъ разсудочности: она съ меньшей силой отозвалась и на работѣ народной фантазіи. Въ эпоху, когда Европой овладѣла такая охота странствовать,—когда дороги были полны и путешествующими рыцарями, и бродячими клириками, и переѣзжавшими изъ страны въ страну купцами, и переходившими изъ города въ городъ ремесленниками,—принялся странствовать и тотъ запасъ созданій народнаго творчества, который вѣками накоплялся по разнымъ уголкамъ крещенаго и некрещенаго міра. При этомъ встрѣчи были неизбѣжны, и такъ же неизбѣжно

было сліяніе мѣстныхъ повѣрій и легендъ въ картины невиданной прежде сложности и яркости. Особенно возбуждающимъ образомъ дѣйствовали здѣсь крестовые походы, открывшіе въ Европу доступъ произведеніямъ пылкой, цвѣтистой фантазіи Востока. Но свою лепту вносила тутъ и школа, которая съ небывалымъ усердіемъ читала теперь античную литературу и пускала въ общій оборотъ чудесные рассказы изъ греко-римской мѣологии. Само собою разумѣется, что при той рѣзко демонической окраскѣ, которую носило еще въ эту пору и западное и восточное міросозерцаніе, крупная доля этой поэтической работы должна была достаться и на долю бѣсовъ. Особенно въ кругахъ, тянувшихъ къ монастырямъ, гдѣ живо было «древнее благочестіе», весь этотъ наивный лепетъ отовсюду собиравшихся народныхъ сказокъ осмысливался въ строго опредѣленномъ направленіи, и такимъ образомъ царство воздушныхъ обитателей вслѣдъ за землею заиграло теперь новой, разнообразной жизнью ¹⁾.

Лучшимъ путеводителемъ по этому царству служить, безспорно, *Dialogus Miraculorum* Цезарія Гейстербахскаго — трудъ, выросшій изъ уроковъ Закона Божія, которые авторъ ея, извѣстный своими дарованіями и высокой нравственностью монахъ, по порученію духовнаго начальства давалъ монастырскимъ послушникамъ. Исторія литературы давно уже разложила Цезаріевы рассказы на составные элементы; Гриммъ и его ученики давно уже опредѣлили, какія западныя и восточныя преданія, повѣрья и легенды скрытно вдохновляли Цезарія, когда онъ, бесѣдуя съ боголюбивыми юношами о христіанскихъ добродѣтеляхъ и таинствахъ, сотнями рисовалъ на фонѣ католической догматики и этики поэтическія волшебныя картины. Мы тутъ находимъ и память о чудодѣйственной мантии Вотана — этомъ германскомъ коврѣ-самолетѣ — и отзвуки гомеровской Одиссеи; передъ нами оживаютъ фигуры свѣтлыхъ эльфовъ и темной свиты карлика Альбериха; сказанія о Дикомъ Охотникѣ идутъ здѣсь на ряду съ мало-азіатской легендой о Теофилѣ и т. д. Но

¹⁾ Для роли школы характеренъ слѣдующій рассказъ извѣстнаго писателя XII вѣка Вальтера Мала въ его сборникѣ *De pugis curialium*. Малъ въ юности былъ студентомъ Парижскаго университета и говорить, что вопросъ о греко-римскихъ божествахъ служилъ предметомъ жестокихъ споровъ между школьниками, пока онъ не былъ рѣшенъ безповоротно не кѣмъ другимъ, какъ самимъ сатаной. Явившись на студенческой диспутъ, сатана заявилъ, что надо вѣрить Августину и прочимъ отцамъ древней церкви, ибо Церера, Вакхъ, Панъ, Пріапъ, фавны, сатиры, сивьяны, дриады, наяды и орады всѣ суть дѣйствительные бѣсы. И эта лекція сатаны въ Парижскомъ университетѣ не пропала даромъ. Довольно приглядѣться къ собственнымъ его портретамъ въ готическихъ соборахъ, чтобы безъ труда установить сходство съ античною фигурой фавна.

все это скомпоновано у Цезарія съ большою стройностью и выдержано въ христіанскомъ тонѣ. Насмѣшливые маленькіе кобольды — старинное порожденіе германской фантазіи — помогаютъ Цезарію обличить грѣхъ тщеславія. Ихъ трудно, конечно, не узнать въ разсказѣ о событіи въ одной изъ майнцскихъ церквей, гдѣ по молитвѣ нѣкоего святого мужа всѣ богомольцы увидѣли, какъ на пышномъ шлейфѣ надменной щеголихи «сидѣли бѣсы, ростомъ не больше крысы, черные, какъ арапча, хихикая, хлопая въ ладоши и кувыряясь, словно рыбки въ неводѣ». Но нельзя не отдать справедливости и мастерству, съ какимъ Цезарій воспользовался ими въ своихъ духовно-назидательныхъ цѣляхъ. Германской мифологіи извѣстны были темные исполины, противники свѣтлыхъ Азовъ, загнанные своими побѣдоносными соперниками въ подземное царство. Образъ такого исполина дьяволъ принимаетъ у Цезарія, когда рѣчь заходитъ о людяхъ, осмѣливающихся сомнѣваться въ существованіи нечистой силы. Такъ онъ явился по вызову черно-книжка дерзкому скептику, рыцарю Фалькенштейну — и рыцарь послѣ этого остался навсегда безъ кровинки въ лицѣ. Повѣрье о Дикомъ Охотникѣ связывается у Цезарія съ разсужденіемъ о цѣлибатѣ клириковъ и облачается въ слѣдующій видъ.

„Сожительница одного священника на смертномъ одрѣ своемъ убѣдительно просила, чтобы ей сшили новые крѣпкіе башмаки, говоря: „Въ нихъ меня пусть и похоронятъ, они мнѣ будутъ очень нужны“. Воля ея была исполнена. На слѣдующую ночь послѣ ея похоронъ одинъ рыцарь, ѣхавшій съ своимъ оруженосцемъ, задолго до разсвѣта при яркомъ дунномъ блескѣ вдругъ услышалъ раздираемый женскій вопль. Пока путники дивились, что бы такое это было, вдругъ къ нимъ стремглавъ бѣжитъ какая-то женщина съ крикомъ: „Помогите, помогите!“ Рыцарь сейчасъ же соскочилъ съ коня и, очертивъ кругъ мечомъ, сталъ въ немъ и туда же ввелъ женщину, которую онъ тутъ успѣлъ признать. Одѣта была она въ одну рубашку да въ башмаки, о которыхъ мы поминали. И вотъ издалека, наводя трепетъ, доносится какъ будто звукъ охотничьяго рога и голоса несущейся впереди гончей стаи. Когда при этихъ звукахъ женщина затрепетала, то рыцарь, узнавъ отъ нея, въ чемъ дѣло, отдалъ коня оруженосцу, а самъ на лѣвую руку намоталъ ея косу, а въ правую взялъ обнаженный мечъ. При приближеніи адскаго охотника женщина завопила рыцарю: „Пусти, я побѣгу, пусти, я побѣгу, вотъ онъ, вотъ онъ!“ И такъ какъ рыцарь ея не выпускалъ, то несчастное созданіе начало неистово биться, пока не вырвалось, оставивъ на рукѣ рыцаря волосы. Дьяволъ, догнавъ ее, схватилъ и перебросилъ на своего коня поперекъ: руки и голова висѣли на одну сторону, а ноги на другую. Такъ онъ немного спустя попалъ на дорогѣ рыцарю, увозя свою добычу. Вернувшись утромъ къ себѣ домой, рыцарь разсказалъ, что съ нимъ было, и показалъ волосы. Но такъ какъ этому не соглашались вѣрить, то вскрыта была могила женщины, и на трупѣ ея дѣйствительно не оказалось волосъ. Случилось это въ архіепископствѣ Майнцскомъ“.

Сказки про оборотней тоже нашли себѣ мѣсто въ душеспасительныхъ повѣствованіяхъ Цезарія. Дьяволъ у него скидывается и лошадыю, и быкомъ, и кошкой, и собакой, и медвѣдемъ, и обезьяной, и ворономъ, и ястребомъ, и жабой. Но главные свои подвиги онъ все же производитъ подъ личиною человѣка. Смотря по своей

цѣли онъ принимаетъ въ Цезаріевыхъ разсказахъ самый различный образъ: то онъ является неуклюжимъ мужикомъ, то франтомъ солдатомъ, то арапомъ, то священникомъ, то легкаго поведенія дѣвицей и т. д. Впрочемъ, замѣчаетъ по этому поводу Цезарій, чѣмъ бы онъ ни являлся, спины у него обыкновенно не бываетъ. Это извѣстно твердо. Такъ говорила между прочимъ одна дѣвушка, къ которой повадился навѣдываться дьяволъ. Ей показалось странно, что онъ отъ нея всегда уходитъ, пятясь задомъ, и она его спросила, какъ это надо понимать. *Licet corpora humana nobis assumamus, dorsa tamen non habemus* ¹⁾ — такъ объяснилъ свое поведеніе вѣжливый гость. Поясимъ съ своей стороны и мы, что эту особенность строенія Цезаріевъ бѣсъ дѣлитъ съ германскими лѣшими, которые тоже внутри оказывались пусты, «какъ дерево съ дупломъ или какъ квашня».

Съ небожителями античной и германской мифологіи Цезаріевыхъ бѣсовъ сближаетъ ихъ способность нисколько не стѣсняться «тяжею природою человѣческаго тѣла». Какъ Вотановы служительницы, валькиріи, переносили тѣла павшихъ героевъ въ свѣтлую обитель Валгаллы, такъ бѣсы у Цезарія постоянно подхватываютъ живыхъ и мертвыхъ грѣшниковъ и увлекаютъ въ мрачную область ада. Мы выше уже встрѣтились съ разсказомъ о похищеніи дьяволомъ тѣла священнической любовницы. Точно такъ же дьяволъ на ворономъ конѣ возилъ живого ростовщика Готпалька въ преисподнюю, чтобы показать заранѣе, гдѣ ему уготовано мѣсто. А вотъ разсказъ, который для насъ особенно интересенъ въ связи съ позднѣйшими воздушными путешествіями вѣдьмъ.

О женщины-колдунь, которую носили демоны.

Въ Газельтѣ, городѣ утрехтской епархіи, нѣкая презрѣнная женщина однажды, ставъ на бочку и прыгнувъ съ нея задомъ, такъ сказала: Я прыгаю теперь изъ-подъ власти Божіей подъ власть сатаны. Дьяволъ ее сейчасъ же подхватилъ, поднялъ на воздухъ и на глазахъ у многихъ какъ въ городѣ, такъ и за городомъ понесъ выше лѣсовъ туда, откуда она и до сего дня не вернулась.

Но бѣсъ подхватываетъ людей на воздухъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ является орудіемъ небснаго правосудія. Тотъ дьяволъ, который въ видѣ быка напалъ на звонаря изъ города Амеля, языкомъ взбросилъ его себѣ на спину и уволокъ на зубцы башни въ Изенбургъ, сдѣлалъ все это, чтобы страхомъ принудить этого благочестиваго человѣка поклониться себѣ, какъ Богу. И дьяволъ въ образѣ женщины, который обнялъ сѣстскаго кабатчика Генриха Гемму, взвился съ нимъ на воздухъ и такъ его тамъ стиснулъ, что тотъ сталъ чахнуть и черезъ годъ скончался, от-

¹⁾ Хотя мы и принимаемъ человѣчскій видъ, но спины у насъ нѣтъ.

нюдь не караль Генриха за грѣхи: напротивъ, онъ дѣйствовалъ изъ мести за то, что Генрихъ не поддался его соблазнамъ и не хотѣлъ отвѣчать на его любовь.

И здѣсь опять Цезаріевы бѣсы выдають свое происхожденіе. Подобно языческимъ богамъ и полубожественнымъ существамъ, они свободно вступаютъ въ любовныя сношенія съ земными обитателями и даже производятъ отъ нихъ потомство. *Ut quid ergo exigit carnale coniugium, quod naturae tuae dignoscitur esse contrarium?* спрашиваетъ въ одномъ изъ Цезаріевыхъ разсказовъ дѣвушка своего жениха, услышавъ отъ него признаніе, что онъ не кто иной, какъ дьяволъ. *Tu tantum mihi consenti*, отвѣчаетъ тотъ, *nihil aliud a te nisi copulae consensum requiro*. И цѣлымъ рядомъ разсказовъ Цезарій подтверждаетъ, что бѣсъ былъ правъ, что онъ можетъ быть женщиной настоящимъ мужемъ и что мужчиной онъ можетъ быть настоящею женою. Само собой разумѣется однако, что тутъ не остается и слѣда отъ свѣтлаго тона, въ которомъ мифологія повѣствовала про земныя привязанности боговъ и полубоговъ. Если кого Цезаріевъ бѣсъ тутъ напоминаетъ, то лишь того же безобразнаго и навязчиваго фавна, съ которымъ, какъ мы замѣтили, онъ схожъ и по портретамъ. Бѣсъ безконечно похотливъ и, овладѣвъ разъ женщиной, онъ не даетъ ужъ ей покоя. Всѣ связи съ нимъ кончаются для людей пагубно, если несчастная жертва бѣса во время не припадаетъ къ стопамъ церкви. Опасность грозитъ при этомъ и окружающимъ. У боннскаго священника Арнольда изъ прихода св. Ремигія, разсказываетъ Цезарій, была красавица дочка, которую онъ берегъ какъ зѣницу ока и, уходя, всегда накрѣпко запиралъ въ свѣтелкѣ «изъ-за молодыхъ людей, особенно изъ-за боннскихъ канониковъ». Къ скучавшей дѣвушкѣ пробрался бѣсъ въ видѣ любезнаго кавалера и склонилъ ее на грѣхъ. Связь эта быстро извела несчастную: она стала сохнуть, разстраиваться умомъ и наконецъ во всемъ отцу призналась. Отецъ немедленно отправилъ ее подальше отъ дому, на другой берегъ Рейна. Бѣсъ, явившись и не найдя своей возлюбленной, набросился на самого священника: «Дрянной пошкис, зачѣмъ ты увезъ у меня жену? Себѣ на горе ты это сдѣлалъ!» При этомъ онъ такъ ударилъ бѣднаго священника въ грудь, что у того кровь хлынула горломъ и онъ на третій день отдалъ Богу душу. Такъ переносилъ Цезарій на церковный фонъ старую мифологію съ прибавкой кое-чего изъ той области нервной патологии, изслѣдованіе которой доставило позднѣ такую славу Шарко и его школѣ.

Но, говоря про то искусство, съ которымъ Цезарій комбинируетъ въ своихъ разсказахъ самые разнородные элементы, мы от-

даемъ лишь должную дань его художественному вкусу и вовсе не хотимъ сказать, чтобы Цезарій сознательно перерабатывалъ народные повѣрья въ нужныя для него формы. Напротивъ, главный интересъ *Dialogus Miraculorum* въ томъ и состоитъ, что для самого автора рассказы его являлись уже дѣйствительными событіями и притомъ не отдаленнаго, а недавняго прошлаго. Рыцарь Гергардъ послѣ многолѣтней безвѣстной отлучки вдругъ возвращается на спинѣ бѣса изъ дальней Индіи домой въ ту самую минуту, какъ вѣрная его супруга принимаетъ у себя новаго жениха, которому она не можетъ долше отказывать въ согласіи на бракъ. Исторія литературы, конечно, въ правѣ видѣть здѣсь лишь средневѣковый вариантъ гомеровскаго рассказа о Пенелопѣ. Но для Цезарія все это произошло вовсе не такъ давно и совсѣмъ недалеко отъ Гейстербаха. «Внуки этого рыцаря до сихъ поръ обитаютъ въ родномъ ихъ городѣ Голенбахѣ, и въ городѣ рѣдкій челоувѣкъ не знаетъ этого происшествія». Такъ засвидѣтельствованы у Цезарія и другіе его рассказы. Про рыцаря Фалькенштейна Цезарій слышалъ отъ другого Цезарія, прюмскаго аббата, у котораго Фалькенштейнъ состоялъ въ свое время на службѣ. Цезарій называетъ по имени и чернокнижца, вызвавшаго къ Фалькенштейну дьявола: то былъ магъ Филиппъ, слава котораго гремѣла тогда по всему Рейну. Про бѣсовъ на шлейфѣ майнцской щеголихи Цезарію рассказывалъ одинъ почтенный майнцскій обыватель. Иное же записано Цезаріемъ и прямо со словъ людей, которымъ самимъ пришлось побывать у чорта въ лапахъ. «Богъ мнѣ свидѣтель,—пишетъ Цезарій въ предисловіи,—въ книгѣ моей нѣтъ ни одного измышленнаго происшествія. Если же что на дѣлѣ произошло не такъ, какъ у меня написано, то пусть за это отвѣчаютъ тѣ, кто мнѣ это передавалъ». И все, что мы знаемъ о характерѣ Цезарія, заставляетъ насъ вѣрить искренности такого заявленія. Кое-что, конечно, въ Цезаріевой книгѣ все-таки надо относить на долю «благочестиваго вымысла», который вовсе не считался предосудительною вещью среди монаховъ, дѣлившихся съ Цезаріемъ извѣстными имъ чудесами. Но роль вымысла при этомъ никакъ не слѣдуетъ преувеличивать. Дѣти деревни, въ которой не изсякъ еще тогда родникъ первобытнаго поэтическаго творчества, и въ то же время прилежные чтецы бревиарія, исполненнаго чудесными рассказами о пустынножителяхъ Востока, Цезарій и его собраты сами для себя проводили границу истины и сказки, возможнаго и невозможнаго совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы ее сейчасъ проводимъ. Книга Цезарія—отзвукъ стоустой монастырской молвы. А всякому извѣстно, съ какою быстротою въ легковѣрной средѣ молвой создаются самые невѣро-

ятные рассказы, при чемъ сознательнаго обманщика напрасно было бы искать.

Среди легендъ, которыя путемъ такого коллективнаго творчества перерабатывались для современниковъ Цезарія въ *aliqua ex his, quae nostris temporibus miraculose gesta sunt et quotidie fiunt*¹⁾, особаго нашего вниманія заслуживаютъ еще рассказы о договорахъ съ сатаной. Литературная исторія этой темы хорошо изучена. Въ конкретный образъ подобный договоръ былъ облеченъ впервые восточною фантазіей еще въ V столѣтіи по Р. Х. Современное бл. Августину малоазіатское сказаніе о чудесахъ Василія Великаго передаетъ намъ слѣдующую легенду. Одинъ рабъ влюбился въ сенаторскую дочь. Чтобы достигъ цѣли своихъ желаній, онъ обратился къ заклинателю. Тотъ ночью привелъ его къ заброшенной языческой могилѣ, куда былъ вызванъ и дьяволъ. Дьяволъ обѣщаль рабу свое содѣйствіе подѣ условіемъ, что онъ письменно отречется отъ Христа и св. крещенія и признаетъ его, дьявола, своимъ истиннымъ владыкою. Съ помощью нечистой силы рабъ послѣ этого получилъ все, чего хотѣлъ. Но муки совѣсти заставили его покаяться въ своемъ грѣхѣ Василію Великому. Рассказъ кончается сценой, какъ по горячей молитвѣ святого грѣшникъ былъ прощенъ: грамота, содержащая преступное отреченіе отъ Бога, упала съ неба къ ногамъ епископа, который тутъ же ее и уничтожилъ. На Западѣ особымъ успѣхомъ пользовалась другая, тоже греческая, версія этой легенды, гдѣ дѣйствіе переносится во времена императора Юстиніана и гдѣ героемъ является несправедливо оклеветанный епископскій эконоомъ Теофилъ. Грѣшникъ спасается здѣсь прямымъ заступничествомъ Пресвятой Дѣвы. Въ западной литературѣ сказаніе о Теофилѣ мы находимъ впервые у Павла діакона (VIII вѣкъ). Затѣмъ оно было переложено въ стихи монахиней Росвитой и стало излюбленнымъ сюжетомъ позднѣйшихъ театральныхъ представленій. При крупной своей начитанности Цезарій долженъ былъ, конечно, знать эту типичную легенду. Это однако нисколько не мѣшаетъ ему съ глубокимъ чувствомъ передавать необычайно схожее происшествіе, случившееся съ однимъ человѣкомъ изъ окрестностей Флореффіи въ Люттихской епархіи, «который долженъ еще и нынѣ здравствовать». Что же касается договоровъ съ сатаной, кончающихся не такъ благополучно, то въ Цезаріевомъ кругу они считались самой обыкновенной вещью. Въ XIII столѣтіи сатана самъ уже навязывается людямъ съ своими

1) кое-что изъ того, что произошло чудеснымъ образомъ въ наши дни и ежедневно происходитъ.

предложеніями, и современникамъ Цезарія вполне обстоятельно было извѣстно, какія отношенія между сторонами создаются подобнымъ договоромъ: это точнѣйшій сколокъ съ феодальной связи между сеньеромъ и его вассаломъ, при которой вассаль обязывался преданностью сеньеру, а сеньеръ бралъ его подъ свою высокую защиту. Одинъ аббатъ изъ Моримунды, рассказываетъ Цезарій, во дни своей юности былъ студентомъ въ Парижѣ. «Будучи тупъ умомъ и слабъ памятью, такъ что ему донельзя трудно было что-нибудь понять или запомнить, онъ былъ для всѣхъ посмѣшищемъ и всѣми почитался за идиота. Отъ этого онъ началъ приходить въ смущеніе, и сердце его терзалось жестокою печалью. Однажды ему случилось прихворнуть, и вотъ къ нему является сатана и говорить: *Vis mihi facere hominum, et ego tibi dabo scientiam omnium litterarum* ¹⁾. Услышавъ это, юноша затрепеталъ и на соблазны дьявола отвѣтилъ: *Redi post me, satanas, quia nunquam eris dominus meus, neque ego homo tuus* ²⁾. Какъ видимъ, обѣ стороны выражались совершенно опредѣленными терминами феодальнаго права. Цезаріевымъ современникамъ случалось видывать и подлинныя грамоты, гдѣ было писано подобное *homagium*. Въ городѣ Безансонѣ, какъ рассказывалъ Цезарію одинъ монахъ очевидецъ,—появилось разъ двое еретиковъ, которые совсѣмъ было склонили народъ отпасть отъ церкви своими удивительными знаменіями: они ходили по полу, усыпанному мукой, не оставляя никакого слѣда, они путешествовали по водѣ, какъ по сушѣ, и выходили невредимыми изъ пламени. Народъ стоялъ за нихъ горой, и епископъ безансонскій, «мужъ добрый и ученый», совсѣмъ не зналъ, какъ ему съ этими злодѣями бороться. Тогда онъ призвалъ къ себѣ одного изъ клириковъ, «великаго искусника въ чернокнижіи», и приказалъ ему узнать у дьявола, что это за люди, откуда они явились и какою силою творять свои чудеса.

Клирикъ сказалъ: „Владыко, я давно отрекся отъ такого искусства“. Епископъ отвѣчалъ: „Ты видишь, въ какомъ я положеніи. Мнѣ придется или согласиться съ ихъ ученіемъ или быть побиту камнями. Итакъ, я приказываю тебѣ съ отпущеніемъ грѣховъ, чтобы ты мнѣ въ этомъ повиновался“. Повинуясь епископу, клирикъ вызвалъ дьявола и на вопросъ того, зачѣмъ онъ призванъ, отвѣчалъ: „Я каюсь, что отступился отъ тебя. И такъ какъ впредь я обещаю тебѣ быть послушнѣе прежняго, то прошу тебя, скажи мнѣ, что это за люди, что за ученіе ихъ и какою силою они творять такія чудеса“. Дьяволъ сказалъ: „Они мои, мною они посланы и проповѣдуютъ то, что я имъ вложилъ въ уста“. Клирикъ спросилъ: „Почему же ничто не можетъ имъ причинить вреда, почему они въ водѣ не тонуть и въ огнѣ не горятъ?“ На это демонъ отвѣтствовалъ: „Грамотки мои,

¹⁾ Хочешь принести мнѣ вѣрноподанническую присягу, и я дамъ тебѣ знаніе всѣхъ наукъ.

²⁾ Отыди отъ меня, сатана: никогда не будешь ты мнѣ властителемъ и не стану я твоимъ человекомъ.